Ю. А. Говорухина

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА НА РУБЕЖЕ XX-XXI веков

Монография

Институт филологии и языковой коммуникации

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

Юлия Говорухина

Русская литературная критика на рубеже XX-XXI веков

«СФУ»
2012

УДК 82.09
ББК 83

Говорухина Ю. А.

Русская литературная критика на рубеже XX-XXI веков /
Ю. А. Говорухина — «СФУ», 2012

В монографии выявляются причины эпистемологического тупика, в котором оказалась теория критики в 1980-е годы, предлагается вариант его преодоления. В границах терминологического и понятийного поля герменевтической онтологии выявляется и описывается структура литературно-критической деятельности, вводятся новые классификационные критерии для типологии современной литературной критики. Автор анализирует внутренние механизмы порождения интерпретационных стратегий и риторики «либеральной» и «патриотической» толстожурнальной критики рубежа XX-XXI веков. Отдельная глава монографии посвящена исследованию интерпретационных и коммуникативных стратегий Н. Ивановой, В. Бондаренко, М. Липовецкого, В. Курицына, Д. Быкова. Издание адресовано профессиональным критикам, филологам, лингвистам, литературоведам и читателям, интересующимся вопросами теории и истории литературной критики, герменевтики, текстопорождения и восприятия.

УДК 82.09
ББК 83

© Говорухина Ю. А., 2012
© СФУ, 2012

Содержание

Введение 5
Познание и самопознание литературной критики: границы интерпретации 10
Литературная критика «толстых» журналов рубежа XX – XXI веков: обстоятельства функционирования 37
Социокультурная и эпистемологическая ситуация конца XX века 37
Формы бытования литературной критики на рубеже XX – XXI веков 44
Литературная критика «либеральных» журналов: объектное поле, интерпретационные стратегии, ценностные ориентиры 53
Метакритика конца XX – начала XXI веков: поиск идентичности и стратегии самоинтерпретации 53
Общественное сознание как объект внимания литературной критики: интерпретационные стратегии, ценностные ориентиры 61
Конец ознакомительного фрагмента. 70

Ю. А. Говорухина
Русская литературная критика на рубеже XX-XXI веков

Введение

Современный этап литературоведения характеризуется ситуацией методологического плюрализма, гуманитарного «взрыва» (Ю. М. Лотман), «эпистемологического разрыва» (М. Фуко), совпавшего с тотальной модернизацией всех уровней социальной жизни. Рубеж XX–XXI веков в гуманитарной сфере – время терминологической неопределенности, когда понятия лингвистики, философии, психологии и психоанализа, социологии, культурологии, герменевтики и семиологии конкурируют в языковой картине мира. Возникают новые области гуманитарного знания, обостряются терминологические и понятийные проблемы, формируются многообразные подходы к исследованию и истолкованию как отдельных терминов, текстов, литературных явлений, так и литературного процесса в целом. Все это определяет актуальность изучения разных уровней литературного процесса рубежа XX–XXI веков: от исследования художественных миров отдельных авторов до выявления закономерностей, тенденций развития ведущих (литературных) направлений в широком литературном контексте. В то же время предметом большинства исследований становится по преимуществу художественная литература, в то время как современная литературная критика, являющаяся неотъемлемой частью литературного процесса и выполняющая функцию самосознания литературы, пока должным научным образом не описана и не исследована. Формирующиеся новые методологические подходы используются для исследования исключительно художественной литературы.

Литературная критика изучается в рамках прежних методологических парадигм, созданных в 1970–1980-е годы – в период активного развития теории критики (работы В. И. Баранова, Ю. Б. Борева, А. Г. Бочарова, Б. И. Бурсова, А. С. Бушмина, А. Н. Иезуитова, В. Н. Коновалова, М. Я. Полякова и др.). Позитивистски ориентированная и в этом своем качестве генетически восходящая к метакритике XIX века, теория критики этого периода актуализирует понятия «метод», «объективность», «научность», направляет исследовательские усилия на анализ содержательных, проблемных историко-культурных аспектов литературно-критической практики.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов литературоведение накапливает основательный опыт критического осмысления позитивистских концепций литературной критики (в работах В. С. Брюховецкого, Г. А. Золотухина, В. Е. Хализева, Л. В. Чернец), однако методологического обновления, которое могло бы послужить импульсом дальнейшего активного развития теории, в 1990-е годы не произошло. Сегодня теория критики как отдельная самостоятельная ветвь литературоведения практически не существует, отсутствуют методологические и теоретические основания для исследования современной литературно-критической практики. Внимание литературоведения обращено к истории критики, персональным критическим дискурсам XIX – начала XX века[1], истории критики того или иного региона[2]. К новейшему времени хро-

[1] Ермолаева И. А. Литературно-критический метод В. В. Розанова: Истоки. Эволюция. Своеобразие: дис. … канд. филол. наук. Иваново, 2003; Юрина Н. Г. Литературно-критическая концепция В. С. Соловьева: истоки, становление, развитие: дис. … канд. филол. наук. Саранск, 2004; Локтева С. А. Типологические принципы литературной критики А. М. Скабичевского: дис. … канд. филол. наук. Смоленск, 2005; Крылов В. Н. Русская символистская критика (1890-1910-е гг.): генезис, типология, жанровая поэтика: дис. … д-ра филол. наук. Казань, 2007; Чернаков И. Э. «Художественная критика» И. Ф. Анненского в составе его литературного наследия: дис. … канд. филол. наук. Вологда, 2007 и др.

нологически наиболее приближены исследования, посвященные критике А. И. Солженицына[3]. Научное же изучение современной критики, главным образом, ограничивается узким лингвистическим аспектом[4], посвящено новым формам бытования критики[5]. Отсутствуют целостные монографические исследования, посвященные осмыслению специфики литературно-критической деятельности и ее структуры, взаимодействию критики и риторики, изучению современной критики: ее проблемно-тематического поля, методов, ведущих персональных коммуникативных и интерпретационных стратегий, типологии дискурсов.

Такая ситуация в изучении современной литературной критики объясняется, на наш взгляд, двумя основными группами взаимосвязанных социокультурных и теоретико-методологических причин. Первая – специфика самой литературно-критической ситуации. Еще в XIX веке сложилось мнение о том, что в идеале именно критика определяет направление, стержень журнала. Переходные периоды 1950-х – начала 1960-х годов (оппозиция «Нового мира» и «Октября»), второй половины 1980-х – начала 1990-х годов (оппозиция «Нового мира» и «Молодой гвардии», «Огонька») – время острейшей журнальной борьбы, пропаганды своих ценностей. Идеологическая составляющая в период «оттепели» и перестройки обусловливала особенности литературно-критического мышления, ценностные иерархии, оценки. Критика являлась центром общественного внимания, литературные статьи вызывали отклик не меньший, чем сами литературные произведения, а «толстые» журналы переживали настоящий бум. В 1990-е годы, по мнению самих критиков, критика перестает восприниматься как поле идеологической борьбы, журналы теряют былое позиционное единство, а в конце 1990-х – начале 2000-х годов процесс противостояния перетекает в процесс диффузии[6]. Неслучайно в дискуссиях последних лет одной из причин упадка журналов называют публикацию в них идеологически (в широком значении) разнонаправленных публицистических и литературно-критических работ. Консервативно ориентированная критика уже в 1990-е годы преодолевает сложившийся своеобразный закон критического освоения только «своих» текстов, а либеральная во второй половине 1990-х практически перестает быть агрессивной в отношении своих оппонентов.

Ситуация идентификационного кризиса в критике 1990-х годов осложнилась сменой поколений: большая часть критиков периода «оттепели», для которых процесс самоидентификации предполагал в основном социальное и идеологическое самоопределение, уходит из литературной жизни. Приходящее в критику молодое поколение работает в совершенно иных социокультурных обстоятельствах, ему в меньшей степени свойственно стремление выступать «от группы» и более характерен эгоцентричный тип проявления «самости».

Вторая группа причин эпистемологического тупика отечественной теории критики – отсутствие методологической парадигмы, которая была бы релевантна особенностям литературно-критического мышления переходной эпохи, сформированного кризисными социо-

---

[2] Плюхин В. И. Писательская критика Сибири: рецептивно-функциональные аспекты регионально-исторического самосознания: дис. … д-ра филол. наук. Абакан, 2008.

[3] Автократова Т. М. Из литературной коллекции А. Солженицына как явление писательской критики: дис. … канд. филол. наук. Тюмень, 2004; Алтынбаева Г. М. Литературная критика А. И. Солженицына: проблемы, жанры, стиль, образ автора: дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2007; Малышкина О. И. Писательская критика в жанровой структуре книги А. И. Солженицына «Бодался теленок с дубом»: дис. … канд. филол. наук. Тюмень, 2010.

[4] Гугунава Д. В. Специфика словопроизводства в литературной критике произведений постмодер-низма: дис. … канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2003.

[5] Сергунина Н. А. Литературная критика в рулинете как звено коммуникативной системы: автор-текст-аудитория. Теория вопроса: дис. … канд. филол. наук. М., 2006; Чиненова О. С. История телекритики в России на фоне истории русской литературной критики: дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2006; Пасынков Н. В. Литературная критика в средствах массовой информации в русскоязычном Интернете 1994 – 2006 гг.: дис. … канд. филол. наук. М., 2006.

[6] Так, например, А. Василевский отмечает: «Идет процесс медленной диффузии между “патриотической” и “либеральной” сферами в местах их соприкосновения. Эта диффузия имеет самые разные формы» (см.: Ответственность и ответность литературной критики: материалы круглого стола: [Электронный ресурс]. URL: http://lecture.imhonet.ru/element/1005065/ (дата обращения: 16.12.2010)).

культурными обстоятельствами. Все это обнажает проблему построения нелинейной модели литературно-критической деятельности, типологии литературной критики, поиска новых классификационных критериев, лежащих в области текстопорождающих механизмов. Существующие сегодня основания типологии современной критики (по форме бытования: журнальная, газетная, телевизионная, сетевая; по ценностно-идеологическому критерию: либеральная, патриотическая) охватывают лишь видимый пласт литературно-критического дискурса и не дают представления о коммуникативных и интерпретационных механизмах современной литературной критики, самоидентификационных процессах, протекающих в ней.

В обстоятельствах отсутствия теоретико-критического дискурса функцию самоосмысления берет на себя сама критика. В «толстых» журналах рубежа XX – XXI веков она представляет такой опыт интерпретации и самоинтерпретации, который начинает противоречить сложившимся теоретико-критическим описаниям, требуя смены научного подхода. Традиция классической методологической герменевтики, полагающая средоточие смысла в авторской интенции либо в самом тексте, не «совпадает» ни с опытом интерпретационной деятельности, ни с самопредставлением современного критика, который склонен в собственной деятельности видеть процесс самоосмысления, понимания не столько текста, сколько себя в связи с этим текстом, и который воспринимает литературно-критический акт как творческий, сродни художественному. Ситуация «конфликта интерпретаций» внутри метакритики (теоретико-критической и литературно-критической) делает актуальным поиск нового методологического основания для исследования критики постсоветского периода, которое, с одной стороны, преодолевало бы позитивистскую гносеологическую парадигму, а с другой, соответствовало литературно-критической практике и отразившимся в ней коммуникативным (в широком значении) установкам. На наш взгляд, таким основанием для адекватного современной литературной критике метакритического описания может стать герменевтико-онтологическая философская традиция в комплексе с «археологическим» структурализмом М. Фуко и коммуникативным подходом к тексту.

В предлагаемом исследовании современный литературно-критический дискурс рассматривается как способ осмысления и описания социокультурных событий постсоветского периода в социальном и экзистенциальном аспектах и поиска новой литературно-критической (само)идентичности. Литературная критика изучается в контексте теоретической проблемы способов презентации события в различных нарративных дискурсах и понимается как особое коммуникативное пространство, в котором смысловая организация критического текста и структура предполагаемой авторской программы воздействия на читателя находятся в особом взаимодействии с прагматикой текста. Кроме того осуществляется анализ интерпретационных и коммуникативных стратегий ведущих представителей критики рубежа XX-XXI веков как форм проявления типологического и индивидуального в осмыслении социокультурных явлений и поисках самоидентичности.

Построение типологии литературной критики рубежа XX–XXI веков потребовало привлечения всего множества критических текстов, опубликованных в период с 1992 по 2002 год. Основным материалом исследования стала идеологически и эстетически многообразная литературная критика «толстых» журналов («Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Наш современник», «Молодая гвардия»). Выбор в качестве материала «толстожурнальной» критики обусловлен тем, что она представляет такую форму бытования литературной критики, которая наиболее остро почувствовала системный и в том числе литературный, кризис конца XX века, и в этом смысле наиболее явно демонстрирует процесс поиска новой идентичности.

Выбор журналов обусловлен необходимостью привлечения в качестве материала идеологически разнонаправленных критических суждений, исследования качественного изменения оппозиции либеральной и патриотической критики на рубеже веков. Исключение из сферы анализа критики, публикуемой в журналах «Вопросы литературы», «Новое литературное обо-

зрение», «Критическая масса» и т.п., объясняется литературоведческой направленностью этих журналов, в то время как нашей целью является осмысление феномена литературной критики «толстого» журнала конца XX века: его идеологической основы, познавательных установок, определяющих стратегий функционирования, специфики освоения литературного пространства.

В главе «Познание и самопознание литературной критики: границы интерпретации» исследуется метакритический и теоретико-критический дискурс. Выявление инвариантных познавательных установок метакритики позволяет выявить причины эпистемологического тупика, в котором оказалась теория критики в 1980-е годы, и поставить проблему его преодоления. Во второй главе «Герменевтико-онтологическая интерпретация литературно-критической деятельности» дается обоснование возможности использования герменевтико-онтологической методологии для осмысления феномена современной литературной критики и ее соответствия современной критической практике. В границах терминологического и понятийного поля герменевтической онтологии выявляется и описывается структура литературно-критической деятельности, предлагается иное содержательное наполнение категории метода литературной критики, вводятся новые классификационные критерии для типологии литературной критики. Акцентирование момента «вопрошания», интерпретации как феномена (само)понимания позволяет по-новому осмыслить суть критической деятельности, представить ее как сложноструктурированное целое, компоненты которого динамичны, обусловлены доминирующей целеустановкой, изначальной ориентированностью текста на Другого (над уровнем истолкования текста и его оценки надстраивается уровень гносеологической и коммуникативной установок, которые обусловливают программу интерпретации. Первая во многом определяется социокультурной ситуацией, в которой функционирует критик как «вопрошающий». Вторая является важным структурообразующим фактором, именно вокруг реципиента формируется вся коммуникативная модель литературно-критической деятельности), что дает основание переосмыслить традиционно позитивистски рассматриваемую категорию «метод литературно-критической деятельности» и позволяет выработать такую модель метода, которая охватывает все компоненты структуры критической деятельности.

В третьей главе «Литературная критика «толстых» журналов рубежа XX – XXI веков: обстоятельства функционирования» описаны такие обстоятельства функционирования литературной критики, которые входят в область коммуникативного контекста и определяют предструктуру критической деятельности.

Динамике внутренних механизмов порождения литературно-критической практики 1990-х – начала 2000-х годов посвящены четвертая и пятая главы. В четвертой главе «Литературная критика «либеральных» журналов: объектное поле, интерпретационные стратегии, ценностные ориентиры» изучается динамика внутренних механизмов порождения литературно-критической практики либеральных «толстых» журналов 1990-х – начала 2000-х годов. Ее структура отражает главные составляющие объектного поля критики: сама критика и разные аспекты ее функционирования, общественное сознание в ситуации ценностного слома, литературная практика. В исследовании критики «либеральных» журналов выделяются несколько моментов: 1) смена статуса, потеря читателя в их влиянии на процесс самоидентификации критики в 1990-е годы и используемые ею стратегии самоутверждения; 2) онтологическое объяснение выбора критикой фрагментов литературной практики; 3) семантическая характеристика «вопроса», который задает критик как «вопрошающий», обращаясь к литературному бытию и бытию, отраженному в литературе (как характеризует этот «вопрос» саму критику, какой «ответ» вычитывает критика в литературной практике и какой «ответ» предлагает сама, можно ли говорить о конфликте интерпретаций). На основании анализа «ответов» и «вопросов» выделяются инвариантные познавательные установки, которые являются усло-

вием появления того множества критических суждений, которое и составляет реальное разнообразие критики рубежа XXXXI веков.

Пятая глава «Стратегии и тактики присвоения литературного поля критикой “Нашего современника” и “Молодой гвардии”» посвящена исследованию литературной критики «патриотических» журналов. Акцент сделан на изучении интерпретационных стратегий и риторики «патриотической» критики. Непримиримость в борьбе с ложными ценностями, активное использование лексики со значением борьбы, войны и моделирование ситуаций боя, значимость концептов «героическое», «свой», «чужой», отсутствие гибкости в критериях оценки литературного явления определили поиск гносеологического инварианта на уровне используемых стратегий и тактик «захвата» литературного/идеологического поля.

В шестой главе «Персональные коммуникативные и интерпретационные стратегии в критике “толстых” журналов рубежа XXXXI веков» анализируются интерпретационные и коммуникативные стратегии ведущих критиков (Н. Ивановой, В. Бондаренко, М. Липовецкого, В. Курицына, Д. Быкова) в соотнесении с выявленными в предыдущих главах типологическими особенностями и динамикой литературной критики рубежа веков.

Автор выражает искреннюю признательность коллективу кафедры истории русской литературы XX века Томского государственного университета, а также И. В. Силантьеву, В. Н. Крылову, К. В. Анисимову за интерес, проявленный к исследованию, и высказанные замечания, благодарит Л. П. Быкова, С. С. Имихелову, А. П. Казаркина, И. В. Кондакова, А. И. Куляпина, В. В. Мароши, И. И. Плеханову, М. А. Хатямову, А. А. Шунейко, чьи отзывы, вопросы были учтены в работе над книгой.

Выражаю глубокую благодарность своему учителю и научному редактору В. А. Суханову.

Автор надеется на отзывы, вопросы, замечания, комментарии (yuliya_govoruhina@list.ru).

Познание и самопознание литературной критики: границы интерпретации

Время зарождения и активного развития отечественной теории критики приходится на 1970 – 1980-е годы[7]. На ее формирование повлияли два фактора. Первый – установки познания, которые генетически восходили к самоосмыслению русской критики XIX века, второй – теоретико-методологическая система литературоведения этого периода. К концу 1980-х годов сложившаяся парадигма осмысления литературной критики вступает в противоречие как с новыми реалиями литературной ситуации, так и с текущей литературно-критической практикой и характером ее саморефлексии. Причины эпистемологического кризиса, в котором оказалась теория, а также продуктивные, но не востребованные пути осмысления критики обнаруживаются в истории метакритики XIX – XX веков. Эта история может быть представлена в виде смены когнитивных рамок и «слепых зон»[8]. Генезису и становлению отечественной теории критики посвящена наша работа «Метакритический дискурс русской критики: от познания к пониманию» (2009)[9]. В данной главе изложены ее главные смысловые моменты.

В критике XIX – начала XX веков обнаруживаются познавательные установки, которые стали актуальными в теории критики 1970 – 1980-х годов и современной метакритике и предопределили «конфликт интерпретаций». Общие (инвариантные) установки мышления, которые проявились во множестве метакритических[10] суждений, вычленяются нами в процессе «археологического» (М. Фуко) анализа метакритики ведущих представителей «реальной» и «эстетической» критики. В. С. Библер формулировал сходную задачу так: «Увидеть формализм содержания (увидеть содержание как форму мышления, как форму деятельности субъекта)»[11].

Представители «реальной» критики понимают литературно-критическую деятельность как определенную систему, выделяя такие ее компоненты, как реальная действительность, художественный текст, автор, критик, читатель. В то же время анализ этих компонентов в разной степени входит в познавательные установки критиков. Так, «автор» оказывается «слепой зоной», он либо редуцируется, либо не отделяется от компонента «художественное произведение». В метакритике «реалистов» осознанно редуцируется до нулевого значения компонент «пред-мнения». Доминирующим же компонентом, на который направлена рефлексия В. Г. Белинского (поздний период), Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, является «жизнь» и ее художественное преображение. Выделение этого компонента обусловлено установкой на анализ общества через призму художественной литературы.

Интерпретационные усилия «реальных» критиков ограничены сегментом «критик – художественное произведение – внетекстовая реальность («жизнь»), воплощенная в нем». Такая гносеологическая позиция направляет критическую рефлексию на процесс познания и оценки художественного текста, а через него – социальной жизни. Такой ракурс критиче-

---

[7] Формальным основанием для выделения теории критики в литературоведческой области явилось Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» (1972), в числе прочего утверждавшего необходимость теоретического укрепления литературной критики, ее освоения на базе ленинских принципов. Фактически же теоретическое осмысление критики берет начало с метакритических опытов критиков XVIII – начала XIX веков – Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского.

[8] Под «слепой зоной» понимаются те аспекты феномена литературно-критической деятельности, которые игнорируются в метакритике данного периода/автора в результате тех или иных гносеологических установок (см.: Де Ман П. Слепота и прозрение. СПб., 2002).

[9] Говорухина Ю.А. Метакритический дискурс русской критики: от познания к пониманию. – Томск, 2009.

[10] Понятие «метакритика» употребляется нами в значении «суждение о критике». Такое широкое толкование позволяет включить в поле метакритики и научный дискурс, посвященный критике, и саморефлексию литературной критики.

[11] Библер В. С. Мышление как творчество (Введение в логику мысленного диалога). М.,1975. С. 141.

ского исследования (изучать произведение в контексте тех общественно-исторических явлений, которые «вызвали» его) утверждается как единственно правильный. Это, в свою очередь, определяет иерархичность критического мышления, которая проявляется в характере осмысления процесса критической деятельности. Субъективные, личностные начала критика должны быть подчинены бесстрастному осмыслению текста и жизни, а экстатическое увлечение текстом должно быть замещено его спокойным и строгим пониманием. «Реалисты» четко определяют цель критики, категоричны в утверждении единственного ракурса интерпретации художественного явления, в определении этапов критической деятельности, что проявляется во множестве императивов. Императивность может быть рассмотрена как еще одна установка мышления.

Другая установка познания, которая определяет и характер развертывания критической мысли, и тип аргументации, – преодоление дихотомии явлений реальности и культуры и формирование такого суждения, которое претендует на статус истинного.

Отношения «критика – теория/наука» осмысливаются в дискурсе реальной критики как тесно связанные. В гносеологически сильной позиции в «реальной» критике находится критик, который не вполне доверяет познавательной способности писателя и больше полагается на свою компетенцию.

Еще одной чертой критики критиков-«реалистов» является прагматическая презентационность. Реальная критика в большинстве своем декларативна. Авторы активно используют эмоциональную, прагматическую аргументацию: иронию в адрес «иной методы», показ негативных последствий ее применения, упрощение, схематизацию концепции оппонентов, апелляцию к читательскому и повседневному опыту реципиента.

«Эстетическая» критика, как и «реальная», исходит из понимания литературно-критической деятельности как определенной системы, выделяет в ней те же компоненты (реальная действительность, художественный текст, автор, критик, читатель), но с другими доминантными центрами и «слепыми зонами». Теперь «автор», сфера его пред-понимания и коммуникативный контекст выделяются в качестве важнейших компонентов интерпретации. Читатель оказывается в позиции жизненно важного адресата критической деятельности и выступает в роли индикатора истинности суждений критика. «Слепой зоной» становится социальная действительность и ее отражение в художественном произведении. Главные гносеологические усилия «эстетической» метакритики направлены на осмысление сегментов «критик – художественное произведение» и «автор – художественное произведение».

Антиномичность и императивность также являются свойствами критического мышления «эстетиков». Так, концепция критической деятельности мыслится «эстетиками» как подготовленная всем ходом истории критики и литературы, а потому единственно верная, универсальная, позволяющая охватить разнородные и разнокачественные произведения.

Подобно «реалистам», критики эстетического направления выделяют доминантную идеологическую категорию, которую кладут в основание познавательных установок, интерпретаций, делают критерием оценки – категорию художественности.

Итак, несмотря на принципиальные различия между «реальной» и «эстетической» критикой, в гносеологических посылках обоих течений обнаруживаются сходные установки, которые послужили условием возникновения всего множества критических суждений:

в зависимости от доминантной категории (действительность, художественность) познавательные усилия фокусируются на отдельных сегментах, компонентах структуры критической деятельности, второстепенные же редуцируются;

самопознание разворачивается преимущественно по принципу антиномии, иерархичности;

познавательная установка на единственность, универсальность утверждаемой концепции (категоричность);

специфика критики осмысливается в соотнесении или противопоставлении с теорией/наукой.

Таким образом, литературно-критический дискурс второй половины XIX века во многом определяет своеобразная когнитивная рамка, предопределяющая возможные варианты самообоснования критики. Эта рамка включает ряд оппозиций: старое – новое, действительность – художественность, логика – интуиция, форма – содержание. Гносеологически важной, на наш взгляд, является и сама ситуация диалога, конфликта интерпретаций, в которой осуществляется процесс самопознания: два критических течения развиваются в отталкивании от идей оппонентов, что также задает границы возможных путей самопознания.

Позитивистская мысль в этот период предполагает в качестве основного понятия категорию «истины», которая воспринимается как изначально наличествующая и в аспекте способов ее достижения. Отсюда стратегии самоутверждения в рамках тех или иных литературно-критических течений будут заключаться в утверждении декларируемого подхода к познанию художественного явления как истинностного (или ведущего к истине). А это, в свою очередь, предполагает последовательное выдвижение в качестве доминантного того или иного ориентира (автора и его интенции, текста, собственного Я).

Главным условием возникновения множества дискурсивных формаций в XIX веке является «вопрос»[12], некий рефлексивный заряд – «что есть литература?». Ответ на него, в конечном счете, определяет направления самопознания в критике XIX века.

Выявленные текстопорождающие установки, лежащие в области гносеологии литературной критики XIX века, окажутся жизнеспособными, будут определять теоретическую мысль XX века.

Символистская метакритика в контексте данной работы представляет интерес как опыт непозитивистского взгляда на сущность критической деятельности, а следовательно, как возможный исток генезиса литературной критики рубежа XX–XXI веков. Связанная с эстетической, органической, реальной критикой[13], модернистская метакритика явилась следствием кризиса старой позитивистской критической парадигмы, трансформации реализма, влияния западных философско-эстетических концепций, смены методологической парадигмы гуманитарных наук, увлечения мистикой.

Не имея большой читательской аудитории, развиваясь как элитарное (салонное) эстетическое явление, символистская критика, тем не менее, породила уникальную гносеологическую систему, позволявшую не только осваивать нереалистические тексты, но и осмысливать акт интерпретации как самопонимание и творчество одновременно.

Метакритика рубежа XIX–XX веков дает возможность реконструировать обновленную дискурсивную модель критической деятельности, в основе которой лежат принципиально антипозитивистские познавательные установки.

«Слепой зоной» для символистской критики и метакритики становится социальная действительность, которая в качестве доминирующего компонента интерпретационной деятельности ассоциировалась прежде всего с публицистической критикой.

«Активными» зонами становятся Автор и Критик, образуя своего рода напряжение в процессе интерпретации, предполагающем и постижение личности писателя, и обращение к собственному «Я». Качество зон свидетельствует об антропоцентричности, субъектности и субъективности символистской критики (в отличие от близкого ей эстетического направления), отражающихся во всех сегментах ее модели критической деятельности.

---

[12] Здесь мы ориентируемся на онтологическую герменевтику, в соответствии с которой именно структура «вопроса» мыслится как коррелятивная структуре предмета, а критик предстает как воплощение «вопрошающего» субъекта.

[13] Связь символистской критики с названными направлениями, закономерность возникновения новой критики доказывает В.Н. Крылов (см.: Крылов В.Н. Русская символистская критика: генезис, традиции, жанры. Казань, 2005. С. 100 – 110).

Автор в рассматриваемой модели занимает значимое место, оказываясь в большинстве случаев главным объектом интерпретации и смещая в этой позиции собственно художественный текст. Это обусловлено символистской концепцией творчества, максимально приближенного к истине, и художника, который мыслится как мессия.

Художественное творчество сакрализуется, мистифицируется символистами. Его тайны становятся важнее, чем сам текст, а способы постижения этой тайны образуют критический метод. Критик в символистской модели критической деятельности одновременно занимает положение творца и познающего тайны художественного творчества.

Для символистской критики типична установка на уход от статуса критика как априорно авторитетной инстанции, которую предполагала старая позитивистская модель. В то же время не менее актуальной является установка на восприятие критики как дела элитарного. Другая установка, лежащая в основе символистского критического дискурса, проявляется в факте заимствования и освоения концепции «критика как художника» О. Уайльда[14].

Метакритика рубежа веков формирует, таким образом, представление о самоидентификации критика-символиста, в которой заложена одновременно установка познания: это критик, деятельность которого соприродна художественной, что дает ему возможность творить самому и проникать в тайны литературного творчества Другого.

Осмысление в метакритике связи Критик – Художественный текст – Автор обнаруживает систему установок символистской критики, определяющих процесс интерпретации.

Первая гносеологическая установка – установка на соприродность критической и художественной деятельности. Она размывает позитивистское представление об интерпретации как объективном познании и ориентирует критика на приобщение к тайнам литературного творчества.

Следующую познавательную установку символистской критики обнаруживает В. Н. Крылов, утверждая, что «вопрос о способах реконструкции миросозерцания поэта – важнейший для символистской критики»[15]. В этой формулировке одновременно заявлен доминирующий объект внимания критики (миросозерцание поэта) и ее главная задача и стратегия (поиск способов реконструкции). Данная установка в области своей реализации непосредственно связана с первой, поскольку критик-символист осознанно выбирает путь приобщения к художественному акту как способ со-пережить и таким образом приблизиться и реконструировать миросозерцание художника.

Установка на «вживание» формируется как познавательная альтернатива позитивистской парадигме. Метакритика символистов позволяет реконструировать понимание ими отношений означаемого и означающего. Критики-символисты осмысливают феномен неполного соответствия восприятия и авторской интенции.

Сближение с художественной деятельностью как установка познания сопрягается в критике символистов с установкой на сотворение образа художника.

Значимое отсутствие установки на поиск детерминант творчества – следующая гносеологическая установка символистской критики.

Предыдущие познавательные принципы порождают следующий ориентир – значимое отсутствие установки на имманентный анализ художественного текста. Текст выполняет в символистской критике подчинительную роль. Он является материалом в познании души автора, источником уникальных впечатлений критика-читателя, зависит от теоретической установки критика в теоретических статьях.

Установка на множественность интерпретаций является одной из принципиальных для символистской критики. Противопоставляя научной критике критику «психологическую,

---

[14] Уайльд О. Критик как художник // Уайльд О. Собр. соч. в 3 т. М., 2000. С. 143 – 144.

[15] Крылов В. Н. Русская символистская критика… С. 51.

субъективно-художественную, то есть неисчерпаемую»[16], метакритика рубежа веков предвосхищает открытия «рецептивной эстетики», объясняя феномен «вычитывания» своих смыслов, переосмысления произведений прошлого новыми поколениями. В основе данной установки лежит представление о тексте (художественном и критическом) как незавершенном высказывании.

На наш взгляд, в системе выявленных установок символистской критики присутствует взгляд на процесс интерпретации как акт самопонимания. Понятие «субъективной» критики в этом смысле означает не только следование своему внутреннему ощущению в интерпретации, но и появление второго объекта познания – собственного «Я».

Материал символистской критики и метакритики дает возможность реконструировать, помимо гносеологических, коммуникативные установки. Критик-символист осознанно занимает позицию обычного читателя. В такой идентификации проявляется, с одной стороны, скептическое отношение символистов к научной профессиональной критике, с другой – опора в интерпретации на непосредственные эмоции, схожие с эмоциями потенциального множества читателей.

Описанная дискурсная динамика, проявившаяся в смене познавательных установок и структурных изменениях, отражает процесс дистанцирования и, наоборот, сокращения дистанции между критикой и литературным текстом, свободы/зависимости интерпретации от художественного текста. В этой динамике обнаруживается своя закономерность. Так, традиция «реальной» критики с ее вниманием к социальным проблемам становится особенно востребованной в периоды, когда возникает актуальная потребность осознать изменяющиеся исторические обстоятельства как обстоятельства существования путем вертикальной перспективны (посредством оппозиций «правда – ложь», «добро – зло», (не)гуманно и т.д.). Аналитическая критика, внимательная к тексту (традиция «эстетической» критики) и ориентированная на опыт автора, проявляется в более стабильное в социальном плане время, когда сетка «вертикали» обнаруживает свою исчерпанность и недостаточность для понимания литературного явления. Я-ориентированная критика возникает в периоды, сопряженные с мировоззренческой, экзистенциальной растерянностью, сомнением в адекватности позитивистских, научных познавательных парадигм новейшей литературной практике, стремлением соотнести свой опыт мироощущения с авторским.

Модель критической деятельности, реконструируемая в символистском критическом дискурсе, отражает уникальный опыт порождения стратегии интерпретации и текстопорождения, появившийся в результате переосмысления старой позитивистски ориентированной модели. Прерванная в советский период, эта традиция (в ряде ее проявлений) становится востребованной метакритикой 1990 – 2000-х годов, когда антипозитивистские познавательные установки накладываются на обновленную герменевтическую парадигму. Такое гносеологическое сближение является еще одним основанием для проведения параллели между двумя периодами рубежа веков, предпринимаемого историками, культурологами, литературоведами[17]. Для обоих переходных этапов характерно ослабление тенденции литературоцентризма (на рубеже XIX – XX веков она проявляется в спаде интереса к литературе «направлений» при увеличении числа иллюстрированных еженедельников и газет и расцвете газетной критики, на рубеже XX – XXI веков – в резком падении тиража «толстых» журналов при распространении массовой культуры), повышение роли рынка в оценке того или иного события как ценного,

[16] Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. С. 353.

[17] Обнаруживаются примеры реставрации мировоззренческих систем прошлого (неогегельянство, неомарксизм, неофрейдизм, неопозитивизм, неокантианство и т.д.). В литературе проявление модернистских тенденций критики фиксируют Е. Иваницкая в статье «Постмодернизм = модернизм?» (Знамя. 1994. № 9), В. Новиков в статье «Заскок» (Знамя. 1995. № 10), М. Липовецкий в статье «Конец века лирики» (Знамя. 1996. № 10).

тенденция смены статуса писателя – от пророка и учителя к «поставщику забавных текстов»[18], констатация кризиса критики, ощущение исчерпанности прошлого эстетического опыта, критика позитивизма, противостояние критики «старой» и «новой», попытки осмысления онтологического статуса искусства и роли творческой личности[19].

Сходство эпох позволяет привлечь опыт самоосмысления символистской критики в исследовании критики и метакритики рубежа XX – XXI веков.

Анализ истории гносеологических парадигм отечественной метакритики и теории критики показывает, что эпистемологическая парадигма отечественной теории критики – это, по сути, парадигма классической (познавательной) герменевтики. Реализуя позитивистскую методологию, она предполагает осмысление искусства с точки зрения его обусловленности какими-то лежащими за его пределами причинами. Критика обращается к литературному произведению как к смыслосодержащей, а не смыслопорождающей системе.

В 1990-е годы литературная критика начинает «сопротивляться» описывающей ее теории. Об этом свидетельствуют попытки критиков определить такие проблемные вопросы сущности литературно-критической деятельности и значимые категории философского плана, осмысление которых требует обновленной теоретико-методологической основы. Сами эти вопросы онтологического и экзистенциального плана формулирует А. Немзер: «Как мы подошли к дню сегодняшнему? Куда мы хотим из него вырваться? Как вписываем его в большой исторический и/или экзистенциальный контекст? Что этот день позволяет увидеть в нас? Все эти вопросы явно превалируют над другим, без которого человек не может обойтись никогда, а тем паче во времена исторической ломки: как мы живем?»[20] Таким образом, критики осознанно перемещают ракурс анализа в направлении от произведения к интерпретатору, задавая принципиально новые координаты изучения критической деятельности. Художественное произведение в 1990-е годы воспринимается как средство самопознания, познания автора (но не столько авторской интенции, воплощенной в художественном тексте, сколько автора как «вопрошающего»). Показательно в этом смысле высказывание М. Липовецкого. Обращаясь к поэзии конца века, критик видит ее типологическую черту в следующем: «Кроме того, как мы уже видели вопрос: кто я? – или, иначе, поиск личной автоидентичности – чуть ли не самый главный вопрос поэзии конца века»[21].

«Сопротивляясь» классической традиции понимания теоретико-критического дискурса и функционируя в ситуации кризиса, современная литературная критика вводит в качестве значимых бытийные категории, которые начинают определять в 1990-е годы интерпретационные стратегии[22] и задают область «вычитываемого» актуального смысла.

Наиболее адекватной основой теоретического метаописания литературно-критической практики рубежа XX–XXI веков, на наш взгляд, является герменевтико-онтологическая философская и методологическая парадигма. Ее применение – закономерный этап развития теоретико-критического дискурса. История развития отечественной теории критики может быть

---

[18] Рейтблат А. И. Роман литературного краха // Новое литературное обозрение. 1997. № 25. С. 106.

[19] Факты сближения литературно-критической ситуации рубежа XIX – XX и XX – XXI веков рассматриваются нами в статье «Литературная критика рубежа XX – XXI веков: проблема переходности» (см.: Говорухина Ю. А. Литературная критика рубежа XX – XXI веков: проблема переходности // Смысловое пространство текста. Литературоведческие исследования. Вып. VII: материалы межвуз. науч.-практ. конф. 2007 г. Петропавловск-Камчатский, 2007).

[20] Немзер А. В каком году – рассчитывай… Заметки к вечному сюжету «Литература и современность»: [Электронный ресурс] // Знамя. 1998. № 5. URL: http//magazines. russ/znamia/1998/5/nemzer.html (дата обращения: 11.02.2010).

[21] Липовецкий М. Конец века лирики // Знамя. 1996. № 10. С. 213.

[22] Е. Ермолин в статье «Критик в Сети» называет эти бытийные категории, ставшие значимыми для С. Костырко уже в 1990-е годы: «Современный писатель [по мнению С. Костырко – Ю. Г.] освободился от гнета социальности и может напрямик торить тропу в бытийное. То есть мыслить в категориях не социальных, а экзистенциальных. Каждый из нынешних писателей остается один на один с бытийной проблематикой – Любовь, Страх, Смерть, Время. Неустанно критик ищет этот выход писателя в сферу универсалий, идет ли речь о Дмитриеве, Бутове, Маканине или Каштанове» (см.: Ермолин Е. Критик в Сети: [Электронный ресурс] // Знамя. 2003. № 3. URL: http//magazines.russ/znamia/2003/3/erm.html (дата обращения: 13.03.2008)).

представлена как постепенная смена гносеологических установок: от крайне позитивистских к приближающимся к неклассической герменевтике. Осмысление и систематизация исследовательской литературы, посвященной изучению категории метода литературной критики, позволили выделить в истории изучения вопроса несколько периодов как отражение эволюции научных представлений. Каждый из периодов можно представить как особую дискурсивную формацию в пределах единого критического дискурса и выделить систему гносеологических инвариантов, определяющих парадигму осмысления критики в каждый из периодов.

Первый (вторая половина 1970-х – начало 1980-х годов) характеризуется преимущественным отождествлением в методологическом плане литературной критики и научного познания. Эта познавательная установка является доминирующей в данной дискурсивной практике[23], поскольку обусловливает осмысление самой природы критики, категории метода, соотношения объективного и субъективного в процессе критической деятельности.

Неслучайно в связи с разработкой проблемы критики как научного познания актуальной становится категория истины. В рассматриваемый период вопрос об истинности критического суждения решается однозначно. Типично в этом смысле высказывание Т.С. Щукиной: «Система обоснования критического суждения [исследовательница отождествляет его с научно-теоретическим – Ю. Г.], поиски критиком доказательств его истинности строятся на научном анализе эстетического объекта»[24]. Закономерно, что именно в это время теория критики особенно активно исследует сущность критического мышления[25].

Следующая дискурсивная формация в теории критики оформляется со второй половины 1980-х по 1990-е годы. Синтетизм критики в этот период мыслится как аксиома и как условие в подходе к изучению метода. В. П. Муромский оформляет синтетизм критики в виде триады: научность, публицистичность, художественность, отмечая, что «в сфере практической деятельности критики любое из этих взаимопроникающих качеств может выступать как доминирующее»[26]. Концепции синтетизма критики придерживается и Г. А. Золотухин, который выстраивает аналогичную триаду: логико-понятийное начало, образно-эмоциональное, публицистическое[27] и рассматривает критику как «деятельность-познание», которая неотделима от системы словесного творчества и в то же время является составной частью литературоведения, а следовательно, его метод не сводим ни к художественному, ни к научному. А. П. Казаркин в публицистичности критики видит источник ее синтетизма, она, по мнению исследователя, предполагает совмещение научности и художественности[28].

Важную роль в исследовании категории метода литературно-критической деятельности сыграли работы В.С. Брюховецкого. В своей диссертации «Природа, функция и метод литературной критики»[29] он рассматривает критику как вид мышления наряду с другими. Ученый сближает понятия «метод» и «функция» критики и приходит к выводу о том, что в структуре метода критической деятельности три основные функции критики (эвристическая, социально-регулятивная, эстетико-аксиологическая) трансформируются в одноименные установки. Работа В.С. Брюховецкого содержит показательное для процесса смены гносеологиче-

---

[23] В работах Т.С. Щукиной «Теоретические проблемы художественной критики», Б.Г. Лукьянова «Методологические проблемы художественной критики», Ю.Б. Борева «Искусство интерпретации и оценки» критически метод осмысливается как научный. Б.Г. Лукьянов важнейшей для теории критики называет проблему обоснования научной методологии художественной критики.

[24] Щукина Т. С. Теоретические проблемы художественной критики. С. 85.

[25] В работах Т. С. Щукиной «Теоретические проблемы художественной критики», «О сущности критического суждения», Ю. Б. Борева «Искусство интерпретации и оценки», М. С. Кагана «Человеческая деятельность», «Художественная критика и научное изучение искусства», Б. Г. Лукьянова «Методологические проблемы литературной критики» и др.

[26] Муромский В. П. Русская советская литературная критика: Вопросы истории, теории, методологии. Л.,1985. С. 67.

[27] Золотухин Г. А. Литературно-критическая деятельность: диалектика объективного и субъективного. Киев, 1992. С. 35.

[28] Казаркин А. П. Литературно-критические оценки / под ред. А. Киселева. Томск, 1987. С.79.

[29] Брюховецкий В. С. Природа, функция и метод литературной критики: дис. … д-ра филол. наук. М.; Киев, 1986.

ской установки утверждение необходимости изучать критику на присущей ей основе, а не в сопоставлении с другими видами деятельности[30]. Однако в теории критики сохраняется инерция прежнего движения – стремление выявить специфику метода в сопоставлении/противопоставлении. Это связано с тем, что дискуссия о природе критики ко второй половине 1980-х годов не привела к выработке удовлетворяющей всех концепции, по-прежнему обосновывается нетождественность критики и науки (М. С. Каган, В. С. Брюховецкий, А. Г. Бочаров и др.).

Принципиально новым поворотом в осмыслении критики стала попытка уйти от представления о критической деятельности как преимущественно познавательной. Так, В. Е. Хализев высказывает утверждение, что интерпретация – «не столько обретение знания, сколько перевод ранее имевшихся “смыслов” (научных, мировоззренческих, художественных) на иной», более абстрактный язык[31]. Л. В. Чернец пишет не о научной, а идеологической ориентации критической деятельности[32].

Переосмысливается принцип подчиненности/соподчиненности в структуре критической деятельности. Познание литературы, по мнению В. В. Кожинова, не цель критики, а средство ее практического участия в бытии литературы[33]. В. С. Брюховецкий утверждает, что в критике элементы теоретико-научного и художественно мышления находятся в подчинении у коммуникативно-прагматического мышления[34], что цель критической деятельности не преимущественно познавательная, а социально-преобразующая – создание вокруг произведения информационного эстетико-аксиологического поля[35].

Как следствие названной выше установки в теории критики 1980 – 1990-х годов – уход от признания в качестве доминирующей в критическом методе научной составляющей.

Гносеологически принципиальным становится смещение исследовательского взгляда в теории критики 1980 – 1990-х годов в область реципиента. Только в этот период начинается теоретическое осмысление критической деятельности как коммуникативного акта. В результате, ее структура предстает в целостном, а не редуцированном виде. Теория критики начинает движение в направлении, намеченном рядом исследователей (М. С. Каганом, В. В. Кожиновым, А. М. Штейнгольдом) в 1970-е годы. Так, по мысли М. С. Кагана, обращение критической оценки вовне, к художнику или к другому воспринимающему является определяющим признаком критики[36]. В. В. Кожинов главной целью критики считает не познание, а активное воздействие на предмет[37]. А. Штейнгольд определяет специфику критических суждений в том, что анализ и оценка художественных произведений в критике совершается в процессе диалога с читателем и не существует независимо от него. Апелляция к читателю, по мнению ученого, – момент обязательный, смысло- и сюжетообразующий[38]. Последнее замечание поддерживает и Л. В. Чернец, утверждающая, что художественный текст должен анализироваться критикой под углом его читательской направленности, воздействия[39].

В конце 1980-х – 1990-е годы когнитивная рамка, ограничивающая поле возможных направлений исследования критики, размывается, теория постепенно уходит от принципиаль-

---

[30] Сравним с высказыванием Г. А. Золотухина: «Жизнь – литература – критика. Привычная подчинительная связь. Ну, а если все-таки сочинительная, равноправная?» (см.: Золотухин Г. А. Литературно-критическая деятельность: диалектика субъективного и объективного. С. 17).

[31] Хализев В. Е. Интерпретация и литературная критика // Проблемы теории литературной критики / под ред. П. Николаева, Л. Чернец. М., 1980. С. 50.

[32] Чернец Л. В. «Как наше слово отзовется…» С. 24.

[33] Кожинов В. В. Критика как компонент литературы. С. 162.

[34] Брюховецкий В. С. Природа, функция и метод литературной критики. С. 22.

[35] Брюховецкий В. С. Природа, функция и метод литературной критики. С. 10.

[36] Каган М. С. Художественная критика и научное изучение искусства. С. 321.

[37] Кожинов В. В. Критика как компонент литературы. С. 164.

[38] Штейнгольд А. М. Диалогическая природа литературной критики // Русская литература. 1988. № 1. С. 61.

[39] Чернец Л. В. «Как наше слово отзовется…» С. 65.

ной установки на вычленение иерархий и полярности и выходит к рассмотрению критической деятельности как коммуникативного акта. Столь перспективная качественная трансформация критического дискурса, однако, недостаточно поддерживается количественно: число работ, полностью вписывающихся в описанный контекст, невелико. Обновленный критический дискурс только формируется в теории критики, однако его развитие в 1990-е годы было приостановлено. На наш взгляд, причиной этого стали факторы социокультурного характера: кризис литературы и критики, которым отмечен период второй половины 1990-х годов, обусловил отток читательской публики от современной литературы и критики. Качественные изменения происходят и в самой критике (элементы эссеизма, использование рекламных стратегий, редуцирование аналитического компонента), их становится трудно, а то и невозможно объяснить, опираясь на существующие в теории критики концепции критики и ее метода. Исследовательский интерес в 1990-е годы смещается к новым объектам (изучение постмодернизма). Дает о себе знать и общая тенденция демонстративного ухода от тех явлений литературной и общественной жизни, которые были отмечены ангажированностью (критика в этом смысле ассоциировалась с управляемой составляющей литературного процесса).

Сопоставление критических дискурсивных формаций XIX века и 1970 – 1990-х годов выявляет имманентную причину снижения динамики развития теории критики, кроющуюся в самих механизмах осмысления феномена критики, в познавательных посылках. Обновление мыслительных установок в теории критики происходило слишком медленно. И даже в период 1980 –1990-х годов, характеризуемый нами как качественно новый и перспективный, инерционно продолжают действовать традиционные познавательные принципы. Метакритика «толстых» журналов, наиболее адекватно отражающая особенности новейшей литературно-критической практики и актуализирующая антипозитивистский опыт критики рубежа XIX–XX веков, собственно литературно-критическая практика рубежа XX–XXI веков требуют поиска иных методологических оснований теории критики. На наш взгляд, возможным основанием является парадигма онтологической герменевтики.

Герменевтико-онтологические основания позволяют определить литературную критику как сложный процесс (само)интерпретации, в котором совмещаются два акта понимания – первичное (мгновенное прозрение истины бытия) и вторичное (фиксация того, что понято, словесное выражение, его развертывание в качестве интерпретации, отрефлексированное воспоминание). На первом этапе критик выступает как некий субъект, как Dasein, для которого художественное произведение (литературное явление) – часть «сущего», то материальное, что до интерпретации не отмечено бытийствен-ностью, но открыто для интерпретаций. В процессе интерпретации оно онтологизируется, открывается. Критик, как и любой читатель, «работает» с результатом подобной же интерпретаторской деятельности, совершенной Другим (автором), но направленной на внетекстовое бытие. Таким образом, критик интерпретирует одновременно не только уже интерпретированное и воплощенное бытие, но и само бытие, обращаясь к нему через текст, сопоставляя писательскую интерпретацию с действительностью. Р. Барт в этой связи говорит о необходимости для критика учитывать «два рода отношений – отношение языка критика к языку изучаемого автора и отношение этого языка-объекта к миру»[40]; «Книга – это своего рода мир. Перед лицом книги критик находится в той же речевой ситуации, что и писатель – перед лицом мира»[41]. В сознании критика сталкиваются две интерпретации бытия, что может обусловить факт их конфликта. Таким образом, критик в своей деятельности, по сути, одновременно осуществляет два акта: интерпретирует мир художественного текста и то бытие, которое послужило его источником. Это утверждение косвенно подтверждается концепцией Л. Витгенштейна, согласно которой познание сущ-

[40] Барт Р. Что такое критика? С. 272.

[41] Барт Р. Критика и истина. С. 365.

ности описания есть познание сущности описанного (мира)[42]. Художественное произведение как воплощенный вариант понимания бытия, найденный смысл, не будучи воспринятым, оказывается частью неактуализированного в сознании бытия («сущим»). Литературная критика длит смыслы, обращаясь к читателю и преодолевая неизбежное превращение чужого опыта понимания в сущее. По аналогии с высказыванием В. Руднева о том, что любой текст, передавая информацию, тем самым уменьшает количество энтропии в мире[43], можно сказать, что критика множит смыслы, преодолевая тем самым энтропию времени.

О втором (рефлексивном) акте понимания пишет Р. Барт, замечая, что критик «встречает на своем пути подозрительного посредника – письмо»[44]; «в результате самого "прикосновения" к тексту – прикосновения не глазами, но письмом – между критикой и чтением разверзается целая пропасть»[45]. Во-вторых, литературный критик как профессиональный читатель обладает не только большим читательским опытом, но и владеет приемами анализа художественного текста, может квалифицированно судить о степени художественного мастерства писателя. В силу этого критическое суждение как суждение вкуса претендует на авторитетность и общезначимость. Прагматическая компонента целеполагания, непосредственно ориентированная на реципиента, изначально направляет деятельность критика. Наконец, литературно-критическое «вопрошание» обусловливает и тот особый «вопрос», который во многом определяется коммуникативной, социокультурной ситуацией, в которой функционирует критика. По мнению М. М. Бахтина, смыслы – это ответы на вопросы[46]. Х.-Г. Гадамер указывает, что «в понимании всегда имеет место нечто вроде применения подлежащего пониманию текста к той современной ситуации, в которой находится интерпретатор» [47], а М. Мерло-Понти считает, что поведение является не реакцией на stimulus, а ответом, которого требует ситуация. В этом случае организм, за поведением которого ведется наблюдение, по мнению философа, «следует наделить способностью осознавать ситуацию в качестве вопроса, на который ему предстоит дать ответ»[48]. Литературный критик, таким образом, изначально находится в ситуации диалога, конструируемого, как минимум, двумя «вопросами» – исходящим от него и от объекта интерпретации.

Онтологически-герменевтическое объяснение феномена критики и ее функции составляет теоретическую основу, на которой строится актуальное для нас понимание литературно-критической деятельности. Критику порождает всеобщая потребность в понимании, или, опираясь на М. Хайдеггера, само-бытие, понимание как сам способ существования. Акцентирование момента «вопрошания» в критической деятельности предполагает рассмотрение критики как ценной и уникальной деятельности, специфика которой не определяется какими-либо иными сферами (наукой, публицистикой, литературой).

Новая исследовательская парадигма позволяет обратиться к плану гносеологии критической деятельности и вычленить интерпретационные стратегии, используемые современными критиками разных «толстых» журналов, построить типологию современной литературной критики на новых основаниях, обращенных к области текстопорождения, выявить и обосновать журнальную оппозицию с позиции не ценностно-идеологической, а гносеологической.

Процесс понимания непредставим без «чужого» сознания, без Другого. Если автор как Другой, его интерпретация бытия, созвучная либо противоречащая видению критика, задействованы в предлагаемом ходе анализа, то читатель как Другой оказывается потерянным. Лите-

---

[42] Витгенштейн Л. Несколько заметок о логической форме // Логос: философско-литературный журнал. М., 1994. С. 312.

[43] Руднев В. П. Прочь от реальности: исследования по философии текста. М., 2000. С. 14.

[44] Барт Р. Критика и истина. С. 371.

[45] Там же. С. 373.

[46] Бахтин М. М. *Эстетика словесного творчества.* С. 350.

[47] Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 365.

[48] Merlo-Ponty M. La structure du comportement. P., 1960. P. 227, 241.

ратурно-критическая деятельность как вариант убеждающего дискурса предполагает не только значимость образа читателя уже на первом этапе интерпретации, но общую развернутость в область реципиента. Включить реципиента в область нашего исследования оказывается возможным, подключив к герменевтико-онтологической парадигме теорию коммуникации, ту ее часть, которая изучает прагматический аспект коммуникации.

В теории коммуникации сообщение рассматривается как культурно-семиотический феномен, который позволяет описывать множество уровней порождения и передачи смыслов [49]. Вслед за Т. А. ван Дейком, критическое высказывание понимается нами как особый вид социального действия, которое имеет свой и воздействует на «чужой» прагматический контекст (совокупность когнитивных и социальных факторов). Критик работает в рамках ситуационной модели, представленной в сознании читателя рядом фреймов.

Исследование литературно-критической практики на стыке герменевтико-онтологического и коммуникативного подходов позволит увидеть феномен интерпретации одновременно на стыке двух актов – (само)понимания как процесса онтологизации и передачи (продления) направленного онтологизирующего импульса реципиенту.

Комплексный методологический подход позволяет по-новому осмыслить структуру литературно-критической деятельности.

Теория критики периода 1970 – 1980-х годов имеет опыт представления литературно-критической деятельности как структурированного процесса[50]. Обязательными компонентами описанных структур являются автор/произведение – критик – читатель. Срединное положение критика закономерно выводило исследователей к пониманию критики как диалога (с автором и читателем). Однако теория критики осваивает практически исключительно первый сегмент структуры в направлении от критика к литературному явлению. Фигура реципиента мало учитывается либо вообще игнорируется в исследованиях о методе и средствах литературно-критической деятельности, о диалектике субъективного и объективного.

Исторически слово «критика» обладало множеством значений и их оттенков[51]. Сегодня из всего множества изначальных семантических вариантов актуальным является «судить» – емкое толкование, включающее в себя два смысловых компонента: истолковывать и оценивать. Они лежат в основе тех традиционных определений литературной критики, которые зафиксированы в словарях и энциклопедиях[52], однако охватывают только один сегмент теоретически сложившейся модели критики.

---

[49] Существенное влияние на формирование такого подхода оказал выдвинутый Л. Витгенштейном тезис о множественности языковых игр. Согласно этому тезису, языковая деятельность в тех или иных ситуациях определяется разными правилами. Взаимодействуя, участники коммуникации пользуются правилами «языковой игры», фоновыми знаниями о мире, оперируют языком для достижения разных целей. Значение высказывания, таким образом, конституируется непосредственно в процессе речевого акта.

[50] В работах: Баранов В. И., Бочаров А. Г., Суровцев Ю. И. Литературно-художественная критика. М., 1982; Бернштейн Б. М. О месте художественной критики в системе художественной культуры // Советское искусствознание, 76. М., 1976; Борев Ю. Б. Эстетика. М., 1988.

[51] Г. В. Хомелев в работе «Понятие критики и ее формы. Опыт философского исследования теории и методологии» делает вывод о богатой практике использования слова «критика». «Геродот, Гомер используют его в значении “толковать, истолковывать”, Гесиод – в значении “состязаться”, Эсхил – в значении “делать вывод”, Софокл – “расспрашивать”, Платон – “судить, оценивать, выбирать, предпочитать, судить”, Аристотель – “определять, судить”» (см.: Хомелев Г. В. Понятие критики и ее формы. Опыт философского исследования теории и методологии. Л., 1991. С. 8 – 9).

[52] «Критика – один из видов литературного творчества, оценка и истолкование художественного произведения, явлений жизни, в нем отраженных» (см.: Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. Сурков. М., 1967. С. 254); «Критика – пристрастное интуитивно-интеллектуальное прочтение словесно-художественных текстов…» (см.: Литературная энциклопедия терминов и понятий / сост. А. Николюкин. М., 2001. С. 414); «Критика – часть науки о литературе, задачей которой является оценка литературных произведений с точки зрения современности и применительно к ее интересам на основе как данных теории и истории литературы, так и всего круга общественно-политических, эстетических и этических норм своего времени» (см.: Словарь литературоведческих терминов / сост. Л. Тимофеев, С. Тураев. М., 1974. С. 168).

Синтез герменевтико-онтологической и коммуникативно-прагматической парадигм исследования позволяет охватить все компоненты деятельности литературного критика, а также создать и описать обновленную модель литературно-критической деятельности.

Бесспорным является положение о том, что литературная критика – это, прежде всего, вид критического суждения, которое, в свою очередь, является видом суждения как такового. Суждение, в отличие от высказывания, всегда модально и носит оценочный характер. Критическое суждение в качестве формы мышления осмысливается в Новое время. Так, И. Кант выделяет критику в самостоятельную форму исследовательской деятельности, однако называет ее не познанием, а только средством выявления внешних условий, предпосылок и возможностей познания, его границ. К идее плодотворности негативной критики в процессе познания приходит марксизм[53]. Литературно-критическое суждение оказывается таким видом критического суждения, который предполагает в качестве объекта литературу и отраженную в ней действительность.

Критическая деятельность рассматривается нами как особый вид акта понимания и коммуникации, который в снятом виде присутствует уже на первом этапе (интерпретации и оценки). Специфика деятельности критика в ее разнонаправленности, обусловленной промежуточным положением критика между художественным произведением как образно воплощенным художником «ответом» в процессе интерпретации бытия; самим автором как «вопрошающим»; читателем как носителем своих «вопросов» и «ответов»; самим собой вне роли критика, продуцирующим «вопросы». Критическая деятельность – это и прагматический коммуникативный феномен, проявляющийся в некотором типе ситуаций коммуникативного взаимодействия, в которых коммуникатор, руководствуясь конкретными практическими целями, озабочен доведением до сведения адресата определенной информации[54].

В данном исследовании мы опираемся на идею диалогичности понимания. По мнению В. М. Розина, важным для гуманитарного познания является различение двух его планов: истолкование (интерпретация) текстов и построение ментальных объяснений и их текстовых воплощений[55]. Считаем, что положение о том, что изначальная ориентированность текста на Другого, его коммуникативный характер определяют содержание и структуру как критического текста, так и самой деятельности. В нашу задачу не входит рассмотрение процесса восприятия критического текста читателем, в то же время фигура читателя представлена как важный структурообразующий фактор, вокруг которого формируется коммуникативная модель.

Рассмотрим структуру критической деятельности, особенности которой обусловлены ее интерсубъективной природой, и опишем ее основные компоненты. Отправной точкой для нас является классическая триада – модель функционирования литературного произведения как вариант общей схемы коммуникативного акта (адресанттекст-адресат): Автор – Художественное произведение – Читатель, каждый компонент которой структурируется. Так, в структуре компонента Читатель как некоего множества реципиентов традиционно выделяют как минимум две основные группы: профессиональные и непрофессиональные читатели. К числу «профессиональных» относят критика, чья рефлексия по поводу прочитанного/ наблюдаемого в конкретном тексте или в литературном процессе оформляется в критическом тексте, также особым образом структурированном и адресованном своему множеству реципиентов. Обра-

---

[53] Об истории восприятия и функционирования критического суждения в философии см.: Хомелев Г. В. Понятие критики и ее формы. Опыт философского исследования теории и методологии. Л., 1991.

[54] Здесь в качестве теоретической основы используются исследования, осуществленные в рамках прагмалингвистики, теории коммуникативных актов (ван Дейк Т. А. «Язык. Познание. Коммуникация», Е. Н. Зарецкая «Теория речевой коммуникации (риторический подход)», О. С. Исерс «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи», Г. В. Колшанский «Паралингвистика», А. А. Леонтьев «Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации»), а также работы В. В. Виноградова, Г. Г. Шпета («Мысль и слово»), М. М. Бахтина, П. Рике-ра, Ю. М. Лотмана, А. М. Пятигорского («Семиотика»), в которых рассматривается интерсубъективная природа коммуникации/диалога.

[55] Розин В. М. Природа и особенности гуманитарного познания и науки // Наука глазами гуманитария. М., 2005. С. 52 – 53.

зование новых компонентов (еще одного текста, еще одного множества реципиентов) уже свидетельствует о том, что, выводя из указанной выше триады Критика, мы получим сложную развернутую модель критической деятельности, основанную на интерсубъективном взаимодействии. Выделим основные ее сегменты, направления воздействия и взаимодействия.

Первый сегмент структуры (ее активное изучение начинается с включением в область познания категории читателя) может быть описан следующим образом: определенная авторская интенция, ориентированная на читателя, реализуется в художественном произведении. Художественный текст одновременно является и частью бытия, открытого для понимания, и авторским вариантом интерпретации бытия. Включая в себя собственно текст и художественную реальность как необходимые компоненты, художественное произведение функционирует во множестве интерпретаций и восприятий, обусловленном множественностью потенциальных реципиентов. Объект нашего изучения – вариант коммуникативной цепочки, в которой реципиентом является литературный критик. Эстетическое восприятие художественного произведения критиком будет существенно отличаться от восприятия группы непрофессиональных реципиентов. Причина – разница не только в профессиональной подготовленности, опытности критика и зачастую наивно-эмоциональном уровне восприятия массового читателя, но и в различии целеполагания, интенции, направленной в критической деятельности не только на художественное произведение и бытие (интерпретационная деятельность), на себя (момент самоинтерпретации), но и на некое «свое» множество реципиентов. В то же время эти восприятия имеют нечто сходное, обусловленное единой природой эстетического переживания и единой ситуацией понимания как способа бытия (М. Хайдеггер). Иными словами, типы восприятия можно условно обозначить как «восприятие-для-себя» (в случае массового читателя) и «восприятие-для-другого-и-для-себя» (в случае критика). Показательным в этом смысле является признание критика А. Марченко: «И “День поэзии-86”, и “День…” следующий я прочитала дважды. Сначала для себя: то с конца, то с середины, перепрыгивая через то, что не приглянулось (не тронуло) по первой же строфе, а то и строчке. Потом, через некоторое время, профессионально-педантично: подряд и медленно»[56].

В процессе интерпретационной деятельности критик, имея установку на реципиента и «свой вопрос», который обусловила экзистенциальная и коммуникативная ситуация, создает ментальную и/ или ментально-текстовую модель (первичный текст) интерпретации, уже ориентируя его на читателя. Здесь необходимо выделить следующий сегмент и следующее направление взаимодействия в структуре критической деятельности: Критик – Критический текст – Читатель. Этот сегмент в некотором смысле повторяет первый (Автор – Художественный текст): наличие определенной интенции, направленной на реципиента, текст, в котором эта интенция реализуется, читателя как множество. Такая формальная корреляция, между тем, корректируется специфическими особенностями, присущими критической деятельности. Так, например, множество Читатель включает и писателя. Непосредственные обращения к нему в текстах современной литературной критики редки, однако, включенный во множество реципиентов, он оказывается тем наблюдателем, который подразумевается и влияет на протекание диалога («эффект двойного диалога»[57]).

Читатель может быть знаком с интерпретируемым художественным произведением, и это первичное личное восприятие входит в область пред-знания реципиента. В таком случае коммуникативно-прагматическая интенция критика будет направлена на ценностные, общественные и другие ориентиры/стереотипы реципиента, возможно, с целью изменить их или внушить свои (свои критерии оценки как верные, свое представление об общественной проблеме,

---

[56] Марченко А. Синдром: единогрезие // Знамя. 1988. № 6. С. 215.

[57] О функции наблюдателя в художественной и речевой коммуникации: Попова Т. И. Диалог с двойным адресатом // Риторика в современном обществе и образовании. М., 2003; Маслова А. Ю. Введение в прагмалингвистику: учебное пособие. М., 2007; Формановская Н. И. Речевое общение. М., 2002.

нашедшей отражение в произведении, как верное), и на то возможное представление/суждение о произведении, которое уже имеется в сознании реципиента. По сути, мы имеем следующий сегмент: художественное произведение в восприятии критика – художественное произведение в восприятии читателя. Очевидно, что восприятие критика эксплицитно (и имплицитно) представлено в тексте критической статьи и аргументируется (с разной степенью использования специального инструментария). Все другие «восприятия» присутствуют имплицитно как возможные «чужие прочтения». Но они могут быть и эксплицированы. Критический материал дает многочисленные примеры экспликации так «чужого мнения»: точки зрения критиков, с которыми спорит/согласен автор статьи; мнения/ощущения массового читателя, (не)истинные, глубокие/поверхностные. Читательское прочтение художественного произведения и прочтение критика – (само)интерпретации – «встречаются» в критической статье, а более явно в сознании реципиента, когда его «ответ» будет соотноситься с «ответом» критика. Можно сказать, что в сознании читателя сходятся (конфликтуют/соотносятся) две интенции: писателя и критика. Определим это явление как конфликт преобразующих установок.

В результате критической деятельности появляется еще одно читательское прочтение. В этом смысле «жизнь» (функционирование) художественного произведения в рамках критической деятельности представляет собой сложный процесс трансформации/приращения/ утраты смысла в ситуации интерсубъективного взаимодействия.

Возможно варьирование рассмотренного сегмента в том случае, когда личная интерпретация критика отличается от представленной им в тексте (явление «заказной» критики). В этом случае место в рассматриваемой структуре займет «вторичный» текст и механизм функционирования структуры не нарушится. Появится лишь новое обстоятельство коммуникации, которое определит интенцию критика. Объектом интерпретации критика может быть не художественное произведение, а то или иное явление, тенденция литературного процесса. В этом случае редуцируется компонент Автор, а само явление может рассматриваться как текст, выполняя ту же функцию в структуре критической деятельности, что и художественное произведение.

Выделим из общей модели компонент Критик и рассмотрим его функционирование на первом этапе критической деятельности.

Критик как субъект критической деятельности имеет свою структуру. В данном случае мы не рассматриваем структуру сознания субъекта познания[58], нам важен момент структурирования в коммуникативном аспекте, обусловленный ситуацией интерсубъективного взаимодействия. Понятие интерсубъективности принципиально значимо для нас, поскольку выделяемые уровни структуры будут непосредственно соотноситься с направлениями интеракции. Вслед за М. Бахтиным, Г. Хайдеггером, Ю. Хабермасом, мы понимаем интерсубъективность не только как признак коммуникативной деятельности, но и как необходимое начало познания[59].

В качестве активного компонента структуры критической деятельности критик (субъект) начинает функционировать в момент целеполагания[60]. Однако необходимо подробнее остано-

---

[58] Этому аспекту посвящены работы А.А. Леонтьева «Психология смысла. Природа, структура и динамика смысловой реальности», А.Г. Асмолова «Деятельность и установка», Э.Г. Юдина «Методология науки. Системность. Деятельность», В.М. Видгофа «Целостность эстетического сознания».

[59] Так, М. М. Бахтин говорит о внутренней структуре единого в двух лицах субъекта познания, расщепленного на того, кто осуществляет рефлексию над познанием (автора) и осуществляющего само познание (см.: Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 8 – 9). В. С. Библер обосновывает принцип диалогики как диалогического столкновения двух радикально различных культур мышления, сопряженных в логике спора (диалоге) логик (см.: Библер В. С. Мышление как творчество (введение в логику мысленного диалога). М., 1975. С. 42). Ю. Хабермас дает следующее определение коммуникативных интеракций: «Коммуникативными я называю такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий; при этом достигнутое согласие измеряется интерсубъективным признанием притязаний на значимость (правильность)» (см: Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 91).

[60] О роли целеполагания см.: Зеленов Л. А. Структура эстетической деятельности: дис. … д-ра филос. наук. Свердловск,

виться на той предструктуре, которая во многом определяет и содержание целей, и процесс критического суждения и оценки. Речь идет о коммуникативно-прагматическом контексте как условии понимания. Изучение этого компонента сопряжено с рядом трудностей, так как мы не располагаем достоверными сведениями о психическом состоянии, действительных мотивах критика в момент, предшествующий и совпадающий с интерпретацией и ее фиксацией. Сложность, в ряде случаев невозможность верификации выводов, к которым приходят исследователи, изучающие феномен «предпосылки», порождают критику в адрес прагмалингвистики, рецептивной эстетики. Однако интерес к этой проблеме познания – естественный результат развития эпистемологии. По мнению Е. Н. Ищенко, выйдя к новой неклассической (коммуникативной) парадигме познания, эпистемология (Ч. Пирс, Р. Барт, К. Аппель, Ю. Хабермас и др.) признает невозможность беспредпосылочности человеческого познания (изучает проблему предпосылок и оснований познания, приходит к мысли о том, что гуманитарное познание предпосылочно по природе своей, и «слой» этих предпосылок имеет сложную структуру)[61]. Факт наличия неосознаваемого, дорефлексивного («экзистенциального») уровня как горизонта предпонимания признают сегодня в качестве аксиомы представители коммуникативного направления в лингвистике, прагмалингвистике, в рецептивной эстетике, функциональном литературоведении, герменевтике[62].

Таким образом, еще до момента осознанного пребывания в статусе субъекта критической деятельности, критик может быть рассмотрен в ситуации «коммуникативного контекста». Понятие «коммуникативный контекст», или «прагматический контекст» – теоретическая и когнитивная абстракция. Составим теоретическую модель контекста, предшествующего процессу планирования адресантом своей «коммуникативной партии». Описание коммуникативного контекста необходимо вести в двух плоскостях: первая охватывает совокупность пред-посылок, пред-рассудков, присущих субъекту коммуникативной деятельности (критику); вторая касается особенностей «рецептивной ситуации» определенного историко-культурного периода. В коммуникативном контексте выделяются осознаваемые и неосознаваемые предпосылки будущей интерпретационной и текстопорождающей деятельности. К бессознательным предпосылкам относим языковую компетентность субъекта, национальную принадлежность, биолого-физиологические данные, психологический тип, национально-ментальные стереотипы, фреймы и сценарии, «ситуационные модели» (Т. ван Дейк), находящиеся в эпизодической памяти и репрезентирующие предшествующий опыт коммуникации вообще, критической деятельности, знание о «рецептивной ситуации». Осознанные и чаще всего вербализуемые далее в тексте критических статей предпосылки: социально-культурный, профессиональный статус, текущее эмоциональное состояние, вкусы, политические воззрения, представление о статусе критики/литературы на сегодняшний день, способ интерпретации и текстообразования, мнения о конкретных писателях/ произведениях, ценностный ориентир. Позиция критика как «вопрошающего» может быть как осознанной, так и бессознательно предполагаемой.

Данный прагматический контекст динамичен, может меняться в ходе критической деятельности. Так, уже в момент появления мотива, целей деятельности некоторые из перечис-

---

1971; Каган М. С. Человеческая деятельность. М., 1974; Ворожбитова А. А. Теория текста: антропоцентрическое направление. М., 2005 и др.

[61] Ищенко Е. Н. Проблема субъекта гуманитарного познания: эпистемологический анализ // Философские науки: исторические эпохи и теоретические методы. Воронеж, 2006.

[62] Э. Гуссерль, Л. Витгенштейн основанием достоверности познания считают жизненный мир («круг уверенностей»), привычные ориентации, предваряющие знание «снизу». Г. Шпет в качестве предпосылок понимания называет язык и стиль мышления, которые очерчивают «горизонт» понимающей деятельности. В рамках экзистенциально-онтологической концепции ситуация пред-понимания как один из главных этапов познания вообще рассматривается М. Хайдеггером, а в рамках концепции теории коммуникативного действия изучается Ю. Хабермасом.

ленных предпосылок будут актуализированы, а сам ряд иерархически выстроен, пополнен (в частности, моделью коммуникативного контекста реципиента).

Теория критики, касаясь вопроса мотива критической деятельности, чаще всего представляет нам так называемые идеальные, долженствующие мотивы. Нередко подобные мотивировки встречаются и в текстах самих критических работ. Однако не исключен фактор ангажированности литературной критики, о котором пишут сами авторы[63]. Момент ангажированности, а следовательно, присутствия «скрытого мотива» существенно важен для нас в осмыслении структуры критической деятельности в ее коммуникативно-прагматическом аспекте. Будем различать два вида интенций в рассматриваемой модели. Первая – вербализованная, вторая – скрытая, присутствующая имплицитно, прагматическая. Они вычленяются из текста критической работы, но разными методами. Обе определяются мотивами и целеполаганием. Этап целеполагания, структурно и содержательно важный для всего механизма критической деятельности и деятельности вообще, по мнению В. А. Карташева, «является императивом для всех других компонентов»[64].

Одна из определяющих целей в структуре критической деятельности – убеждение, воздействие. Эта цель, вероятнее всего, должна рассматриваться как еще один компонент предзнания, сформированный исторически, генетически восходящий к периоду нерасчлененного существования критики и риторики. Наличие убеждения как сверхцели обусловлено особым типом дискурса, к которому принадлежит критика. Литературно-критическое высказывание может быть рассмотрено как вариант ментатива (ментатив – класс дискурсивных практик, которые «не просто информируют о состояниях или процессах бытия или мышления, но предполагают – в качестве следствия коммуникативного события – некоторое ментальное событие (изменение картины мира) в сознании адресата»[65]). Литературно-критическая ментативная деятельность как деятельность коммуникативная обусловлена референтными, креативными и рецептивными коммуникативными условиями, или «дискурсивными компетенциями»[66], определяющими коммуникативную/ риторическую стратегию критического высказывания.

Референтные условия литературно-критического варианта ментатива проистекают из концептуализации в критическом тексте референтного содержания, его «разворачивания», конкретизации для Другого. Референтным содержанием литературно-критического высказывания является интерпретация, понимаемая нами в широком герменевтико-онтологическом значении. Одним из дискурсивных условий является притязание критического суждения на общезначимость, недискуссионность. Это условие требует использования системы риторических приемов. Другим референтным условием становится наличие в критическом суждении оценки. Убеждение читателя в ее авторитетности предполагает обращение к области ментального.

Критическое высказывание характеризуется тем, что говорит не о целостном смысле литературного явления, а об актуальном для критика/ критического направления/журнала. «Вычитанный» смысл, сопряженный с эстетическими, ментальными, экзистенциальными установками критика, лежит в основе референтного содержания. Кроме этого референтную компетенцию литературной критики как ментатива составляет мнение (не знание).

Рецептивные условия литературно-критического высказывания совпадают с условиями ментативной дискурсии как таковой. Для нее характерна развитая рецептивная интенция[67].

---

[63] См., например, материалы дискуссии в Литературной газете (2002 – 2003) «Самоубийство жанра», в частности, мнения П. Басинского, М. Шорохова, А. Столярова, Н. Переяслова, С. Казначеева.

[64] Карташев В. А. Система систем. Очерки общей теории и методологии. М., 1995. С. 69.

[65] Тюпа В. И. Коммуникативные стратегии теоретического дискурса // Критика и семиотика. 2006. № 10. С. 40.

[66] Понятие «дискурсивная компетенция» использует В. И. Тюпа в работе «Коммуникативные стратегии теоретического дискурса» вслед за А. Греймасом.

[67] Тюпа В. И. Коммуникативные стратегии теоретического дискурса. С. 42.

Рецептивная компетенция литературно-критического дискурса определяет круг возможных реципиентов, которые могут адекватно воспринять авторскую интенцию. У толстожурнальной критики такой круг неширок, в то же время названная компетенция не требует основательных специальных знаний и навыков, поэтому критик как профессиональный читатель находится ментативно в выигрышной позиции.

Одним из правил инвенции в риторике является зависимость успеха речевого воздействия от общего интереса, который движет собеседниками. Такой общей областью интересов адресанта и адресата литературной критики является интерес к современной литературной действительности (от профессионального до любопытства), в котором могут доминировать интерес к частному мнению/оценке, к литературному факту в его связи с социальными процессами, желание «проверить» свою интерпретацию литературного явления, свои «вычитанные» смыслы, «ответы» с представленными в критическом тексте (соотнести свое дорефлексивное понимание с вариантами отрефлексированного) и шире – онтологически критика и читателя объединяет общая позиция «спрашивающего». В первой половине 1990-х критика укрупняет свой предмет, чтобы максимально расширить область совпадения интересов. Осваивается явление масслита, востребованного читателем, одним из доминирующих объектов в это время становится общественное сознание, толстожурнальная критика (особенно журнала «Знамя») выходит к осмыслению острых экзистенциальных вопросов.

Реципиент литературно-критического дискурса – читатель элитарный, заинтересованный в получении авторитетного суждения о литературной действительности и ее фактах. Одной из его компетенций должна быть способность приблизиться к ментальности субъекта критического суждения, а также способность принять специфическую систему, логику аргументации в критическом тексте, допускающую большую долю субъективности, эмоциональности. Цель критика – обрести единомышленников, поэтому в рецептивную компетенцию литературно-критического дискурса входят солидарность мышления и со-чувствование.

Критический дискурс конструктивен, поэтому важную роль в литературно-критическом ментативе играет креативная компетенция. Критика осваивает неизученный литературный материал, формируя металитературный контекст. Креативная компетенция критического дискурса состоит в конструировании «литературного пейзажа», выстраивании ценностных иерархий/критериев, в инновационности металитературного языка, на котором осуществляется все множество критических суждений, в корректировании и формировании новых ментальных представлений. Принадлежность литературно-критического высказывания к ментативному дискурсу и особенности его коммуникативных условий объясняют значимость прагматической компоненты целеполагания, направленной на убеждение.

Выделим и другие цели, располагая их не иерархически-соподчиненно, поскольку в зависимости от мотива та или иная целеустановка может стать доминирующей. Первая цель формулируется нами исходя из герменевтико-онтологического представления о «понимающем бытии». Цель критика – изначально – познать литературное явление как часть бытия. Вторая цель соотносится с литературным явлением как сегментом критической деятельности – интерпретировать художественное произведение/литературное явление с использованием того или иного способа/метода познания в аспекте, заданном мотивом. Момент интерпретации, напомним, неотделим от самоинтерпретации. Реализация этой цели предполагает создание ментальной модели (первичного текста) интерпретации. Результатом интерпретации может стать реконструирование «вопроса» автора или образа автора как «вопрошающего». Третья цель, выделяемая теоретически как отдельная, но в момент реализации совпадающая с предыдущей, – оценка художественного произведения/литературного явления в соответствии с представлениями об эстетическом идеале, своим представлением об «ответе», эстетическим вкусом, либо, как вариант, в соответствии с заданной оценкой. Четвертая – порождение критического текста, реализация авторской интенции. Пятая – осуществление ментальных,

поведенческих изменений в реципиенте. Отдельные целеполагания могут редуцироваться, осознаваться как первостепенные или второстепенные в зависимости от мотива. Критерием типологии интенций в их связи с целеполаганием становится степень осознанности, приоритетности той или иной цели, с одной стороны, и интенсивности привлечения интерпретируемого и оцениваемого материала, с другой.

Аналитико-ориентирующая интенция, условно вербализуемая в действиях «изучить, проанализировать, проследить и т.п.», реализуется чаще всего в жанре обзора, критического разбора, статьи, заметок. В чистом виде она представлена в научно ориентированной критике, сосредоточенной на анализе литературного явления. Выходы за пределы интерпретируемого объекта подчинены логике аргументации и не являются самоцелью. Примером критических работ, в которых реализован данный вид интенции, служат статьи А. Моторина «Лирический прилив» (Новый мир. 1992. № 9), М. Липовецкого «Современность тому назад» (Знамя. 1993. № 10), Е. Иваницкой «Постмодернизм = модернизм?» (Знамя. 1994. № 9), А. Ранчина «”Человек есть испытатель боли…” Религиозно-философские мотивы поэзии Бродского и экзистенциализм» (Октябрь. 1997. № 1), И. Роднянской «Сюжеты тревоги. Маканин под знаком “новой жестокости”» (Новый мир. 1997. № 4), А. Уланова «Медленное письмо» (Знамя. 1998. № 8) и др.

Структура цели в текстах с аналитико-прагматической интенцией организована следующим образом: доминирует аналитическая цель (интерпретировать то или иное литературное явление), аксиологическая становится второстепенной либо редуцируется, собственно прагматические целеустановки присутствуют, но не определяют коммуникативную стратегию.

Полемически-прагматическая интенция («оспорить, дать оценку, доказать свою точку зрения, убедить, внушить и т.п.»). Данная интенция характерна для критических работ в жанре полемической статьи, критического разбора с высокой степенью оценочности. Этот вид интенции объединяет статьи Л. Лазарева «Былое и небылицы» (Знамя. 1994. № 10), Н. Елисеева «Гамбургский счет и партийная литература» (Новый мир. 1998. № 1), В. Камянова «Игра на понижение. О репутации “старого искусства”» (Новый мир. 1993. № 5), Н. Ивановой «Неопалимый голубок. “Пошлость” как эстетический феномен» (Знамя. 1991. № 8) и др. В них актуализирована установка на адресата как объекта воздействия. Интерпретируемый материал, как правило, используется в качестве повода для обсуждения не собственно литературных, а социальных проблем, в качестве дополнительного средства аргументации.

Интенция самопрезентации характерна в большей степени для газетной критики[68]. Роль художественного произведения в текстах, реализующих данный вид интенции, как правило, минимальна, используется как повод демонстрации критиком собственной осведомленности, причастности описываемым событиям и т.п. Прагматическая компонента целеполагания определяет способ порождения такого типа критических текстов.

Установка на адресата является общей для выделенных видов интенций. Она объединяет две различные коммуникативные процедуры: интерпретации и продуцирования текста и является структурообразующей для критической деятельности в целом. Понятие установки заимствуется нами из психологии[69]. Как доминирующая эта установка проявится в акте текстообразования, однако уже на первом этапе критической деятельности она будет присутствовать

---

[68] Об этой черте новой газетной критики пишет Н. Иванова в статье «Сладкая парочка» (Знамя. 1994. № 5).

[69] По словам А. Г. Асмолова, «в деятельности, как и в любом движении, всегда присутствует тенденция к сохранению его направленности. Стабилизаторы деятельности находят свое выражение в своеобразной инерции деятельности. Роль такого стабилизатора выполняет установка» (см.: Асмолов А. Г. Деятельность и установка. М., 1979. С. 6). По мнению Д. Н. Узнадзе (ученый исследует феномен установки экспериментально, но затем выходит за рамки эксперимента, связанного с эффектом иллюзий, и делает вывод о возможности использования метода в изучении проблемы установки вообще), установка – это момент динамической определенности психической жизни, целостная направленность сознания в определенную сторону на определенную активность (см.: Узнадзе Д.Н. Психология установки. СПб., 2001. С. 25). В акте критической деятельности это направленность на коммуникативный акт, будущий или настоящий, с его прагматической составляющей.

имплицитно, или, по выражению Д. Н. Узнадзе, «внесознательно, предваряя появление определенных фактов сознания»[70]. Здесь, вероятно, происходит процесс иррадиации (иррадирование – свойство установки, выражающееся в динамизме, переходе из одной области в другую). На втором этапе критической деятельности мы имеем дело с той же установкой, но усложненной прагматически. Критику необходимо сформировать/откорректировать установку восприятия продуцируемого текста. Установка, таким образом, выполняет роль «коммуникативного вектора» (О. Каменская[71]).

Наличие установки на адресата и на выстраивание коммуникативного акта как свойство структуры исторически и культурно закреплено и действует как по принципу автоматизма, так и сознательно. Установка на адресата, на прагматический коммуникативный акт является именно структурообразующим основанием, детерминантом, а не отдельным компонентом структуры, поскольку содержательно проявляется на всех уровнях критической деятельности. Кроме того, ориентация на тот или иной тип аудитории определяет целеполагание, а также жанр, стиль, метод интерпретации.

Наличие цели, в которой имеется установка на адресата, структурирующая эту цель, вероятно, и делает возможным переход от коммуникативной ситуации к «коммуникативному событию» как интерсубъективной реальности.

Отдельное место в рассмотренной структуре занимает Текст. В процессе литературно-критической деятельности взаимодействуют «текст художественного произведения как воплощенная автором интенция», «текст критической статьи как результат интерпретации», «художественный текст в первичном восприятии читателя», «художественный текст в откорректированном критиком восприятии читателя». Дополним этот ряд еще одним компонентом – «представление критика о первичном читательском восприятии художественного текста». Выделение этого компонента необходимо при изучении прагматической составляющей критической деятельности, направленной на изменение/корректировку читательских представлений. В том случае, если мы имеем дело с полемическим критическим текстом, выделяется еще один компонент – «художественный текст в «чужой» интерпретации».

Критический текст в таком случае представляет собой сложное структурное образование, в нем вычленяются все выделенные типы текстов (кроме аутентичного). Это такое коммуникативное пространство, в котором репрезентированы основные структурные взаимодействия компонентов критической деятельности.

Литературно-критическая деятельность, понимаемая как формализованный акт само(интерпретации), претендующий на общезначимость, несомненно, шире акта истолкования литературного явления. Такой взгляд на критику требует переосмысления категории метода литературной критики. Традиционно литературно-критический метод охватывал только интерпретационную деятельность критика и отождествлялся с литературоведческим. Парадигма онтологии понимания отказывается от категории метода (Г. Гада-мер), представляя литературно-критическую (само)интерпретацию как процедуру, которую можно (используя технику анализа текста) и нельзя (поскольку она есть уникальный, как все другие, акт понимания) повторить. Нет необходимости, на наш взгляд, отказываться от категории «метод литературной критики» (специфика критики в большей степени объясняется ее качеством вторичного понимания, «методологичного», с точки зрения М. Хайдеггера), но необходимо ее иное осмысление, выработка иных классификационных критериев для типологии.

Приходится констатировать, что категория метода литературной критики сегодня не наполнена тем определенным теоретическим смыслом, который позволил бы ей быть востребованной в научной и критической практике. Показательно, что сами критики избегают исполь-

---

[70] Узнадзе Д. Н. Психология установки. С. 59.

[71] Каменская О. Л. Текст и коммуникация. М.,1990.

зовать понятие метода либо скептически оценивают его функциональность. Е. Иваницкая в статье «Постмодернизм = модернизм?» пишет: «Критик оказывается сам по себе теоретик, методолог и исследовательский институт. Уж если когда критика окончательно разошлась с университетско-академическим литературоведением, то именно сегодня. За круглым столом «ЛГ» (23 февр., 1994) дружно сомневаются, а существует ли вообще литературоведение?… и те критики, которые как раз взыскуют идеала, культурного единства и культурного "здоровья", в качестве ultima ratio вынуждены ссылаться на себя…»[72]. Н. Анастасьев в статье «Недостающее измерение» вспоминает слова Л. Фидлера: «у нее [критики – Ю. Г.] нет ни методологии, ни терминологического аппарата, чтобы адекватно описать и оценить происшедшие в литературе перемены»[73]. Н. Иванова, говоря о методе своей деятельности, использует ненаучную трактовку этого понятия: «Объединяет его [текст собственного творчества – Ю. Г.], кроме всего прочего, общая методология. Я вижу, что в нашей политике действуют люди, играющие определенные роли, и я их декодирую как персонажей»[74].

Непопулярность категории метода объясняется и дополнительной идеологической окраской, привнесенной в советский период («Когда историко-литературный термин становится оценочным, он перестает быть термином»[75]).

Представление о сложной структуре критической деятельности делает возможным поиск такого обоснования категории метода критической деятельности, которое бы учитывало все сегменты описанной структуры в комплексе (существующие концепции охватывают лишь сегмент «критик – литературное явление»). Следуя герменевтико-онтологической традиции, категория метода используется нами в отношении второго (рефлексивного) акта критической деятельности. Процесс же первичного понимания, а тем более, самопонимания категорией метода не охватывается.

К бесспорным методологическим основаниям литературной критики можно отнести ее принадлежность к общему контексту гуманитарного знания, в центре познания которого находится не вещь, а личность; отношения познавательной деятельности характеризуются как субъект-субъектные; наличествует аксиологическая составляющая.

Современные исследователи все настойчивее подчеркивают, что критика вырабатывает свои принципы научности, отличные от литературоведческих, искусствоведческих, философско-эстетических и других (И. В. Кондаков, В. Е. Хализев). Однако вопрос о своеобразии проявления принципа научности в критике остается наименее изученным.

Методы гуманитарного научного познания используются в литературной критике «не в чистом» виде, а переосмысливаются. Редуцируется жесткое требование научной доказательности, логической аргументированности; необязательным становится требование целостности в подходе к произведению. Согласимся с мнением Л.В. Чернец о том, что критическая интерпретация отличается определенной избирательностью в подходе к произведению[76]. Одновременно в критическую деятельность привносится субъективность. Речь идет не только о той доле субъективности, которую предусматривает гуманитарное познание, но и о субъективности, которая в критике может выполнять роль аргумента (часто впечатление от прочитанного оказывается основой для формулирования оценки). По мысли Б. Мен-цель, такие критерии, как «увлекательно», «интересно», «сложно», «скучно», «идеологизированно» и так далее, «развиваются и передаются как квалифицированные вкусовые суждения»[77]. В книге «Как слово

[72] Иваницкая Е. Постмодернизм = модернизм? // Знамя. 1994. № 9. С. 187.

[73] Анастасьев Н. Недостающее измерение // Знамя. 1995. № 3. С. 192.

[74] Иванова Н. Интервью вместо послесловия. С. 338.

[75] Немзер А. История пишется завтра // Знамя. 1996. № 12. С. 210.

[76] Чернец Л. О формах интерпретации литературных произведений // Художественное восприятие: проблемы теории и истории: межвуз. тематич сб. науч. тр. Калинин, 1988. С. 48.

[77] Менцель Б. Перемены в русской литературной критике. Взгляд через немецкий телескоп: [Электронный ресурс]. Кельн,

наше отзовется…» Судьбы литературных произведений» Л.В. Чернец высказывает мнение о том, что критическая интерпретация произведения имеет субъективные предпосылки: «Подход критика к произведению всегда избирателен и обусловлен его мировоззрением, эстетическим вкусом, жизненным, читательским опытом и пр.»[78]. Принципиально важно и замечание В.С. Брюховецкого: «Критика является структурно сложной относительно самостоятельной деятельностью, в которой элементы художественного и теоретико-научного мышления выполняют подчиненную доминантам коммуникативно-прагматического мышления роль, а объединяются на основе эстетического восприятия»[79].

Итак, критика использует метод, в котором обнаруживаются признаки гуманитарного метода познания; в то же время он обладает специфическими свойствами, не позволяющими отождествить его с методом научным. Такой вывод обнаруживает проблематичность типологии литературной критики, которая не дублировала бы специальные литературоведческие методы и для которой необходимо искать новые классификационные критерии.

На наш взгляд, такой критерий не может быть в достаточной степени четко сформулированным до тех пор, пока не будет переосмыслена сама категория метода критической деятельности и «снято» противоречие, порожденное рассмотрением категории критического метода в рамках первых двух членов триады: автор/текст – критик.

Преодолеть усеченный взгляд на критическую деятельность возможно при условии включения в сферу рассмотрения фигуры читателя, осмысления критической деятельности в рамках экзистенциально-онтологической парадигмы, понимания интерпретации как одновременно и самоинтерпретации. Осмысление метода как познания оказывается содержательно недостаточным для той обширной области критических текстов, для которых характерна не аналитическая, а прагматическая авторская установка. Ведущей деятельностью в этих случаях будет не познавательная или не столько познавательная, сколько интерпретационная и коммуникативно-ориентированная. Стратегия убеждения, воздействия будет определять и ракурс видения текста (момент избирательности), и содержание интерпретации, и последовательность и выборочность включения в критический текст элементов собственно анализа произведения/явления литературного процесса.

Если критическая работа близка литературоведческой и в ней задействован специальный научный метод, ориентация на читателя внесет в критический текст те особенности, которые и позволят отнести его к критике, а не к науке. Если на первом этапе критической деятельности – этапе анализа или произведения – критик использует элементы того или иного метода познания, то на этапе создания критического текста он (критик) ориентирован на другой инструментарий – коммуникативно-прагматический, предполагающий осмысление специальной методологии как способа убеждения. У критика, по сути, три субъекта – субъект познания, самопознания и убеждения. Принципиальная диалогичность критического текста, его коммуникативно-прагматическая направленность существенно корректируют смысловое наполнение понятия метода в отношении к критической деятельности.

Нетождественность литературоведения и критики позволяет рассматривать критику как одну из форм ненаучного гуманитарного знания[80]. Отсюда методологическими основаниями критики становятся: доминирующая роль оценки; необязательность применения критерия истинности для любого положения, несовпадение критериев адекватности и истинности знания; диалогичность процесса познания; зависимость познания от установок познающего (В.

2001. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2003/4/ ment-pr.html (дата обращения 24.04.2009).

[78] Чернец Л. «Как слово наше отзовется…» С. 79.

[79] Брюховецкий В. Критика как мышление и деятельность. С. 84.

[80] Исчерпывающе доказали это Ю. Б. Борев и М. П. Стафецкая (см.: Борев Ю. Б., Стафецкая М. П. Социология, теория и методология литературной критики // Актуальные проблемы методологии литературной критики. Принципы и критерии. М., 1980).

Дильтей), его ценностей (М. Вебер); не только изучение некоторого явления, но одновременно его конституирование, внесение в него смысла, ценностей. Это самые общие принципы, пока еще не дающие представления о специфике метода литературной критики.

Методы критического познания, несомненно, включают приемы рассуждений, которые характерны для любого рода познавательной деятельности и широко применяются людьми в их обыденной жизни: индукция и дедукция, анализ и синтез, абстрагирование и обобщение, идеализация, аналогия, описание, объяснение, предсказание, обоснование, гипотеза, подтверждение, опровержение и пр.

Литературная критика использует специальные литературоведческие методы, но редуцированно. Как показывает анализ журналов «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Наш современник», наиболее распространенными в критике 1990-х годов оказываются сравнительно-исторический подход к исследованию литературной ситуации или ряда произведений, типологический, конкретно-исторический. Однако и эти характеристики метода литературной критики не раскрывают его специфики, поскольку не схватывают адресата, по сути, направляющего деятельность критика.

Самое общее определение метода в гносеологии – понимание его как общей стратегии исследования и действия, главной функцией которой является внутренняя организация и регулирование процесса познания или практического преобразования того или иного объекта. В приложении к деятельности критика оно должно быть дополнено: помимо процесса познания метод организует и процесс текстопорождения. В актуальной для нашего исследования методологической парадигме понятие «метод литературно-критической деятельности» предстает как стратегия (само)интерпретации, реализуемая в ходе освоения литературного явления и предполагающая ту или иную коммуникативно-прагматическую установку на реципиента.

В разработке методологии критики важно не создание универсальной, обобщенной концепции метода, а описание доминирующих типов критического метода. Можно предложить несколько классификаций литературно-критического метода, в основание которых каждый раз будут вводиться такие компоненты, которые позволят, с одной стороны, «не потерять» выделенные сегменты структуры критической деятельности, а с другой – прояснить типы стратегий критической деятельности.

Критерием первой классификации можно считать доминирование в целеполагании аналитического или прагматического компонента. В соответствии с ним классификация метода литературной критики имеет следующий вид: аналитико-ориентированный, прагматико-ориентированный, аналитико-прагматический. Проблемным вопросом в данном случае является поиск основания, по которому возможно будет объективно определить ту или иную составляющую (аналитическую или прагматическую) в качестве доминантной. Анализ литературно-критических работ, опубликованных в журналах «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Наш современник» за 1990-е годы в аспекте выявления аналитической и прагматической компонент позволил выстроить следующий алгоритм определения метода литературной критики исходя из структуры целеполагания и с учетом всех компонентов структуры критической деятельности. Алгоритм представлен в виде перечня положений, (не)реализация которых значима в определении метода: авторская формулировка цели/задачи, разнообразие риторических приемов, оценка, коммуникативный статус реципиента, степень эмоциональности/ экспрессивности, использование специальных литературоведческих методов.

Как правило, авторская формулировка цели/задачи не включает постановку прагматической цели. В то же время ее наличие в структуре цели обязательно. В таком случае редкий факт вербализации будет значимым (часто определяющим) в определении методологической доминанты. Фиксирование аналитической цели/задач не будет являться объективным показателем доминирования аналитической компоненты ввиду частотности проговаривания именно этой целеустановки при активной реализации цели прагматической.

Прагматические приемы, с помощью которых осуществляется та или иная коммуникативная стратегия и реализуется авторская интенция, вычленяются в каждом литературно-критическом тексте и потому не могут являться показателем доминирования того или иного компонента цели. В то же время их разнообразие в рамках отдельной статьи свидетельствует об осознанной ориентации автора именно на прагматическую цель, а следовательно, о ее доминирующей роли в сознании критика.

Наличие формализованной литературно-критической оценки необязательно (это характерно для современной критики) и не является показателем доминирования той или иной компоненты метода. В то же время частотность оценок в рамках одного текста, высокая степень их экспрессивности, проговаривание критерия оценивания, несомненно, указывают на главенство прагматической цели «внушить читателю собственную шкалу оценки», «заразить» собственной положительной/ негативной/нейтральной оценкой.

Коммуникативный статус реципиента является значимым признаком того или иного метода. При доминировании прагматической составляющей метода читатель воспринимается автором критической статьи как активный соучастник суждения о литературном произведении/явлении. При аналитически ориентированном методе читатель, как правило, находится в положении «молчаливого собеседника».

Высокая степень экспрессивности может служить дополнительным (но не обязательным) показателем доминирования прагматической составляющей. И наоборот, бесстрастность, эмоциональная «скупость» свидетельствуют о наличии названной компоненты при отсутствии ее доминирующей роли.

О верифицируемости результатов «работы» выделенного алгоритма свидетельствует анализ литературно-критической практики журналов «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Наш современник» 1990-х годов[81].

Вторым основанием классификации метода является направление интерпретации. Литературно-критические тексты «толстых» журналов дают основание выделить три направления: интерпретация Я-центричная, тексто(авторо)центричная и интерпретация, направленная на читателя.

Возможность Я-центричной интерпретации литературного явления осознана самой критикой. Так, Д. Бавильский пишет: «Проблема не в креативном потенциале творческой личности (она либо творческая, либо нет), но в сознательном следовании определенным наклонностям и предпочтениям: хочешь ли ты говорить о себе напрямую или через посредство чужого слова»[82]. В. Пустовая так формулирует задачу литературной критики: «…в критике есть своя собственная задача, никак не связанная с познанием Другого, служением чужому тексту. <… > Это – построение собственного мира, подобно тому как писатель создает индивидуальный художественный мир. В своей сфере аналитического критик строит мир не художественный – мир идей»[83].

Я-центричная интерпретация наиболее явно отражает процесс самоинтерпретации в результате понимания литературного явления. Наблюдается прямое и обратное движение критической мысли. Интерпретационные усилия критика направлены его «Я»: убеждениями, «вопросами» и «ответами». В процессе понимания текста критик «вычитывает» актуальные для него смыслы. В текстах такого типа параллель между вычленяемыми смыслами и лично-

---

[81] Более подробное описание каждого метода на материале критики 1990-х годов см.: Говорухина Ю.А. Метакритический дискурс русской критики: от познания к пониманию. – Томск, 2009 (глава «Метод литературной критики: сущность и типология»).

[82] Критика: последний призыв. Анкета: [Электронный ресурс] // Знамя. 1999. № 12. URL: http://magazines.russ.ru/znamia/1999/12/konfer.html (дата обращения: 21.06.2009).

[83] Китеж непотопляемый: [Электронный ресурс] // Октябрь. 2006. № 10. URL: http:// magazines.russ.ru/october/2006/10/pu8.html (дата обращения: 16.08.2009).

стью интерпретатора обнаруживается наиболее отчетливо. Средства прагматики используются для убеждения читателя в истинности своих взглядов на бытие, ценности. «Я» критика, его чувства и мнение будут авторитетной инстанцией. Я-центрированы литературно-критические тексты И. Дедкова, К. Степаняна, С. Чупринина, В. Кардина, И. Роднянской, Л. Аннинского, Д. Бавильского, Н. Елисеева и др.

Тексто(авторо)центричная интерпретация не отменяет самоинтерпретации, но направленность на текст становится главным смыслообразующим и текстообразующим фактором. Средства прагматики способствуют усилению аргументации в ходе анализа литературного явления. Роль авторитетной инстанции играют текст или авторская интенция. Текстоцентричны статьи М. Эпштейна, А. Якимовича, Е. Тихомировой, О. Дарка, П. Вайля, В. Новикова, М. Липовецкого и др., автороцентричны работы Н. Ивановой, А. Немзера, О. Славниковой, Д. Бавильского и др.

Интерпретация, направленная на читателя, обнаруживается в тех критических текстах, в которых литературное явление оказывается поводом, средством для убеждения читателя в собственных взглядах (социальных, нравственных, эстетических и т.п.). Риторически насыщенные, такие тексты ориентированы на читателя (его ожидания, представления, фреймы) как авторитетную инстанцию. К ним можно отнести статьи А. Агеева, О. Дарка, В. Новикова, С. Костырко[84]. Критики акцентируют внимание на том, что смотрят/ оценивают то или иное литературное явление глазами простого читателя.

Каждое из названных направлений определяет свой «вопрос». Для Я-центричной критики это вопрос «Кто есть *Я*?», для тексто(авторо)центричной – «Что есть то или иное явление в *моих* координатах (ценностных, познавательных)?», для убеждающей – «Как убедить читателя в *моих* взглядах?». Присутствие Я в каждом из «вопросов» позволяет охарактеризовать литературную критику рубежа веков как гносеологически эгоцентричную.

Одним из проявлений эгоцентризма в критике является субъективация. Субъективация – понятие, используемое в психологии, культурологии, лингвистике, – в литературоведении означает факт смещения точки видения из нейтральной авторской сферы в сферу выделенного субъекта, персонажа. Более всего явление субъективации, ее приемы (включение прямой и несобственно-прямой речи, стилизации, пародии и др.) исследованы на материале художественных произведений. Однако в последнее время в рамках изучения дискурсивных практик (на материале рекламных, научных текстов) появляются работы, в которых данное понятие используется в значении выделения субъекта речи, привлечения к нему внимания читателя с помощью ряда средств. Явление субъективации в критике рубежа XX – XXI веков – следствие актуализации самопонимания в процессе интерпретации, преодоления кризиса идентичности и поиска новой.

В период перестройки в критический текст проникает собственный голос автора-критика, преодолевается статус «говорящего от лица». Критика осваивает приемы субъективации. Уже вскоре они образуют целый арсенал тактик, с помощью которых авторское «я» заявит о себе как о концептуальном центре. Опишем эти средства.

Непосредственное воспроизведение переживаемых здесь и сейчас эмоций, внутреннего монолога. Так, Л. Лазарев, возмущенный безапелляционностью заявлений молодой критики, в статье «Былое и небылицы» пишет: «Или дурака ломают: Для чего? Чего добиваются?… Непостижимо…»[85]. И. Штокман описывает свои ощущения от прозы Л. Бородина: «Эти стра-

---

[84] Агеев А. Варварская лира // Знамя. 1991. № 2; Арбитман Р. Долгое прощание с сержантом милиции // Знамя. 1995. № 7; Дарк О. Принесенные в жертву // Знамя. 1998. № 12; Новиков В. Филологический роман. Старый новый жанр на исходе столетия // Новый мир. 1999. № 10; Камянов В. В тесноте и обиде, или «новый человек» на земле и под водой // Новый мир. 1991. № 12; Костырко С. Чистое поле литературы. Любительские заметки профессионального читателя // Новый мир. 1992. № 12.

[85] Лазарев Л. Былое и небылицы. С. 184.

ницы трудно, больно читать: и сердце щемит за героя, и слепит глаза безжалостный, бесконечно уверенный в себе свет Большой Правды»[86]. Вербализация мыслей и чувств способствует не только субъективации, но и сокращению дистанции между автором и читателем, созданию эффекта единомыслия.

Включение эмоционально-экспрессивной оценочной лексики. Тенденцию насыщения современных литературно-критических текстов «личными» оценками, определениями отмечает С. Чупринин в статье «Элегия»: «<…> человеческое, слишком человеческое, вне всякого сомнения, берет в высказываниях критиков-внуков верх и над идеологией, и над эстетикой, и над этикой…»[87]. Критик пишет о том, что представители нового поколения критиков поняли свободу слова как свободу ничем не стесняемого самовыражения: «Главный интерес для критика новейшего типа – себя показать. Причем не столько свое мнение показать, сколько свою натуру»[88].

Еще одно средство субъективации – *включение вводных слов со значением (не)уверенности, возможности, достоверности, оценки* и т.п. Можно сказать, что вводные слова являются своего рода показателем переключения нейтрального авторского повествования в сферу «личного».

Интерес представляет *включение в текст статьи смоделированного диалога с читателем/писателем/критиком*, в котором звучит живое слово критика. Н. Иванова в статье «Сладкая парочка» пишет: «Скажем, я так и вижу гневную отповедь Н.В. Гоголя, то есть, извините, я забылась, И.П. Золотусского или в крайнем случае П. Басинского…»[89]. В этой же статье встречается и прямое обращение к Константину Кедрову: «Костя, ну и что на это сказать?… Конечно, я могу понять твою реакцию… Грустно, но что поделаешь – свобода, брат!… А нынче, Костя, боюсь, придется беспокоиться об издании своих сочинений самому тебе»[90]. Обращение на Ты, использование элементов устной речи моделируют личную ситуацию общения. Можно говорить об изменении статуса автора: критик-профессионал, исследователь в позиции «над» объектом критического анализа оказывается лицом вне профессионального статуса, таким как читатель «здесь и сейчас». Такая мена кратковременна, первоначальный статус восстанавливается, как только прием субъективации утрачивает свою потенциальную силу воздействия.

Ситуация спора моделируется А. Немзером в статье «Сила и бессилие соблазна», Н. Лейдерманом и М. Липовецким в статье «Между хаосом и космосом. Рассказ в контексте времени», М. Новиковой в статье «Христос, Велес – и Пилат…» и др.[91].

Включение воспоминаний. С. Чупринин в статье «Первенцы свободы» делится личным воспоминанием о спектакле «Чукоккала». Увиденный критиком инородный герой на сцене ТЮЗа позволяет внести негативную оценку при сравнении его с публикациями М. Золотоносова, Ю. Ханина. С. Чупринин использует здесь сразу два приема воздействия на читателя: включение сначала объекта сравнения, порождающего целый комплекс эмоций, значений, ассоциаций, а затем субъекта. Срабатывает механизм сравнения: в сознании реципиента комплекс сем с объекта переносится на субъект; указание на личное воспоминание, что привносит эффект достоверности.

---

[86] Штокман И. Слово и судьба (Леонид Бородин: идеи и герои) // Наш современник. 1992. № 9. С. 179.

[87] Знамя. 1994. № 6. С. 188.

[88] Там же. С. 187.

[89] Иванова Н. Сладкая парочка. С. 195.

[90] Там же. С. 195.

[91] Немзер А. Сила и бессилие соблазна // Новый мир. 1991. № 9; Липовецкий М. Между хаосом и космосом. Рассказ в контексте времени // Новый мир. 1991. № 7; Новикова М. Христос, Велес – и Пилат. «Неохристианские» и «неоязыческие» мотивы в современной отечественной культуре // Новый мир. 1991. № 6.

Включение сведений о личном знакомстве с тем или иным лицом. Так, включение информации о личном знакомстве помогает Н. Ивановой демистифицировать образ Ерофеева-гения эпатажа и внести эффект достоверности: «Года два назад Виктор Ерофеев, избравший скандал как норму (форму) своего литературного поведения (в быту, замечу, воспитаннейший человек, а его литературное хамство, даже скорее наглость, не маска ли, причем не всегда хорошо подогнанная?), в "Московских новостях" эпатировал публику заявлением…»[92] Н. Иванова таким образом подготавливает читателя к тому, чтобы далее доказать справедливость слов В. Ерофеева. Несомненно, использование данного средства субъективации может быть рассмотрено как прием саморекламы, особенно распространенный в текстах начинающих критиков, в газетной критике. О своем личном знакомстве с Л. Бородиным упоминают И. Штокман в статье «Слово и судьба (Леонид Бородин: идеи герои)[93], В. Бондаренко в юбилейной статье «Неожиданная проза Леонида Бородина»[94]. Воспоминания о Е. Буравлеве составляют основную часть статьи Н. Колмогорова «Весь опыт, что вместила жизнь…»[95].

Оценка не идей, высказанных другим критиком, а его личностных качеств. Так, в статье «Выхожу один я на дорогу» А. Агеев пишет: «"Если все будут книжки читать, кто же работать будет?" – недавно повторил один из них расхожую мысль, но повторил с такой истовой убежденностью, что я подумал: «Уж не боится ли он литературы, не чувствует ли в ней – сознательно или интуитивно – потенциального врага своего дела?»[96]. Критик воспроизводит течение мысли, закавычивая ее; возникает эффект непосредственного порождения мысли субъекта. Оценка личности в подобных случаях осуществляется в соответствии с критериями не столько критика, сколько человека вне профессионального статуса.

Включение информации о себе (биографического плана, о собственных заслугах, о своем поколении/времени) распространено в новой критике. В нем обнаруживается и элемент саморекламы, и приближение к читателю, «оличнение» текста, и определение собственного статуса. Так, А. Агеев пишет: «Во-первых, она (критика) защищает классику от посягательств «наших нигилистов» (среди которых время от времени фигурирует имя автора этих строк)»[97], намекая на свой личный творческий статус, а А. Немзер акцентирует: «Я знал (или скорее чувствовал)… мне, среднему гуманитарию "советского разлива", будет жить трудно»[98]. Л. Баткин, предваряя свою статью, посвященную И. Бродскому, упоминает о своем профессиональном статусе: «Пусть будут впрямь полудилетантские заметки читателя. Какое облегчение для меня, историка-профессионала! Отдохновенная, блаженная прихоть»[99].

Выведение собственной позиции, актуализация ее. Здесь мы имеем в виду только те случаи, когда авторская позиция не просто заявлена (что предполагает критика), а демонстративно подчеркнута. Так, А. Агеев пишет: «Несмотря на то, что в своей статье я отчаянно утрировал и даже нарушал кодекс либерального поведения, порицая одних за то, что они делают, а других – за то, чего не делают, я склонен скорее примириться с ситуацией, нежели пытаться ее волюнтаристски "формировать"»[100]. Обращает на себя внимание не столько вербализация автором собственных задач данной работы, сколько количество местоимений с указанием на субъекта речи. Часто критики сознательно акцентируют внимание на том, что высказываемая

---

[92] Иванова Н. Сладкая парочка. С. 186.

[93] Наш современник. 1992. № 9. С. 183.

[94] Наш современник. 1998. № 4. С. 248.

[95] Наш современник. 1998. № 8.

[96] Знамя. 1994. № 11. С. 181.

[97] Там же. С. 182.

[98] Немзер А. Двойной портрет на фоне заката // Знамя. 1993. № 12. С. 183.

[99] Баткин Л. Вещь и пустота. Заметки читателя на полях стихов Бродского: [Электронный ресурс] // Октябрь. 1996. № 1. URL: http//magazines.russ/october/1996/1/ batkin.html (дата обращения: 25.06.2009).

[100] Агеев А. «Выхожу один я на дорогу…» С. 188.

далее идея, мнение, впечатление принадлежит именно им. Так, например, Н. Иванова в статье «Возвращение к настоящему» заявляет: «Поэтому заранее хочу оговорить свою симпатию ко всему из того высказанного тогда в ЦДЛ… <…> Можно как угодно относиться к поэзии революционного романтизма (мне, например, она абсолютно чужда…)»[101].

Выделение себя из референтной группы, противопоставление чужого и своего мнения. Этот способ субъективации обнаруживается в тех случаях, когда критик сначала вводит «чужое» мнение (своего рода, контекст): высказывание другого критика/группы критиков, традиционное мнение/мнение большинства, а затем с помощью противопоставления или без него озвучивает собственную позицию.

Нередко противопоставлению «чужого» – «своего» сопутствует ирония, иная эмоциональная оценочность. Так, М. Липовецкий («Совок-блюз») воспроизводит логику поведения разоблачителей литераторов-шестидесятников: «Вот он наш совок-блюз – найти крайнего, найти виноватого! И самый кайф, если этот “крайний” не одиозен, как КГБ или КПСС, а как бы даже авторитетен. Нашли: А теперь – ату его!» И затем признание: «Смущают меня, признаюсь, эти попевки»[102].

Вариант названного нами приема – моделирование возможных вопросов (критиков, читателей), собственных вопросов, вопросов общечеловеческого плана или часто задаваемых современным поколением, и ответ на эти вопросы автора-критика. В этом случае также возникает эффект субъективации: мнение автора-критика выделяется на фоне контекста-вопросов. Еще один вариант – противопоставление себя, собственного мнения читательскому в ситуации смоделированного диалога (И. Роднянская: «Вы не испытываете неловкости? Воля ваша. А вот мне смешно, и ничего не могу с собой поделать»[103]).

Обратный, но схожий по результату прием – *выделение себя в рамках референтной группы (без противопоставления).* Его использование фиксируют фразы типа: «Другим, мне в том числе, казалось…», «Как и большинство…, Я считаю …», «Все мы, и я не исключение…» и т.п. Субъективации способствуют вставные эпизоды-размышления о нравственных, политических проблемах, философские отступления. В них особенно явно открывается внутренний мир критика, читатель получает представление о его образе мысли, жизни, чувств.

Эффекту субъективации, на наш взгляд, способствует и *использование в тексте глаголов с семантикой процесса письма, направления читательского внимания* (А. Агеев: «Я написал “используется” и сразу понял, что грубо ошибся», «Дальше я буду говорить банальные вещи», «О народе в понимании “патриотической” лирики мне остается договорить немного»[104]). О сложности подбора подходящего эпиграфа к статье о И. Бродском пишет Л. Баткин[105]. Рефлексируют над этапами написания текстов критики А. Архангельский в статье «Огнь бо есть. Словесность и церковность: литературный сопромат»[106], Н. Славянский в статье «Твердая вещь»[107].

---

[101] Знамя. 1990. № 8. С. 228.

[102] Знамя. 1991. № 9. С. 227.

[103] Роднянская И. «Гипсовый ветер». О философской интоксикации в текущей словесности // Новый мир. 1993. № 12. С. 193.

[104] Агеев А. Варварская лира. С. 222, 231, 227.

[105] Баткин Л. Вещь и пустота. Заметки читателя на полях стихов Бродского: [Электронный ресурс] // Октябрь. 1996. № 1. URL: http//magazines.russ/october/1996/1/ batkin.html (дата обращения: 25.06.2009).

[106] Новый мир. 1994. № 2.

[107] Новый мир. 1997. № 9.

Литературная критика «толстых» журналов рубежа XX – XXI веков: обстоятельства функционирования

Социокультурная и эпистемологическая ситуация конца XX века

Характеристика социокультурной ситуации конца XX века как совокупности обстоятельств и условий функционирования общества[108] – предмет исследований экономики, социологии, культурологии, политологии, искусствоведения, философии. В связи с этим исчерпывающий анализ социокультурной ситуации рубежа веков не представляется возможным. Ограничимся обозначением тех обстоятельств социокультурного характера, которые, на наш взгляд, наиболее значительно повлияли на литературную критику, обусловив ее структурные изменения и ту стратегию-ответ, которую она вырабатывает по отношению к ним[109].

Хронологические рамки исследуемой нами литературно-критической практики – десятилетие с 1992-го по 2002 год. Начало периода обусловлено резким социокультурным сломом. 1992 год вошел в историю как год «шоковой терапии». На это время приходится конституционный кризис, реформа, приведшая к экономическому кризису. Негативные последствия «конфликтного варианта модернизации»[110] выразились в этнических конфликтах, криминализации, демонстративном потреблении, полярности общества, утрате консолидирующих духовно-нравственных идей («духовного ядра»[111]), сосуществовании и противоречивом взаимодействии различных типов сознаний[112]. По мнению М. Рац, эти и другие последствия обусловлены разрывом между новыми политическими ориентирами и ценностями (западного образца), с одной стороны, и сохраняющейся советской ментальностью, с другой[113].

В оценках периода рубежа XX – XXI веков превалируют характеристики «перелом», «взрыв», «кризис», используется концепция «культурного взрыва» Ю. Лотмана, в частности утверждение ученого о том, что во взрывные периоды выброшенные когда-то из семиотического пространства пласты культуры вновь врываются в культуру, привнося взрывную динамику в постепенное линейное развитие истории[114]. Определение ситуации рубежа как культурного хаоса становится общим местом в учебниках по истории отечественной литературы[115]. Исследуя процессы перераспределения власти в литературе второй половины XX века, М. Ю.

---

[108] В понимании «социокультурной ситуации» используем точку зрения О. Карпухина, который под социокультурной ситуацией понимает характеристику состояния общественной системы (от экономической до духовной сферы), представляющую собой совокупность событий, обстоятельств и процессов, в которых находится личность, но анализируемых с позиции культуры, т.е. присутствующих в «снятом» виде в культуре данного общества (см.: Карпухин О. И. Социокультурная ситуация как отражение кризиса в российском обществе // Социально-политический журнал. 1995. № 4. С. 134).

[109] Здесь нами используется мысль М. Берга, который, ссылаясь на К. Берка, пишет: «всякое художественное или критическое сочинение избирает какую-то стратегию по отношению к ситуации» (см.: Берг М. Ю. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М., 2000. С. 7).

[110] Шульгина И. А. Современная социокультурная ситуация в России (философский анализ) // Вестник Ставропольского государственного университета. 2002. № 29. С. 39 – 45.

[111] «Духовное ядро – устойчивая во времени система идеалов жизнедеятельности общества, формирующихся на основе норм и установок реального общества» (см.: Липкин А. И. «Духовное ядро» как системообразующий фактор цивилизации: Европа и Россия // Общественные науки и современность. 1995. № 2. С. 58).

[112] Шульгина И. А. Современная социокультурная ситуация в России. С. 41.

[113] Рац М. К концепции открытого общества в современной России // Вопросы философии. 1999. № 2. С. 23.

[114] Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 178.

[115] Так, например, История русской литературы XX века: 1970 – 2000: учеб. пособие: в 4 кн. / под ред. Л. Алексеевой. М., 2008. Кн. 4. С. 13; Современная русская литература (1990-е гг. – начало XXI в.): учеб. пособие. СПб.-М., 2005. С. 10.

Берг определяет 1990-е годы как переломный период «бурного перераспределения ценностей, в том числе символических, а также власти, как в социальном пространстве, так и в поле литературы»[116].

Одно из важнейших проявлений перелома, непосредственно повлиявшее на литературную критику, – взлет и утрата литературоцентризма. Критика теряет читателя, былой статус авторитетной инстанции. Как следствие – активизация метакритики, осмысление проблемы выживания в социокультурных условиях конца XX века как экзистенциальной, связанной с поиском идентичности, поиски успешной коммуникативной стратегии, переструктурирование модели критической деятельности.

Кризис литературоцентризма отразился на функционировании «толстых» журналов, традиционном месте «прописки» профессиональной критики. По мнению М. Ю. Берга, публикуемые в 1990-е годы в «толстых» журналах тексты не обладают культурным капиталом, притягательным для обмена «писатель – читатель» и преобразования культурного капитала в символический и социальный[117]. Исследователь называет «толстый» журнал современным аналогом андеграунда, поля с групповыми функциями признания и посвящения. О смене парадигмы от литературоцентричной к деиерархизированной, в которой действует положение «литература осталась литературой»[118], о тотальном изменении роли писателя, типа читателя[119] пишет Н. Иванова.

Причины утраты литературоцентризма, повлекшие перемещение толстожурнальной литературной критики на периферию литературного поля и читательского внимания, социокультурного характера: отмена цензуры, повышение статуса прежде (полу)запрещенных в советское время наук (социологии, социальной психологии, политологии и др.), увеличение сферы развлечений и средств информации, ликвидация железного занавеса.

Еще один социокультурный фактор, отразившийся на степени потенциальной полемичности литературной критики, – постепенная деполитизация литературной жизни. Уже в начале 1990-х годов «журнальная война» практически прекращается. Идеологическая оппозиция продолжает существовать, но постепенно на протяжении десятилетия все более теряет агрессивность. По версии Н. Лейдермана, М. Липовецкого, причиной стала неактуальность борьбы за влияние на партийное руководство после утраты однопартийности[120]. Вслед за идеологичностью критика утрачивает полемичность как таковую. Уже во второй половине 1990-х годов в ней практически не фиксируются острые полемики, дискуссии. Политический характер критических споров меняется на собственно литературный, а сами дискуссии приобретают формат «круглого стола», представления различных точек зрения на заданную проблему. Эти изменения свидетельствуют об уходе на периферию смыслового поля понятия «критика» значения «спорить». Помимо социально-политических обстоятельств, детерминирующих данный факт, необходимо учитывать фактор гносеологической переориентации критики. Постмодерн приносит усомнение в авторитетности и окончательности суждения как такового, нейтрализует претензию критического суждения на общезначимость, утверждает идею множественности взглядов как норму, а следовательно, обессмысливает ситуацию спора.

Социокультурная ситуация 1990-х – начала 2000-х годов определяет проблемное поле литературной критики[121].

---

[116] Берг М. Ю. Литературократия. С. 260.

[117] Берг М. Ю. Литературократия. С. 265.

[118] Иванова Н. Триумфаторы, или Новые литературные нравы в контексте нового времени // Звезда. 1995. № 4. С. 179.

[119] Иванова Н. Гибель богов. М., 1993. С. 283.

[120] Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: в 3-х кн. Кн. 3: В конце века (1986 – 1990-е годы). М., 2001. С. 9.

[121] Объектное, проблемное, дискуссионное поле литературной критики 1990-х годов с разной степенью полноты описано в обзорах учебников, посвященных истории русской критики, в том числе ее новейшего периода. Такого рода обзорами ограни-

Проблема жизнеспособности «толстого» журнала. Возникшая в период резкого падения тиражей литературно-критических журналов, эта проблема включала вопрос о статусе критики в структуре «толстого» журнала. С 1992-го по 1994-й годы критическую рефлексию объединяет осмысление причин журнального обвала, констатация кризиса, постановка социальных диагнозов[122]. Во второй половине 1990-х годов оформляется новая тенденция – попытка конструирования обновленной модели «толстого» журнала[123], построение прогнозов его дальнейшего существования[124]. Критика фиксирует отсутствие эстетического журнального ориентира (исключение – отношение к постмодернизму). Эстетическая «всеядность» журналов в первой половине 1990-х годов получает резко негативную оценку (как свидетельство кризиса «толстого» журнала), во второй половине 1990-х годов обнаруживается тенденция представить ее эстетической политикой журнала[125].

Проблема статуса критики и адекватности критического суждения. Данному аспекту посвящен раздел «Метакритика конца XX – начала XXI веков: поиск идентичности и стратегии самоинтерпретации». Здесь перечислим наиболее значимые вопросы и эпизоды дискуссий. Предметом метакритики рубежа веков являются феномен газетной критики, стратегии взаимодействия критика и писателя, функции критики в ситуации кризиса литературоцентризма, проблема объективности критики, сближение критики и литературы[126].

Проблема жизнеспособности (кризиса) современной литературы и поиска объединяющих тенденций в ее потоке. В 1990-е в словаре критики пропадает понятие «литературный процесс», его заменяет «литературная ситуация», «пейзаж»[127]. Раздробленный литературный поток порождает проблему поиска объединяющего начала, тенденций. В публикации 1997-го года С. Чупринин заявляет: «Уже прошло, либо пока не вернулось время творческих «школ», «направлений», «методов», чьи напряженные взаимоотношения обычно регулируют ход литературного процесса, вынося одни явления в мейнстрим, а другие сталкивая на обочину читательского и профессионально-критического внимания <…> за политической беспартийностью последовала беспартийность эстетическая»[128].

чиваются В. Прозоров (см.: История русской литературной критики: учеб. пособие / под ред. В. Прозорова. М., 2009), отчасти М. Черняк (см.: Типологические черты «новой критики» 1990-х гг. // Современная русская литература (1990-е гг. – начало XXI в.) / под ред. С. Тиминой. М., 2005), М. Голубков (см.: История русской литературной критики XX в (1920 – 1990-е годы). М., 2008). Ограничимся кратким описанием проблемных вопросов, определивших точки активности критики рубежа веков.

[122] См., например, работы В. Новикова «Промежуточный финиш» (Знамя. 1992. № 9), круглый стол «На чужой роток не накинешь платок. Взгляд на “Знамя”-93» (Знамя. 1994. № 1) и др. Эта тенденция не утратит свою актуальность и в 2000-е годы. Так, участники дискуссии «Продуктовый набор или осколок вытесняемой культуры?» (Дружба народов. 2005. № 1) среди причин кризиса «толстяков» называют отказ от критики, приведший к выпадению из литературного процесса (В. Бондаренко), пренебрежение читателем (Е. Иваницкая), специализацию в ущерб общечеловеческому (А. Воскресенский).

[123] См., например, обсуждение вопроса «Есть ли у “Знамени” будущее?» (Знамя. 1997. № 1).

[124] Так, Б. Дубин считает, что литература перестала быть центром интеллектуальной жизни, «но это отнюдь не кризис, а просто другая форма ее существования <…> литератур стало несколько (глянцевая, как и сетевая, серийно-массовая и т. д. – один из них); расслоились прежние читатели (многие отпали – устали, состарились, обеднели, отстранены на периферию)». В этом социолог современной литературы видит причину другого формата существования российского журнала: «литературные приложения», «региональные издания», «малые обозрения», «дешевые тонкие журналы», «летучие издания», «ведомственные журналы» и т.д. (см.: Дубин Б. Литература перестала быть центром интеллектуальной жизни // Продуктовый набор или осколок вытесняемой культуры? Толстые литературные журналы в современной России: [Электронный ресурс] // Дружба народов. 2005. № 1. URL: http://magazines.russ.ru/druzhba/2005/1/pro16.html (дата обращения: 24. 10.2009)).

[125] См. заявление С. Чуприна, прозвучавшее в ходе дискуссии «Есть ли у «Знамени» будущее? Двенадцать мнений о перспективах русских литературных журналов» (Знамя. 1997. № 1).

[126] В рамках дискуссий и круглых столов: Критика: последний призыв (Знамя. 1999. № 12), Критики о критике (Вопросы литературы. 1996. № 6). В рамках отдельных статей С. Чупринина «Элегия» (Знамя. 1994. № 6), А. Агеева «Выхожу один я на дорогу» (Знамя. 1994. № 11), Н. Ивановой «Между…» (Новый мир. 1996. № 1), С. Костырко «О критике вчерашней и “сегодняшней”…» (Новый мир. 1996. № 7), И. Роднянской «Герменевтика, экспертиза, дегустация…» (Новый мир. 1996. № 7), Е. Иваницкой «Страстно поднятый перст или угрожающий палец?» (Октябрь. 1995. № 11), О. Славниковой «Критик моей мечты» (Октябрь. 2000. № 6).

[127] Иванова Н. Пейзаж после битвы // Знамя. 1993. № 9.

[128] Есть ли у «Знамени» будущее? Двенадцать мнений о перспективах русских литературных журналов // Знамя. 1997.

Два направления прогноза (эсхатологический и перспективный) и две тональности в осмыслении критикой 1990-х годов состояния литературы задают статьи 1991-го года: М. Эпштейна «После будущего: о новом сознании в литературе» (Знамя. 1991. № 1) и И. Дедко-ва «Между прошлым и будущим» (Знамя. 1991. № 1).

Как отдельная проблема обсуждается *проблема метода*. На протяжении 1990-х в критике появляются концепции метареализма, трансметареализма (Н. Иванова[129]), постреализма (Н. Лейдерман, М. Липовецкий[130]), постпостмодернизма (В. Курицын[131]), гносеологически ориентированные на обнаружение центра, доминанты в развитии литературы. Ментально эти поиски обусловлены особенностью русского культурного архетипа – потребностью в центральном событии. По мнению Е. Лиственой, вокруг него собирается русская культура, строятся ментальные схемы, поднимается национальное самосознание, появляется смысл бытия личностного и бытия социума и их нормальное для личности соотнесение. Отсутствие центрального события проявляется в психической потерянности, культурной разбросанности, отсутствии идеалов, подавленности[132]. Вариант события в литературе и поисков этого события – попытки критики обнаружить появление новой эстетической парадигмы, которая внесла бы относительный порядок в хаос литературной ситуации.

Критика, осмысливающая явление постмодернизма, фиксирует его эволюцию: от теоретико-критического осмысления к исследованию литературной практики[133], а затем к констатации кризиса[134].

Проблема эффективности премиальной политики стала актуальной после учреждения премии Букера. От непосредственной реакции на short- и long-листы (согласия, несогласия) критика выходит к осмыслению функций премии в современном литературном процессе, приходит к выводу о том, что премия начинает выполняет роль более реального двигателя литературы, чем критика.

Проблема интеллигенции, ее статуса и роли в современном культурном пространстве, непосредственно связанная с идентификационными процессами в самой критике, является в 1990-е годы одной из самых острых. В период экономического кризиса положение интеллигента становится униженным, встает вопрос о выживании писателя. Поводом для осмысления данной проблемы стала статья Л. Гудкова и Б. Дубина «Идеология бесструктурности. Интеллигенция и конец советской эпохи», авторы которой пишут о деградации массовой советской гуманитарно-образованной бюрократии («интеллигенции»). Распад интеллигенции, по мнению авторов, вызван обессмысливанием прежних функций, утратой прежнего социального статуса, материальных ресурсов, престижа и т.п.[135]. Зафиксированное Л. Гудковым движение интеллектуального слоя в сторону «профессионализации», западного варианта интеллекту-

---

№ 1. С. 207.

[129] Иванова Н. Преодолевшие постмодернизм // Знамя. 1998. № 4.

[130] Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Жизнь после смерти, или Новые сведения о реализме // Новый мир. 1993. № 7.

[131] Курицын В. Время множить приставки // Октябрь. 1997. № 7.

[132] Листвина Е. Особенности современной социокультурной ситуации в России: [Электронный ресурс]. URL: http://www.sgu.ru/faculties/historical/sc.publication/ tourism/tur.and.space.php (дата обращения: 18.09.2009).

[133] В статьях М. Липовецкого «Апофеоз частиц, или диалоги с хаосом» (Знамя. 1992. № 8), К. Степаняна «Реализм как заключительная стадия постмодернизма» (Знамя. 1992. № 9), К. Степаняна «Назову себя цвайшпацирен» (Знамя. 1993. № 11), А. Немзера «Двойной портрет на фоне заката» (Знамя. 1993. № 12), В. Курицына «О сладчайших мирах» (Знамя. 1995. № 4), С. Рейнгольда «Русская литература и постмодернизм» (Знамя. 1998. № 9), Н. Переяслова «Оправдание постмодернизма» (Наш современник. 1999. № 5), Липовецкий М. «Мифология метаморфоз…» (Октябрь. 1995. № 7), Л. Баткина «О постмодернизме и “постмодернизме”…» (Октябрь. 1996. № 10).

[134] В статьях Е. Иваницкой «Постмодернизм = модернизм?» (Знамя. 1994. № 9), М. Липовецкого «Изживание смерти. Специфика русского постмодернизма» (Знамя. 1995. № 8), «Голубое сало поколения, или Два мифа об одном кризисе» (Знамя. 1999. № 11), Н. Ивановой «Преодолевшие постмодернизм» (Знамя. 1998. № 4).

[135] Гудков Л., Дубин Б. Идеология бесструктурности: Интеллигенция и конец советской эпохи // Знамя. 1994. № 11. С. 166 – 167, 178.

ализма[136] наблюдают впоследствии и литературные критики. Проблеме самоидентификации интеллигента посвящает свою статью «Кто я? К вопросу о социальной самоидентификации бывшего интеллигента» А. Злобина[137]. Творческий интеллигент, по мнению критика, становится западным интеллектуалом. О той же смене идентичности пишет П. Крусанов в статье «Плоды кухонной цивилизации»[138]. Другую тенденцию наблюдает С. Рассадин. В статье «Из жизни кентавров. Интеллигент – обыватель – люмпен»[139] критик фиксирует сращение интеллигента и люмпена.

Остро заявившая о себе проблема идентичности интеллигенции связана со всеобщей социокультурной ситуацией смены приоритетов, перестройки идеологической, ценностной парадигмы. Стремительность развивающихся общественно-политических событий ставит человека в ситуацию поиска новой идентичности[140]. Ю. А. Левада направление этих поисков в 1990-е годы видит в увеличении и даже гипертрофии «функций национальной идентичности, причем прежде всего – негосударственной (языковой, исторической, мифологической, этнической)»[141]. М. П. Абашева замечает: «Проблема поиска новой идентичности в новых исторических и культурных условиях становится предметом усиленной писательской рефлексии», «тягой к обнаружению бытийной, а не культурной идентичности объясняется включение в сферу литературы писательского поведения»[142].

Не менее сложна эпистемологическая ситуация рубежа XX – XXI веков. Она отражается как в свойствах критического суждения этого времени, так и в методологическом «взрыве» гуманитарных наук.

Критическое суждение в 1990-е годы теряет былую авторитетность и опору на авторитеты. М. Ю. Берг фиксирует невозможность определяющего суждения в 1990-е по сравнению с первой половиной 1980-х годов, когда к концептуальному тексту было «приложимо определяющее суждение в рамках известных категорий»[143]. Ощутившая на себе гносеологическое влияние постмодернизма, критика становится менее категоричной.

Эпистемологически литературоведение и критика в 1990-е годы сталкивается с серьезными трудностями. Н. Лейдерман называет следующие: отказ от идеологизированных подходов к изучению истории русской литературы, обусловливающий необходимость в их обновлении; методологический кризис литературоведения 1980– 1990-х годов, проявившийся в недоверии к традиции типологического изучения литературы; общемировая тенденция «отката» от теории в 1980-е: «Теоретическая мысль оказалась неспособной постичь в полном объеме сущность изучаемого ею объекта»[144]. Совпавший с крахом тоталитарной системы и с общим ментальным кризисом методологический кризис привел, по мнению Н. Лейдермана, к

---

[136] Гудков Л. Интеллигенты и интеллектуалы // Знамя. 1992. № 3/4. С. 218 – 220.

[137] Новый мир. 2000. № 5.

[138] Нева. 2002. № 6.

[139] Знамя. 1992. № 3/4. С. 225, 229.

[140] О ситуации преодоления российской культурой кризиса идентичности, подпитываемого кризисом социально-экономическим в 1990-е годы, пишет Е. Николаева (см.: Николаева Е. Переходная культура и миф о начальном времени // Между обществом и властью: массовые жанры от 20-х к 80-м годам XX века. М., 2002. С. 304). Проблеме идентичности посвящены работы: Кнабе Г. С. Жажда тождества: культурно-антропологическая идентификация: Вчера. Сегодня. Завтра. М., 2003; Шеманов А. Ю. Самоидентификация человека и культуры. М., 2007; Гудков Л. Д. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 гг. М., 2004; Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа / отв. ред. М. Горшков, Н. Тихонова. М., 2005 и др.

[141] Левада Ю. А. «Человек советский» десять лет спустя: 1989-1999 гг. // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. М., 1999. № 3. С. 10.

[142] Абашева М. П. Автоконцепция русской литературы рубежа XX – XXI вв. // Теоретико-литературные итоги XX в. М., 2003. С. 72, 73.

[143] Берг М. Ю. Литературократия. С. 272

[144] Лейдерман Н. Л. Траектории «экспериментирующей эпохи» // Русская литература XX века: закономерности исторического развития. Книга 1. Новые художественные стратегии. Екатеринбург, 2005. С. 10.

восприятию «демонтирующих» концепций, а как следствие – к болезненной настороженности к поискам каких бы то ни было констант[145].

Критика постсоветского периода оказалась в ситуации гуманитарного «взрыва» (Ю. Лотман), «эпистемологического разрыва» (М. Фуко), совпавшего с тотальной модернизацией всех уровней социальной жизни. Она функционирует в период «отсутствия центра», утраты литературоцентризма, проникновения различных методологий и конкретных методик, терминологической неопределенности, когда термины лингвистики, философии, психологии и психоанализа, социологии, культурологии, герменевтики и семиологии конкурируют в языковой картине мира. Возникают новые области гуманитарного знания, обостряются терминологические и понятийные проблемы, формируется многообразие подходов к исследованию и истолкованию как отдельных терминов, текстов, литературных явлений, так и литературного процесса в целом.

Критика входит в полосу кризиса идентичности, а критик утрачивает статус властителя дум, направляющего развитие литературы[146]. Общим местом в статьях первой половины 1990-х, посвященных критике, становится мотив катастрофичности («затянувшийся конец», «подступающее удушье», «конец уже наступил», «тошнота», «топологически вывернутое пространство без горизонта», «полное отчаяние», «запредел», «колокол звонит», «чувство обступающей могилы» – характеристики, встречающиеся только в одной статье М. Эпштейна «После будущего» (Знамя. 1991. №1); «Гусеница литературного процесса раздавлена <…> и никуда уже не поползет <…>, мы сидим на лестнице, ведущей в никуда <…>» – в статье М. Руденко «Мелкие неприятности в ночь перед страшным судом…»[147]; в статье С. Чупринина «Элегия» возникает образ пересохшего русла, по мнению критика, распространившийся в откликах о литературной критике (Знамя. 1994. №6). А. Агеев пишет: «Комплекс своей литературной неполноценности, заведомой «вторичности» мучил критику всегда, но никогда он не прорывался на свет с такой угрожающей самому существованию профессии массовостью»[148]).

В результате, в структуру пред-понимания критики входит ментальная необходимость в утверждении своего «присутствия». На наш взгляд, понятия «присутствие», «вопрошание», «забота» с актуальными для М. Хайдеггера смысловыми компонентами наиболее точно отражают состояние литературной критики, осознающей выпадение из системы производства/потребления литературы. В 1990-е годы размежевание в критике начинает проходить по формату (появляются новые формы бытования). Момент взаимовлияния разных форм (газетной, толстожурнальной, телевизионной, сетевой, формата сборника статей) также характеризует обстоятельства функционирования критики, определяет, в частности, варианты самоидентификации.

Еще в XIX веке сложилось мнение о том, что именно критика определяет направление, стержень журнала. Критика 1990-х годов, по мнению самих критиков, перестает восприниматься как поле идеологической борьбы, а журналы теряют былое позиционное единство. Процесс диффузии в период конца 1990-х – начала 2000-х годов противоположен тенденциям 1950-х – начала 1960-х годов (оппозиция «Нового мира» и «Октября»), второй половины 1980-х – начала 1990-х годов (оппозиция «Нового мира» и «Молодой гвардии») – времени острейшей борьбы, пропаганды групповых ценностей, слежения за «чистотой рядов». К

---

[145] Там же. С. 11.

[146] Так, К. Степанян отмечает: «Постмодернистский кризис, через который проходит ныне сознание людей, для нашей страны, в силу кардинального противостояния его определяющих характеристик коренным установкам традиционного сознания, оказался, быть может, самым болезненным…чем оборачивается один лишь кризис слова (центральный в постмодернистской “системе кризисов”) для нашей культуры – культуры Слова, рассказывать, думается, не надо – он на виду у всех, даже не имеющих никакого отношения к литературе» (см.: Степанян К. Кризис слова на пороге свободы: [Электронный ресурс] // Знамя. 1999. № 8. URL: http:magazines. russ.ru/znamia/1999/8/stepan.html (дата обращения: 23.08.2009)).

[147] Знамя. 1992. № 1. С. 224.

[148] Агеев А. «Выхожу один я на дорогу…» // Знамя. 1994. № 11. С. 187.

середине 1990-х годов, по выражению Н. Ивановой, «все аргументы были исчерпаны <…> на смену бывшим идеологическим позиционным боям перестройки пришло взаимное игнорирование. Отдельные группы единомышленников конкурируют непосредственно за благосклонность читателя, за общественное признание и успех, но по отношению друг к другу придерживаются почти аутистской замкнутости»[149].

Консервативная критика уже в 1990-е годы преодолевает сложившуюся практику критического освоения только «своих» текстов, а либеральная уже во второй половине 1990-х практически перестает быть агрессивной в отношении своих оппонентов. Литературная критика теряет былой статус идеологического стержня журнала. Неслучайно в дискуссиях последних лет одной из причин журнального кризиса называют публикацию в них идеологически (в широком значении), эстетически разнонаправленных публицистических и литературно-критических работ[150]. С точки зрения А. Василевского, «…принято считать, что настоящий толстый журнал – это журнал “с направлением”, которое создается в первую очередь критикой и публицистикой. Я думаю, что сегодня ситуация изменилась. Никакая публикация в толстом литературном журнале не может (по многим причинам) стать общественным событием. Для нынешнего “Нового мира” характерно не столько утверждение каких-то идей, концепций, выражающих “точку зрения журнала”, сколько аналитика. Спокойная аналитика и максимально широкий охват»[151].

Этот процесс проходит на фоне смены поколений: старшее поколение критиков, самоопределение которых в основном разворачивалось в поле идеологических интенций, уходит из литературной жизни. Молодые критики работают в совершенно иных социокультурных обстоятельствах, они в меньшей степени стремятся выступать «от группы», для них более характерен эгоцентричный тип проявления самости.

Итак, литературная критика рубежа веков функционирует в обстоятельствах вдруг утраченного доверия и интереса к «толстому» журналу и критическому суждению, «эпистемологической неуверенности» гуманитарной области познания. Эта ситуация определяет интерпретационные стратегии, момент самоидентификации, событие коммуникации, иными словами, стратегию-ответ литературной критики на «вызов» времени.

---

[149] Ответственность и ответность литературной критики: материалы круглого стола: [Электронный ресурс] // URL: http://lecture.imhonet.ru/element/1005065/ (дата обращения: 16.04.2009).

[150] Так, например, А. Василевский отмечает: «Идет процесс медленной диффузии между “патриотической” и “либеральной” сферами в местах их соприкосновения. Эта диффузия имеет самые разные формы. Скажем, в библиографических обозрениях журнала “Континент” художественная проза рассматривается как единое поле, без специального разделения на правую и левую, патриотов и демократов. О моей рубрике “Периодика” в “Новом мире” и говорить нечего – правое и левое в ней вперемешку. И тем не менее в декабрьском номере “Нового мира” напечатаны две статьи: Солженицына – о прозе Василия Белова и Линор Горалик – о фэнсообществах. Понятно, что у Солженицына и Горалик нет ничего общего – ни в тематике, ни в “месседже”. Но еще важнее, что они пишут на разных языках: один, скажем так, с Марса, другой – с Венеры. Языки несовместимы, несоединимы» (см.: Ответственность и ответность литературной критики: материалы круглого стола: [Электронный ресурс] // URL: http://lecture.imhonet.ru/element/1005065/ (дата обращения: 16.04.2009)).

[151] Критик не может писать в стол: [Электронный ресурс]. URL: http://exlibris.ng.ru/ fakty/2007-10-25/2_critic.html (дата обращения: 7.06.2009).

Формы бытования литературной критики на рубеже XX – XXI веков

Исследуемый нами период (с 1992-го по 2002-й годы) войдет в историю развития отечественной литературной критики как время появления новых форм ее бытования. Факт сосуществования толстожурнальной, газетной, телевизионной, сетевой критики корректирует некоторые сложившиеся представления о структуре этого явления. По высказыванию Г. Морева, «если в традиционной русской литературной критике размежевание всегда проходило по идеологическому принципу, то для последнего десятилетия характерна другая “линия разрыва”. Размежевание стало проходить по формату. Понятие “формат”, часто применяемое по отношению и к телевидению, и к радио, вполне применимо и к литературной критике»[152]. Понятие «формат» для нас не является синонимичным «форме» бытования критики. Под форматом будем понимать границы способа бытования/представления информации, образующие контекст, в котором наряду с критикой присутствуют другие проявления культуры. Формат понимается нами как смыслообразующая, структурообразующая и коммуникативнообразующая детерминанта. Форма бытования – варианты презентации литературно-критического суждения, диктуемые, в том числе, форматом.

Явление «разноформатности» как условия бытования современной литературной критики остается на сегодняшний день малоизученным[153]. Особенности новых форм осмысливаются, как правило, без соотнесения с другими, в то время как этот аспект исследования современной критики наиболее продуктивен: специфика каждой из форм определяется в немалой степени фактом взаимовлияния, кроме того, формат является смыслообразующим, структурообразующим и коммуникативнообразующим фактором для современной критики. Высказывание А. Василевского: «сегодня критик работает для конкретного издания, он мысленно видит свой будущий текст на какой-то конкретной газетной или журнальной полосе»[154] можно распространить на все существующие сегодня формы бытования критики. Не претендуя на тщательный анализ форм бытования литературной критики, опишем существующие форматы, обращая внимание на их соотнесенность/влияние с интересующим нас объектом – толстожурнальной критикой.

Газетная критика – форма бытования критики, появившаяся в XIX веке. В газетах «Биржевые ведомости», «Русское слово», «Одесские новости», «Свобода и жизнь», «Русская правда», «Новости дня» и др. публиковались критические статьи, фельетоны, литературные портреты А. А. Измайлова, К. И. Чуковского, Н. Я. Абрамовича. Уже в это время у писателей, журнальных критиков сложилось скорее негативное отношение к газетной, особенно фельетонной критике, звучали обвинения в беспочвенности, отсутствии глубоких эстетических и общественных убеждений, и уже в это время она пользовалась успехом у читателя. Таким образом, неверно утверждение о том, что в 1990-е годы критика «осваивает» новый формат. Корректнее говорить о возрождении традиции газетной критики либо об освоении критикой современного газетного формата в начале 1990-х годов.

---

[152] Ответственность и ответность литературной критики: материалы круглого стола: [Электронный ресурс] // URL: http:// lecture.imhonet.ru/element/1005065/ (дата обращения: 16.04.2009).

[153] Нежурнальным формам бытования литературной критики посвящены следующие работы: Сергунина Н. А. Литературная **критика** в рулинете как звено коммуникативной системы: автор-текст-аудитория. Теория вопроса: дис. … канд. филол. наук. М., 2006; Чиненова О. С. История телекритики в России на фоне истории русской литературной критики: дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2006.

[154] Василевский А. Критик не может писать в стол: [Электронный ресурс] // http:// exlibris.ng.ru/ fakty/2007-10-25/2_critic.html (дата обращения: 12.09.2009).

С 1993 года существует обозревательская колонка Е. Деготь в «Коммерсанте», до 1996 года просуществовал отдел «Искусство» газеты «Сегодня» под руководством Б. Кузьминского, в котором о художественной жизни писали А. Ковалев, В. Курицын, Е. Петровская, В. Сальников и другие критики. В «Независимую газету» были приглашены литературные критики Б. Кузьминский и А. Немзер. Последний публикует свои обзоры в газете «Время новостей». В начале 1990-х годов газетная критика существует как динамично развивающаяся форма бытования литературной критики, по принципу дополнительности. Она появляется на волне идеи создания интеллектуальных газетных полос/колонок, в которых работали бы индивидуальности. Концепция «культурной» газеты принадлежала А. Тимофеевскому. По его мнению, во влиятельной газете должен быть качественный отдел культуры, который существовал бы независимо от того, понятен ли он инвестору и профильному читателю. Здесь должны были работать профессионалы[155]. По словам Г. Морева, эта идея просуществовала до кризиса 1998 года. «Последним ее оплотом был “Русский телеграф”, потом он был закрыт, а другие издания со значимыми отделами культуры, такие как “Коммерсантъ”, реструктурированы. Попытки реанимировать эту модель масс-медиа, как мы видим на примере газеты “Консерватор”, проваливаются с треском и скандалом»[156].

К концу 1990-х годов статус, качество «культурных» полос падает. Профессиональные критики уходят, а на их место приходит молодое поколение: П. Басинский, М. Визель, А. Гаррос, Н. Курчатова, В. Нестеров, К. Решетников, Г. Юзефович, на время литературно-критическим авторитетом становится Д. Галковский. Начинается следующий этап развития газетной критики. Если на первом она была жанрово, содержательно, стилистически близка толстожурнальной, то на втором ассимилируется в общем газетном, масс-медиа контексте.

Общим местом сегодня стало противопоставление газетной и журнальной критики по принципу глубины/поверхностности. На наш взгляд, эта оппозиция является следствием следующей познавательной установки: газетный критик представляет не текст, а событие. Восприятие и подача литературного факта как события перенастраивает описанную нами модель литературно-критической деятельности. Событие недолговечно, актуально «здесь и сейчас», заменяемо, не сопрягается с другими «литературными событиями», а следовательно, не требует представления о целостной картине литературного развития. Журнальная критика, напротив, вычленяет сопряжения, осмысливает событие в рамках той или иной тенденции, рассматривает явление в широких значимых контекстах. Газетный и журнальный формат в этом смысле имеют разную темпоральность. Журнальная критика представляет явление, тенденцию статически, приближает для более детального рассмотрения, событие как объект внимания газетной критики вне динамики не существует. Отсюда разная степень обязательности глубины познания, требуемая газетным/журнальным форматом. Неслучайно обращение газетной критики к событиям окололитературного быта, сиюминутность которых совпадает с «требованием» формата. Восприятие литературного факта как события влияет на степень выраженности и глубины самоинтерпретации, вычитывания в нем актуальных экзистенциальных смыслов – высокую в журнальной критике и неактуальную, но возможную в газетной. Газетный формат обусловливает статус критика – недоступный читателю статус участника тусовки[157], чей

---

[155] Н. Иванова в статье «Между…» пишет: «Вспоминается первый период жизнедеятельности “Независимой”. К радости окружающих (нормальных) критиков всех поколений – открытость, “гамбургский” счет, изящество рубрик, неподдельная образованность, культурологическая игра, отсутствие пафоса. Элегантный, остроумный стиль: именно он и делал музыку заметок Бориса Кузьминского, парадоксов Владимира Новикова и обзоров Андрея Немзера, рецензий Константина Поливанова» (см.: Иванова Н. Между. О месте критики в прессе и литературе: [Электронный ресурс] // Новый мир. 1996. № 1. URL: http://magazines.russ.ru/ novyi_mi/1996/1/ivanova.html (дата обращения: 5.08.2009)).

[156] Ответственность и ответность литературной критики: материалы круглого стола: [Электронный ресурс] // URL: http://lecture.imhonet.ru/element/1005065/ (дата обращения: 16.04.2009).

[157] О сути и значимости «тусовки» см. статьи Н. Ивановой «Сладкая парочка» (Знамя. 1994. № 5), «Между…» (Новый мир. 1996. № 1), С.Чупринина «Элегия» (Знамя. 1994. № 6), С. Костырко «О критике вчерашней и “сегодняшней”…» (Новый

авторитет держится на значимой позиции приближенного. Появление литературного рынка, процесс коммерциализации делают актуальными понятия моды, рекламы. Газетная критика начинает функционировать в соответствии с этим требованием. Появляются критик-рекламист, «критический кутюрье» (Н. Иванова). Журнальный формат, напротив, требует значимости статуса аналитика, знатока-профессионала, способного отстраниться от окололитературного быта. Отсюда и разное представление о функции литературно-критической деятельности (в рамках сегмента критик – читатель), диктуемое форматами: для газетной критики – информирование, реклама, для журнальной – анализ, формирование того или иного представления о литературной действительности. Для газетного критика читатель – лицо вне тусовки, любопытствующее, для журнального критика – лицо заинтересованное, возможный соисследователь. Газетная критика, ориентируясь на широкую читательскую аудиторию, не настроена на диалог, полемику. Она представлена изданиями, обращенными к разным типам адресата. «Литературная газета», не имеющая своего критического раздела, но публикующая критику в разделе «Литература», еженедельник «Книжное обозрение», публикующий в каждом номере множество мини-рецензий и большие статьи, «Литературная Россия» ориентированы на заинтересованного читателя, имеющего разную степень осведомленности о современном литературном процессе. Адресат литературной критики газет «Коммерсантъ», «Независимая газета», «Сегодня» и др. – любой потенциальный читатель, читатель первой – элитарный. По мнению С. Костырко, газетная критика пробует себя в новой роли, представительствует от адресата[158]. Продолжает его мысль Н. Иванова в статье «Между…»[159], замечая, что для критиков старого поколения (Л. Аннинского, И. Золотусско-го и др.) было бы трагедией писать, не рассчитывая на «отдаленного» читателя, адресуясь друг к другу. Для новой критики это не трагедия, а норма, эта критика принципиально не рассчитана на адресата, обретающегося за пределами литературного истеблишмента.

Трансформации в модели литературно-критической деятельности объясняют распространение в газетной критике жанра «репортажа», стилистическое приближение колонок «Новости культуры» и «Происшествия».

Н. Сергунина, исследуя особенности российской литературно-художественной критики постсоветского периода[160], выделяет следующие черты газетной критики: газетная критика не работает над «отбором» литературного материала для своих суждений, не имеет «постоянно опекаемых литературных объектов»; она оперативна; для нее характерно снижение уровня глубины освоения литературного материала, ответственности, депрофессионализация; газетная критика не вписывает отдельные литературные явления в общий процесс литературной и духовной жизни; предоставляет большую самостоятельность при оценке художественного текста читателю; эпатаж и провокация являются основным методом работы. Н. Иванова, И. Роднянская формулируют скрепляющую идею газетной критики – идею корпоративности. Так, И. Роднянская считает, что идея корпоративного долга и корпоративной этики занимает особое место в системе ценностей А. Немзера[161].

Отдельной формой бытования критики, неизученной на сегодняшний день, являются сборники литературно-критических статей. Н. Иванова публикует сборники «Освобождение от страха» (1990), «Ностальящее. Собрание наблюдений» (2002), «Невеста Букера: критиче-

---

мир. 1996. № 7).

[158] Костырко С. О критике вчерашней и «сегодняшней». По следам одной дискуссии: [Электронный ресурс] // Новый мир. 1996. № 7. URL: http://magazines.russ/novyi_ mi/ 1996/7/litkri1.html (дата обращения: 21.05.2010).

[159] Иванова Н. Между: [Электронный ресурс] // Новый мир. 1996. № 1. URL: http:// magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/1/ivanova.html (дата обращения: 5.08.2009).

[160] Сергунина Н. А. Черты российской литературно-художественной критики постсоветского периода // Коммуникация в современном мире: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж, 2005. С. 38 – 41.

[161] Роднянская И. Критики о критике: [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. 1996. № 6. URL: http:// magazines.russ.ru/voplit/1996/6.html (дата обращения: 26.04.2009).

ский уровень 2003\2004» (2005), Р. Арбитман издает «Участь Кассандры» (1993), И. Роднянская – «Литературное семилетие. 1987-1994» (1995), В. Новиков – «Заскок» (1997), В. Курицын – «Журналистика 1993-1997» (1998), А. Архангельский – «Политкоррекция. Статьи для газеты "Известия" 1998-2001» (2001). С 2003-го года А. Немзер публикует свои ежегодные «Дневники читателя», ему же принадлежат сборники «Литературное сегодня. О русской прозе 90-х» (1998), «Замечательное десятилетие русской литературы» (2003). Д. Быков – автор сборника «Блуд труда» (2002), Н. Елисеев – «Предостережения пишущим» (2002). В них собраны наиболее значимые тексты, объединенные по проблемному, жанровому, хронологическому принципу.

На вопрос «Имеет ли смысл для литературного критика выпускать сборники своих статей?» в беседе с М. Бойко А. Василевский отвечает: «Я думаю, это важно, потому что публикация в периодическом издании очень быстро забывается и уходит в прошлое. Непрерывно выходят все новые номера газет и журналов, и все, что человек годами писал, распыляется в пространстве и времени. Получается, что только в его, критика, голове остается целостная картина проделанной им работы. Для активно пишущего критика очень важно периодически собирать свои рассеянные тексты. Это, кстати, хорошая проверка – ситуативный ли он критик или в его статьях и суждениях присутствует некая целостность, "длинная мысль"»[162]. Исследовательский интерес, на наш взгляд, представляет вопрос критериев отбора, скреп критического материала в рамках сборника, идей-скреп, «длинной мысли», представления об актуальном. Особый интерес представляют несобственно литературно-критические тексты (интервью, объяснительные записки), включаемые в сборники. В них обнаруживается саморефлексия критиков: попытки самоидентификации, определения сути критического метода, ценностных ориентиров.

Феномен телевизионной критики возник в России на рубеже 1950-х – 1960-х годов. О. Чиненова в диссертации «История телекритики в России на фоне истории русской литературной критики» приходит к выводу о том, что телевизионная критика осознанно или невольно отражает многие из особенностей литературной критики. Их взаимодействие исследователь определяет как «соотношение объекта и большого исторически конкретного фона, на котором специфика объекта проступает наиболее явственно»[163]. Телевизионный формат собственно литературной критики О. Чиненовой не рассматривается.

Телевизионная литературная критика не является центральным проектом на отечественном телевидении. В постперестроечные годы программы, ориентирующиеся на нее, были единичными. Так, программа «Пресс-Клуб» включала выпуски, посвященные критическому разбору актуальных литературных публикаций. Сегодня канал «Культура» – единственный, включающий несколько литературно-критических программ. «Разночтения» Н. Александрова – программа, целью которой является подводить итоги книжной недели, анализировать тенденции современного литературного процесса. В студию приглашаются компетентные эксперты, среди которых – известные писатели, литературные критики, издатели. «Порядок слов» – ежедневные пятиминутные книжные новости, подающиеся в антураже литературного кафе (ведущий Н. Александров представляет книги как меню сегодняшнего дня). Литературно-критическое направление имеют передачи «Графоман» А. Шаталова, отдельные выпуски программы «Апокриф» В. Ерофеева.

Телевизионный формат диктует особые требования к литературно-критическому тексту. Существующий только в вербальном виде, он ориентирован на слуховое восприятие, а следовательно, требует активного использования фонетических, зрительных средств, часто созда-

---

[162] Из беседы М. Бойко с А. Василевским «Критик не может писать в стол»: [Электронный ресурс] // URL: http://exlibris.ng.ru/fakty/2007-10-25/2_critic.html (дата обращения: 1.04.2009).

[163] Чиненова О. С. История телекритики в России на фоне истории русской литературной критики: дис. …канд. филол. наук. Саратов, 2006. С. 3.

ется «здесь и сейчас». Для телевизионного литературного критика особенно важно поддержать внимание реципиента (формат ТВ предполагает трансформацию реципиента как компонента критической деятельности в зрителя), отсюда большее внимание к риторическим приемам при создании критического текста.

Еще одной формой бытования критики является ее сетевой вариант. Влияние Интернета на «бумажную» литературу в 1990-е годы возросло до такой степени, что возникло суждение о том, что бумажная критика сдает свои позиции сетевой (имелся в виду факт создания многими бумажными изданиями в Сети своих филиалов, электронных версий). А. Немзер открывает персональную страницу «Немзересски» (www.ruthenia.ru/nemzer), размещая на ней свои газетные публикации (копирайты из газеты «Время новостей»). Такую критику нельзя в полном смысле слова назвать сетевой, корректнее наименование «электронная версия», поскольку смена формата (канала передачи) в данном случае не влияет на сам текст.

Собственно сетевая литературная критика появляется в электронном журнале «Самиздат» (http://zhurnal.lib.ru). Здесь публикует свои критические заметки Тугодум Безграмотный[164]. На странице «Живого журнала» редактора издательства «Эксмо» А. Грызуновой появляются не только анонсы новейших произведений, но и отклики первых читателей. Отдел критики есть в сетевом «Русском журнале» (www.russ.ru), здесь публикуются В. Курицын, А. Агеев, С. Костырко, И. Булкина, Д. Бавильский, О. Дарк, П. Павлов, М. Эдельштейн – критики, обретшие известность на страницах бумажных изданий. Критика на сайте «Вавилон» (www.vavilon.ru) размещается 3-4 раза в месяц. Критическим отделом снабжен журнал А. Степанова и Д. Голынко-Вольфсона «Литературная промзона» (www.litpromzona. narod.ru). Здесь в отделе «Рефлексии» собраны критические статьи и эссе М. Берга, С. Завьялова, В. Шубинского, А. Скидана, Д. Голынко. В литературно-философском интернет-журнале «Топос» (www.topos. ru) имеется отдел критики с регулярным обновлением. Здесь работает Д. Бавильский, Маруся Климова со своей рубрикой «Моя история русской литературы». В литературном журнале «Русский переплет» (www.pereplet.ru) критика появляется в разделе «Критика и рецензии». Распространены в Интернете гостевые книги и форумы, принять участие в которых могут как профессиональные читатели, так и непрофессионалы. Как правило, суждения здесь анонимны, непочтительны, часто грубы, субъективно-бездоказательны, экспрессивны. Е. Ермолин называет их своего рода «электронным граффити»[165].

Сетевая литературная критика функционирует в огромном поле «реактивной» коммуникации, порождающей реплики-высказывания. Здесь нет временного промежутка между высказыванием и его тиражированием.

Н. А. Сергунина в работе «Литературная критика в рулинете как звено коммуникативной системы: автор – текст – аудитория»[166] формулирует основные различия между сетевой и традиционной литературной критикой. Признаками сетевой становятся: непосредственное оперативное влияние критики на творчество и автора художественного произведения[167]; трансформация читателя в конкретного, взаимодействующего в той же коммуникационной системе

---

[164] Автор предваряет свои тексты следующим обращением, характерным для сетевой критики как таковой: «Внимание, ЭТО НЕ ПРОФОБЗОР! Нормальной критики тут не будет. Критики тут вообще не будет. Просто мысли, что возникли по прочтении или во время оного. Учтите, что думаю я мало…» (URL: http://zhurnal.lib.ru/s/ shkola_kritiki_2/avtorkritiku.shtml (дата обращения: 3.06.2010)).

[165] Ермолин Е. Критик в Сети: [Электронный ресурс] // Знамя. 2003. № 3. URL: http:// magazines.russ.ru/znamia/2003/3/ (дата обращения: 3.06.2010).

[166] Сергунина Н. А. Литературная критика в рулинете как звено коммуникативной системы: автор – текст – аудитория: дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2006.

[167] Показательна история создания С. Лукьяненко в 2003 – 2005 гг. произведений «Черновик», «Лабиринт отражений» в режиме он-лайн. Практически ежедневно автор выкладывал на своем сайте новые части книг, получал читательские отклики, критические оценки, рекомендации и корректировал дальнейший процесс создания художественного текста.

пользователя[168]; наличие живого диалога критика, автора и читателя, часто деперсонифицированных[169]; уплотнение времени и пространства (любой текст может появиться в Сети в момент своего создания). Отсутствие регламентирования творчества критика (со стороны редакции, корпоративно-профессиональной цензуры или самоцензуры. Отсутствие регламента в объеме, стиле и форме. Доступность интернет-публикации пользователю в любом уголке земного шара, освобождение от жестких рамок формы); высказывание как реплика из разговора, деперсонификация высказывания; речь, близкая к разговорной; большое количество непрофессионалов в критике (серьезность и аргументированность в литературной критике до-сетевого периода меняются на ироничность и легкость повествования в Интернетовских ее аналогах).

Н. Иванова отдельной формой бытования критики называет критику филологическую, «которая возникает вместе с новыми периодическими изданиями, основанными на фундаменте строгой филологии, – “Новое литературное обозрение”, издававшиеся некоторое время “Новая русская книга”, “Критическая масса”»[170].

Литературная критика «толстых» журналов осмысливает факт появления новых форм бытования критики. Это осмысление напрямую сопряжено с процессом самоидентификации[171]. Самоутверждение «от противного», «в сравнении» с газетной/сетевой критикой объединяет критику «Нового мира», «Знамени», «Октября» и других журналов.

С большой долей аналитизма явление газетной критики исследует Н. Иванова в статье «Между…»[172]. Выбирая тактику разоблачения, она девальвирует тот символический капитал новой газетной критики, который стал ее главным прагматическим оружием. Так, провозглашение неангажированности, по наблюдению критика, превратилось в отстрел «чужих» (критерий – поколенческий), тем самым став «декорацией». Газетная критика, по словам Н. Ивановой, – критика идеологическая (антилиберальная). Независимость на деле оказалась ориентацией на цех, свою референтную группу. «Бескорыстный литературно-критический интерес к тексту исчез – его заменил интерес совсем иного рода. Литературную жизнь сменил низкий литературный быт, литературное произведение утратило свою значительность на фоне болезненного интереса к частной жизни и стратегии поведения той или иной персоны; литературная репутация не волновала так, как волновал “имидж”»[173]. На фоне этого разоблачения толстожурнальная критика обретает преимущество. По замечанию критика, толстые журналы

---

[168] Пользователь – зачастую непрофессиональный и предельно субъективный оценщик художественных произведений. Вот довольно показательный в этом отношении пример. Любой посетитель «Национального сервера современной поэзии» легко может стать критиком. Для этого нужно всего лишь зарегистрироваться, а потом – нажать на ссылку «Отправить рецензию», стоящую под каждым опубликованным текстом. В Сети нет редактора, который бы корректировал позицию Пользователя с идейной или какой-либо другой точки зрения. Нет лидера, который объединял бы под своим началом близких по литературным взглядам людей. Есть только множество высказывающихся людей, над которыми не довлеет главенство чьего-либо авторитета.

[169] С. Корнев отмечает, что Автор как способ организации и дистрибуции текстов выходит в Сети на видное место. Он действует в двух ипостасях: как личность (представляя и необходимым способом организуя свои тексты) и как внутренний голос своего текста. В Интернете человеческая личность в ее классических очертаниях выпадает из поля зрения пользователя. «Конкретный текст не существует отдельно от автора, Автор – это одна из однозначных черт и функций текста. Он более прямолинеен в своих комментариях и пытается сделать свой текст максимально доступным… Но закончив свое дело, он должен удалиться и больше не маячить перед глазами. В идеале, закончив текст, автор должен исчезнуть раз и навсегда» (см.: Корнев С. «Сетевая литература» и завершение постмодерна. Интернет как место обитания литературы // Новое литературное обозрение. 1998. № 32 (4). С. 30).

[170] Иванова Н. История последней «оттепели». Часть первая: [Электронный ресурс]. URL: http://www.liberty.ru/Themes/Istoriya-poslednej-ottepeli-.-CHast-pervaya (дата обращения: 6.06.2010)

[171] Показательно признание Н. Ивановой в статье, посвященной осмыслению газетной критики: «Заранее принимаю все упреки, ибо отношусь к данным заметкам как к попытке самоопределения, права на которое критика отстаивает издавна» (см.: Иванова Н. Между. О месте критики в прессе и литературе: [Электронный ресурс] // Новый мир. 1996. № 1 . URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/1/ ivanova.html (дата обращения: 5.08.2009)).

[172] Там же.

[173] Иванова Н. Между. О месте критики в прессе и литературе: [Электронный ресурс] // Новый мир. 1996. № 1 . URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/1/ivanova. html (дата обращения: 5.08.2009).

оказываются менее догматичными, чем новая литературно-критическая пресса, менее ангажированными, менее идеологизированными.

Фрагмент своей статьи «О критике вчерашней и “сегодняшней”…»[174] С. Костырко создает также с использованием тактики разоблачения. Изначально провозглашенная максимальная открытость, демократичность критического текста, неделимость читателей на равных себе собеседников и на «обычных», «рядовых», уважение умственных и культурных возможностей читателя в ситуации абсолютной свободы трансформировались, по мнению С. Костырко, в газете «Сегодня» в особый прихотливый стиль интеллектуальной игры, категоричность, оборачиваются противоположностью – недемократичностью и «почти тусовочной закрытостью иных текстов».

Самоидентификация «от противного» образует пафос критического суждения И. Роднянской в статье «Герменевтика, экспертиза, дегустация, санэпиднадзор»[175]. Газетная критика, по мнению автора, – это критика беспредпосылочная, «товарная» и неприемлемая. Наличие/отсутствие обобщающей эстетической идеи является для И. Роднянской главнейшим критерием оправданности существования критики. Газетная такому критерию, в отличие от толстожурнальной, не соответствует. О. Славникова, создавая образ идеального критика (Ивана Петровича Гиневального), отталкивается от типичных негативных черт газетного критика[176]. Е. Орлова в статье «В раю животных»[177] заявляет о своем неприятии стилистики газетной критики, главной чертой которой, по мнению критика, становится стеб, соединение блатного жаргона со словарем шоу-бизнеса, нетерпимость к полемике.

В большинстве случаев критика «толстых» журналов позиционирует себя как антигазетная, педалируя аналитизм и объективность. В то же время толстожурнальная критика ощущает влияние газетной[178], осмысливает факт этого влияния. На смену резкому отвержению газетной критики в толстожурнальную критику приходит необходимость осмысления этого влияния.

Так, Н. Иванова («Между…») замечает участившиеся в толсто-журнальной критике факты «задирания оппонента и даже (поклон участникам забега «НГ») перехода на личности»; неслучайность появления в толстых журналах жанра «светской» литературной хроники, имея в виду описание А. Марченко («Новый мир», 1995, № 6) новогодней «шикарной тусовки» по «раздаче премиальных пряников», устроенной журналом «Знамя», публикацию в «Звезде» иронических картинок московских «тусовок». По мнению Н. Ивановой, критика «тонких» изданий сыграла положительную роль раздражителя, расширив жанровый репертуар критических разделов «толстяков», сформировав новый ориентир – увлекательность.

Отрицательное воздействие газетной критики на толстожурнальную фиксирует И. Роднянская: «<…> я берусь предсказать, что она [газетная критика – Ю. Г.] не останется в функциональных рамках “прикладничества” – что, сколь ни консервативны толстые журналы, лет через пять (а может, и раньше) она распространится и на них. Не стану скрывать, что расцениваю это как один из множества признаков культурного упадка»[179]. Критик имеет в виду негативную тенденцию редукции обобщающей эстетической идеи у критика.

---

[174] Новый мир. 1996. № 7.

[175] Там же.

[176] «Чем Петрович не занимается никогда, так это литературным PR-ом, тем более “ черной ” его разновидностью; гнев Гиневального часто бывает направлен на тех собратьев по цеху, что, как удачливая советская столовка, всегда закрыты на спецобслуживание определенных, процентов так на восемьдесят придуманных и тем самым собирательных персон, – либо на поминки по русской литературе» (см.: Славникова О. Критик моей мечты: [Электронный ресурс] // Октябрь. 2000. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/october/2000/6/slavn.html (дата обращения: 6.06.2010)).

[177] Октябрь. 1994. № 12. С. 181.

[178] Так, например, в «Знамени», «Новом мире», «Октябре» в 1990-е годы появляются новые, более мобильные рубрики («По ходу дела» А. Марченко и П. Басинского в «Новом мире», «Литературный пейзаж» в «Знамени»).

[179] Роднянская И. Герменевтика, экспертиза, дегустация, санэпиднадзор: [Электронный ресурс] // Новый мир. 1996. № 7. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/7/ litkri2.html (дата обращения: 6.06.2010).

Не расставляя оценочных акцентов, Б. Дубин влияние газетной критики, масс-медиа вообще видит в превращении журналов в «некий набор сценических площадок», предоставляющих свою «сцену» разным критикам, захватывая максимально большую аудиторию.

Все новые формы бытования литературной критики в 1990-е годы возникли «вопреки» бумажной, толстожурнальной. Их связь с критикой «толстяков» может быть исследована генетически или по принципу оппозиции, в то время как критика толстых журналов ощущает на себе влияние других форм постоянно, осмысливает это влияние. Несмотря на обвинения в «неповоротливости», отставании, критика толстых журналов открыта для проникновения успешных стратегий, привлекающих внимание читателя.

«Толстый» журнал как форма бытования литературной критики не раз становился объектом дискуссий. Еще в XIX веке, во время зарождения газетной критики, появляются первые оценки «толстожурнального» формата как неповоротливого, отстающего от времени. Эти же характеристики звучат в конце XX века. Так, Е. Подбельский в статье «Сумерки жанра? Современная критика: “за” и “против”» пишет: «”Толстожурнальные” академики так и остались толстокоже неповоротливыми: они изрекают, а их не слышат, да и не слушают»[180]. По высказыванию Н. А. Сергуниной, «толстожурнальная» критика «продолжает наливать новое вино в старые меха – оценивать произведения в соответствии с потерявшей сегодня актуальность системой художественных ценностей. Именно поэтому с начала до середины 1990-х годов в российской литературной критике не появляется ни одного нового серьезного имени»[181].

Другим обвинением в адрес «толстых» журналов стало отсутствие четкой идеологической и эстетической платформы. Так, при обсуждении литературной ситуации 1994 года в журнале «Знамя» прозвучало резкое суждение редактора журнала «Книжный шкаф» Ю. Кувалдина: «Журналы в том виде, в каком они существовали в “совке”, умерли. То, что еще выходят “Новый мир”, “Знамя”, “Октябрь” и другие, – недоразумение, еще не осознанное коллективами этих изданий. Толстые журналы не мобильны, рукописи прочитываются долго, толстые забюрократизированы, апатичны, надменны. В свое время они олицетворяли свободомыслие, теперь из одной совковой крайности – производственно-партийно-социальной – ударились в другую – в авангард, постмодернизм»[182].

По мнению редакторов новых журналов, участвовавших в обсуждении, «толстяки» работают на увеличение читательской аудитории, выживают. Показательно, что при обосновании собственной платформы редакторы новых журналов и издательств действуют «от противного», вопреки «толстожурнальной» традиции. Так, например, редактор «Соло» А. Михайлов заявляет о том, что его журнал «принципиально публикует дебютантов. Здесь появляются те, кого в данный момент ни за что не напечатают “толстые” журналы»[183]. «Вестник новой литературы», по мнению его редактора М. Ю. Берга, в отличие от «толстяков», «ориентируется на своего (достаточно узкого) читателя. <…> Толстые публикуют “литературу для всех”, “литературу на любой вкус”, своеобразный универсальный магазин»[184].

Защитники «толстожурнального» формата его немобильность обращают в достоинство, в возможность обстоятельного критического освоения литературных явлений, глубокого прочтения художественных текстов. Так, С. Чупринин в статье «Перечень примет» следующим образом формулирует функции литературной критики «толстых» журналов: «быть законода-

---

[180] Подбельский Е. Сумерки жанра? Современная критика: «за» и «против»: [Электронный ресурс]. URL: http://www.sibogni.ru/archive/29/327 (дата обращения: 6.06.2010).

[181] Сергунина Н. А. Литературная **критика** в рулинете… С. 52.

[182] К литературной ситуации 1994 года // Знамя. 1995. № 1. С. 181.

[183] Там же. С. 178.

[184] К литературной ситуации 1994 года // Знамя. 1995. № 1. С. 175 – 176.

телями литературного вкуса <…> высокой литературной моды <…> прочных авторских репутаций <…> держать марку»[185].

В отечественном литературоведении выработаны следующие подходы к исследованию «толстого» журнала: журналистский (изучающий связь идеологии журнала с общественной борьбой его времени, отражение в издании событий эпохи), культурологический (предполагающий исследование журнала в аспекте проблемы «журнал и самосознание нации»), литературоведческий (осуществляющий соотнесение журнальной периодики с литературным процессом). Т. Снигирева и А. Подчиненов обосновывают возможность изучения «толстого» журнала как текста и сверхтекста, обладающего самодостаточностью и формально-содержательной целостностью[186].

В настоящем исследовании на материале «толстожурнальной» критики обнаруживаются гносеологические условия, обусловливающие особенности литературной критики того или иного «толстого» журнала. Аксиома, определяющая возможность существования литературной критики лишь в борьбе, несмотря на свою неочевидность сегодня (сами критики констатируют спад дискуссий, споров, полемик, снижение их качества), продолжает действовать. Идет скрытое противостояние, которое проявляется в разнонаправленности гносеологических усилий. «Толстый» журнал, на наш взгляд, и сегодня обладает имплицитным механизмом давления, гносеологически ориентирует критика.

[185] Чупринин С. Перечень примет // Знамя. 1995. № 1. С. 192 – 193.

[186] Снигирева Т. А. «Толстый» журнал в России как текст и сверхтекст // Известия Уральского государственного университета. 1999. № 13. С. 5 – 13.

Литературная критика «либеральных» журналов: объектное поле, интерпретационные стратегии, ценностные ориентиры

Метакритика конца XX – начала XXI веков: поиск идентичности и стратегии самоинтерпретации

Саморефлексия литературной критики – явление, берущее свое начало с момента возникновения критики. Однако не во все времена необходимость в саморефлексии осознавалась критикой как насущная. 1990-е годы – период, когда появление метакритики явилось результатом осознанной необходимости[187]. Значимыми факторами для построения ее типологии являются осознание критикой необходимости саморефлексии в данной культурной ситуации; оценка данной ситуации и ее коммуникативного комплекса как кризисных; самоутверждение/самопрезентирование своей роли/функции; осмысление роли/статуса литературы; апелляция критики к норме, ценностным ориентирам, оценка тех или иных проявлений современной критики как жизнеспособных или бесперспективных.

Анализ содержательного плана метакритических текстов, опубликованных в журналах «Знамя» «Новый мир», «Октябрь» в 1990-е годы, позволил выделить определенную динамику: критическая мысль движется от явной «разоблачительной» тенденции, от негативной самоидентификации (от противного), отказа от прежней модели критики и критической деятельности к попыткам корректировки системы критических оценок, конструирования новых принципов интерпретации текстов, анализа обстоятельств и специфики функционирования критики, причин кризиса.

Негативная идентификация проявляется в «разоблачительной» интерпретационной стратегии. В период с 1992 по 1994 год в «Новом мире» и «Знамени» публикуются статьи, в которых объектом «разоблачения» становятся императивная критика[188]; литературный быт, на который перенастроила свою стратегию молодая критика[189]; эгоцентризм/нарциссизм, стратегии успеха молодых критиков[190], их непрофессионализм[191]; нигилистические или охранительные взгляды современной критики[192]; старый литературно-критический инструментарий, непродуктивный для интерпретации современной литературной действительности[193].

---

[187] О необходимости саморефлексии пишет А. Немзер: «Вчерашняя (да и сегодняшняя) критика обречена на рефлексию, иногда скрытую, иногда явную, порой удачную, но чаще не слишком, временами раздражающую, но, бывает, и восхищающую… Привычный парадокс: критика, то есть дисциплина, толкующая культурные феномены, сама все больше нуждается в истолкованиях» (см.: Немзер А. Конец прекрасной эпохи. Заметки на полях книги о критике и критиках // Новый мир. 1991. № 5. С. 241). Свои заметки «Между…» Н. Иванова называет попыткой самоопределения (см.: Иванова Н. Между. О месте критики в прессе и литературе: [Электронный ресурс] // Новый мир. 1996. № 1. URL: http://magazines.russ.ru/ novyi_mi/1996/1/ivanova.html (дата обращения: 5.08.2009)).

[188] О. Дарк в статье «"Черная месса" императивной критики» (Знамя. 1992. № 8) соотносит императивы исследуемой критики с ее идеологической основой (в данном случае с Библией) и убеждает читателя в ложной трактовке императивной критикой библейского текста.

[189] Н. Иванова в статье «Сладкая парочка», анализируя главные и вынужденные стратегии поведения и письма (самопрезентации) в современной критике, объясняет причину трансформации литературной деятельности в литературный быт запретностью данной темы в прошлом (см.: Иванова Н. Сладкая парочка // Знамя. 1994. № 5. С. 186).

[190] С. Чупринин в статье «Элегия» (Знамя. 1994. № 6) исследует современную литературно-критическую ситуацию, ситуацию смены поколений, констатируя уход традиционных добродетелей профессиональной критики.

[191] Лазарев Л. Былое и небылицы. Полемические заметки // Знамя. 1994. № 10. С. 183 – 184, 191.

[192] В статье «Выхожу один я на дорогу…» А. Агеев одну из причин «угасания рефлексов читательской публики» видит в критике, которая «в соответствии со своими нигилистическими или охранными взглядами обращается к классике, видит

В начале 1990-х годов ценностное поле критики конструируется «от противного»: в качестве отрицаемых мыслятся ценностные ориентации либо советской идеологической критики, либо новой/ молодой, порожденной перестройкой. Статью «"Черная месса" императивной критики» О. Дарка можно рассматривать как «расследование» отклонения императивной критики от гуманистической и религиозной нормы. По контрасту с ней неявно формируется представление об иной системе нравственных координат, в центр которой вводится принцип ненасилия, понимаемого как недопустимость долженствования, идеологического ориентирования, утверждения единственно верной интерпретации, ограничения интерпретаторской свободы читателя, культа (литературы). А. Немзер в отклике на книгу С. Чупринина «Критика – это критики» утверждает норму, также действуя «от противного», от ситуации 1960 – 1970-х, когда авторитет/биография критика складывались по контрасту с серым фоном «халтурщиков», «писалась», в итоге ограничивала свободу. Нормальной автору видится ситуация нынешняя, в которой «ни Александр Агеев, ни Иванова, ни свердловчанин Марк Липовецкий, ни саратовец Владимир Потапов, ни харьковчанин Виктор Юхт, ни ленинградец Михаил Золотоносов не озабочены своими будущими портретами – их интересует словесность, культура, история <…> пока они свободны»[194]. С. Костырко в качестве нормы полагает такую ситуацию, в которой «читатель для восстановления нормальных отношений с литературой должен будет осознать, что литературе вовсе не нужно "отражать действительность" и пр., потому что она сама является частью этой жизни, а не комментарием к ней»[195].

В статьях, опубликованных в 1994 году, Л. Лазарев, Н. Иванова, С. Чупринин конструируют поле «нормы» в противовес ценностным ориентирам молодой критики (главным образом, газетной). В них складываются следующие ценностные оппозиции (первая часть оппозиции – ценностный ориентир «молодых», вторая – представляющих журнальную критику): демифологизация, нестереотипность мышления – историческая ответственность (Л. Лазарев); свобода самовыражения, вседозволенность (поведенческая, эстетическая) – свобода внутренняя (Н. Иванова, С. Чупринин).

Во второй половине 1990-х годов принцип противопоставления продолжает действовать. В газетной критике меняется состав критиков, уходят те ценностные принципы, которые были актуальны в начале 1990-х годов. Журнальная критика реагирует на эти трансформации, укрепляя свою ценностную иерархию. Значимые оппозиции в критике второй половины 1990-х годов: мнение группы – самостоятельность мышления (А. Немзер); неангажированность, независимость (мнимая, с точки зрения Н. Ивановой) – действительная свобода; частная жизнь, имидж – литературное произведение (Н.Иванова); увлекательность письма – монументальность, строгость (Н.Иванова); свобода – самодисциплина (С. Костырко).

Утверждение собственной ценностной иерархии (посредством оппозиции советской идеологической, молодой газетной критике) является еще одним моментом самоидентификации журнальной критики. Как показал анализ создаваемых в критике оппозиций, наиболее актуальной ценностью является свобода (от идеологии, стереотипной модели, предполагающей руководящую роль критики), но не переходящая в зрелищность, и ориентация на текст/ литературный процесс, предполагающая ценность аналитической деятельности (в противовес рекламной и саморекламной в газетной критике).

Доминирующая «разоблачительная» стратегия надстраивается над прагматико-аналитической, более всего соответствующей главной целеустановке толстожурнальной метакритики первой половины 1990-х годов – обозначить границы своей идентичности в полемике с офи-

---

только ее ценность, а к современной литературе относится более чем скептично при том, что она сегодня разнообразна и интересна» (см.: Агеев А. «Выхожу один я на дорогу…». С. 182).

[193] Костырко С. Чистое поле литературы // Новый мир. 1992. № 12. С. 251 – 252.

[194] Немзер А. Конец прекрасной эпохи. Заметки на полях книги о критике и критиках // Новый мир. 1991. № 5. С. 248.

[195] Костырко С. Чистое поле литературы. С. 253.

циозной и газетной критикой и присущими им моделями критической деятельности. Момент самоинтерпретации в рамках этой стратегии эксплицитно проявляется не только потому, что речь идет о текстах, ориентированных на саморефлексию, но и потому, что прагматико-аналитическая стратегия предполагает наибольшую степень выявленности субъекта, эмотивную аргументацию, я-центричное направление интерпретации.

Во второй половине 1990-х критическая мысль журналов «Новый мир» и «Знамя» меняет свое направление. Актуальной теперь становится не столько «постановка диагнозов», сколько «лечение», т.е. аналитическое исследование сложившихся на данный момент стратегий литературной критики[196].

Выявляемая динамика обнаруживает процесс сущностного и функционального переконструирования в критике 1990-х собственной модели[197]. В начале 1990-х критика отсекает (критически осмысливаются, разоблачаются, отвергаются) атрибутивные признаки модели советской критики, актуализируются вневременные, традиционно ценные, утверждаются обновленные. Самоидентификация в этот период имеет качество скорее «негативной», осуществляется «от противного». Как непродуктивные, ложные, нередко антигуманные критиками «Знамени», «Нового мира» оцениваются императивность критических суждений, статус руководящей («ведущей», «пророчествующей» и «всеведущей») роли критики, зависимость от идеологии, амплуа/биографии, наличие исторических корректив, шельмования в критических суждениях. В то же время в качестве традиционно значимых и вместе с тем утрачиваемых признаков называются объективность, историческая ответственность (Л. Лаза-рев), серьезность (в отличие от зрелищности и персонажности газетной критики – Н. Иванова), взвешенность, баланс объективности и субъективности (С. Чупринин).

Если «Новый мир» и «Знамя» публикуют метакритику в течение всего десятилетия, то ее актуальный период в журнале «Октябрь» приходится на вторую половину 1990-х – начало 2000-х годов. Лишь в статьях, написанных в 1995-м году, наблюдаются примеры в чистом виде негативной самоидентификации. При этом для критики «Октября» не характерно конструирование обновленной модели деятельности путем отвержения официальной советской. Резко критически оценивается «новая критика», преимущественно газетная (безапелляционная, несомневающаяся, ориентированная на технологии шоу-бизнеса[198]). Задаче выявить ее дефекты подчинены все метакритические суждения в этот период. В 2000-е годы в метакритике «Октября» продолжается поиск самоидентичности через критическое осмысление тех негативных проявлений в критике, которые были порождены современной социальной и литературной ситуацией. В то же время возникает и усиливается аналитизм, расширяется ракурс метакритического мышления: исследуются причины того или иного негативного проявления современной критики, возможные результаты (социального, литературного, психологического

---

[196] Так, А. Немзер уже в названии своей статьи, опубликованной в «Знамени» за 1996 год № 12, делает программное заявление – «история пишется завтра» и, по сути, обращается к проблеме адекватности отображения критикой современной литературной ситуации. Отсутствие единой системы критериев, терминов, подходов, современоцентризм, «крайняя степень собственной неосведомленности в том, что творится окрест» воспринимаются критиком как явления негативные («хворость») в исследовательском плане и естественные одновременно (см.: Немзер А. История пишется завтра // Знамя. 1996. № 12. С. 212). В условиях становящейся современности, по мнению А. Немзера, критику необходимо осмысливать и проговаривать основания выбора, критерии оценок. Газетная критика становится объектом внимания Н. Ивановой («Между. О месте критики в прессе и литературе»), С. Костырко («О критике вчерашней и «сегодняшней». По следам одной дискуссии»), И. Роднянской («Герменевтика, экспертиза, дегустация…»).

[197] Показательно в этом смысле высказывание С. Костырко: «Именно она [критика – Ю. Г.] приняла на себя первый удар изменяющихся отношений читателя с литературой, – критике приходится перестраиваться на ходу, ибо наработанные ею за десятилетия методы и навыки принципиально неприложимы к тому, что зовется литературой сегодня» (см.: Костырко С. Чистое поле литературы. С. 251 – 252).

[198] Иваницкая Е. Страстно поднятый перст или угрожающий палец? // Октябрь. 1995. № 11; Орлова Е. В раю животных // Октябрь. 1994. № 12.

порядка). Так, О. Славникова[199] исследует процесс сдвига литературной критики в сторону художественной литературы, оценивая как опасную тенденцию «придумывания» критикой произведений и их авторов. В то же время решение этой проблемы – часть более масштабной задачи критика: осмыслить особенности современной ситуации, рецепцию читателем литературного текста, ситуацию сдвига в представлениях критика о функции литературы. Б. Хазанов в статье «Критик. Критика. Литература» не ограничивается фиксацией дефектов современной критики: «Анализ сводится к оценке героев, их характеров, их поступков. Стилистика, поэтика, философия литературного творчества критика не интересуют, у него нет собственных взглядов на эти предметы; возможно, он вовсе не подозревает об их существовании. В искусстве его интересует message: высказывание, замаскированное под литературу, но не сама литература»[200]. Критик воспринимает их как повод для нового осмысления критики, составляющих ее деятельности, требований к ней. К. Анкудинов[201] исследует феномен критики в широком историко-литературном контексте, выходит в область социально-психологической проблематики в связи с осмыслением нового качества критического мышления. Л. Березовчук[202], обобщая отдельные наблюдения о литературно-критической ситуации, выходит в область обобщений и осмысливает взаимодействие критики и литературы как проблему властных отношений.

По мере того, как в метакритике «Октября» усиливается аналитическая тенденция, проявляется и другая – включение идеальной альтернативы, актуализация нормы.

Типологическая общность критических статей-саморефлексий начала 1990-х годов – конструирование обновленной модели литературно-критической деятельности. В самом общем виде она полностью укладывается в ту универсальную модель, которая была описана нами. Важно вычленить из критических текстов 1990-х годов моменты осмысления основных компонентов этой модели и связей между ними[203].

Критика – литературное явление. В 1990-е годы критикой либеральных изданий отвергается образ всезнающего, авторитетного критика. Сомнению подвергается объективность литературно-критической практики советского периода, система критериев оценки художественных текстов, методы интерпретации и оценки, представление об идеале/норме. Одновременно переосмысливается статус и функции литературы: литература «начинает понимать, что писатель не пророк, а маленький, ничтожный человек <…>. Традиционный русский кумир – литература. Ей приписывают способность преображать мир, творить его заново»[204].

Метакритика либеральных журналов конструирует обновленную модель литературного критика, формирующуюся в пространстве разных журналов, но типологически совпадающую. Идеальным качеством литературного критика, лежащим в основе модели, становится свобода/беспристрастность (не ориентированность на сложившиеся репутации, моду, неангажированность). Кроме того, «Знамя» утверждает обязательность ответственности суждений (С. Чупринин, Л. Лазарев), интерес к современной литературе (А. Агеев).

Освобождение от идеологического «представительства» корректирует не только тип отношения критика к литературному явлению как объекту, но и представление о задачах/функции критики. С. Костырко отмечает: задача критики – «анализ составных нынешнего литературного процесса <…> критик помогает максимально приблизиться к тому, что содер-

---

[199] Славникова О. Критик моей мечты: [Электронный ресурс] // Октябрь. 2000. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/october/2000/6/slavn.html (дата обращения: 6.06.2010).

[200] Хазанов Б. Критик. Критика. Литература: [Электронный ресурс] // Октябрь. 2001. № 1. URL: http//magazines.russ/october/2001/1/chazanov.html (дата обращения: 6.06.2010).

[201] Анкудинов К. Другие // Октябрь. 2002. № 11.

[202] Березовчук Л. Естественный отбор // Октябрь. 2000. № 10.

[203] Не рассматриваем те статьи, в которых осмысливается явление газетной критики. Для нее характерна, по выражению Н. Ивановой, своя «новая парадигма». Нас интересует только толстожурнальная критика как объект и субъект рефлексии.

[204] Дарк О. «Черная месса» императивной критики. С. 226, 228.

жит литература и только»[205]. По сути, критиком осознается неактуальность не только социальной роли критики, но и оценки художественной ценности как составляющей критической деятельности. В. Новиков высказывает похожее замечание: «Нашему брату критику придется отказаться от судейской мантии, от претензии на непогрешимость приговоров <…> Выход единственный: следовать своей версии новой литературы, своей отрефлексированной духовно-философской и общественной концепции, своему пониманию читательских запросов»[206]. В конце 1990-х – начале 2000-х годов эта модель дополняется новым требованием: ориентация на диалог с читателем (доступность, увлекательность, «пламенность»).

В целом, метакритика «Октября» в рассматриваемое десятилетие создает образ критика-медиатора, педагога. Близок ему образ критика-комментатора, читателя, конструируемый в «Новом мире». Идеальный критик «Знамени» – негативный вариант критика-идеолога, честный и свободный.

Критика – читатель. Обновление модели критики «захватывает» элементы ее структуры, отвечающие за процесс коммуникации. Отказ от императивности, позиции учителя и идеолога ведет к построению коммуникации на условиях равноправия. Это, в свою очередь, предусматривает пересмотр системы аргументации, в том числе оценочной, ориентацию на реципиента-со-исследователя. С. Костырко в статье «Чистое поле литературы» пишет: «<…> критик тогда выступает не руководящим для писателя лицом, а представителем этих дорастающих до литературы читателей и адресует свои суждения именно им»[207]. Интенсивность «перенастройки» коммуникативной пресуппозиции в литературной критике в 1990-е годы обусловлена не только процессом трансформации советской модели, но и ситуацией кризиса, потери читателя.

В начале 1990-х годов коммуникативная ситуация не так остро воспринимается как кризисная по сравнению с серединой 1990-х. Так, А. Немзер пишет: «Критику не читают <…> Все равно с критикой плохо. Ее не читают. Не покупают. Не издают. Не, не, не <…> Критика живет в атмосфере подозрения, смешанного с раздражением, – то ли терпимое зло, то ли непозволительная роскошь, то ли бессмысленная, незнамо кем навязанная словесности нагрузка»[208], не забывая здесь же напомнить читателю о типичности подобного рода сетований для истории русской критики вообще. Н. Иванова в статье «Сладкая парочка» без растерянности и пессимизма характеризует культурную ситуацию как время «перетряски литературной действительности», выдвижения категории быта, персонажности и зрелищности и в то же время свободы самовыражения. С. Чупринин говорит о потере критикой лидирующей роли и в то же время о притоке «свежих дарований в русло, которое в очередной раз поторопились объявить пересохшим»[209]. Повторяющаяся в статьях характеристика коммуникативной ситуации, в которой оказывается критика 1990-х, – свобода, воспринимаемая, с одной стороны, как желаемая норма для функционирования литературы и критики, с другой, как опасность появления неквалифицированной критики (Л. Лазарев).

Во второй половине 1990-х годов проблема сохранения читателя становится в метакритических статьях общим местом. Метакритика фиксирует дефект коммуникативной цепочки критик-читатель. Так, А. Немзер замечает: «Никто не хочет договариваться о терминах, уста-

---

[205] Костырко С. О критике вчерашней и «сегодняшней». По следам одной дискуссии: [Электронный ресурс] // Новый мир. 1996. № 7. URL: http://magazines.russ/novyi_ mi/1996/ 7/litkri1.html (дата обращения: 21.05.2010).

[206] Новиков В. От графомана слышу!: [Электронный ресурс] // Знамя. 1999. № 4. URL: http//magazines.russ/znamia/1999/4/nov.html (дата обращения: 21.05.2010).

[207] Костырко С. Чистое поле литературы. С. 253.

[208] Немзер А. Конец прекрасной эпохи. С. 241.

[209] Чупринин С. Элегия. С. 190.

навливать единую систему критериев, читать и описывать “свои” и “чужие” тексты в рамках более или менее единого подхода»[210].

Неслучайно от резко негативных оценок в адрес газетной критики мета-критика переходит к осмыслению причин ее распространения, коммуникативных средств, эффекта востребованности современным читателем. Отрефлексированным оказывается и процесс восприимчивости толстожурнальной критики к сложившейся в газетной критике коммуникативной модели. Так, Н. Иванова («Между…»[211]), говоря о влиянии газетной критики на журнальную, отмечает как результат этого влияния избавление журнальной критики от обязательности быть «серьезной», ее разукрупнение, повышение увлекательности, а следовательно, ориентированности на реципиента. С. Костырко пишет о естественности представительства критики от лица публики («Критик обращается к читателю как к себе, не делая различия, как один из читателей. Он уважает читателя, и он уважает Литературу»[212]).

Итак, модель литературной критики, отрефлексированная в статьях журналов «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», корректируется по мере осознания кризиса чтения. В первой половине 1990-х годов актуализированным в модели был компонент Критик, меняющий свой статус. Его доминирование объясняется актуальностью в 1990-е годы проблемы личной идентификации/самореализации, вхождением в литературный процесс нового поколения критиков. Во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов актуализируется образ реципиента и связка Критик – Читатель. Причина этого – социокультурная ситуация, в которой функционирует критика: сокращение читательской аудитории, потеря внимания к профессиональным, серьезным суждениям толстожурнальной критики.

Процесс самоутверждения критики в журналах «Знамя», «Новый мир», «Октябрь» в период 1992 – 2002 годов осуществляется в трех направлениях: отсечение «чуждых» признаков[213]; осмысление и переконструирование модели собственной деятельностной; утверждение ценностной иерархии. Для метакритики «Нового мира» и «Знамени» актуально самоутверждение «за счет былых заслуг». В статьях А. Немзера (1991), С. Чупринина (1994), Н. Ивановой (1996), С. Костырко (1996) предшествующий период описан как время активной, социально значимой деятельности. Осмысление же собственной значимости, необходимости «здесь и сейчас» в текстах 1990-х годов отсутствует.

В ряду публикаций метакритического плана 1990-х годов, на наш взгляд, выделяются две работы, являющиеся своеобразными идейными центрами, к которым концептуально приближаются все другие тексты. Это статьи С. Костырко «О критике вчерашней и “сегодняшней”…» и И. Роднянской «Герменевтика, экспертиза, дегустация…», опубликованные в № 6 «Нового мира» за 1996 год[214]. Полемически направленные друг к другу, они воплощают то напряжение, которое присутствует в критике 1990-х годов. Авторы осмысливают важнейшие вопросы роли и статуса критики в обстоятельствах утраты литературоцентризма. Концепция С. Костырко представляет литературную ситуацию как близкую («приближающуюся») к норме («<…> нормальная жизнь. Литературная – во всяком случае»). В ней, «сложной и многообразной», журналы уже не претендуют на роль общественных лидеров, а становятся прежде всего литературным явлением. С. Костырко представляет обновленную модель литературно-критической деятельности, о чем свидетельствует предлагаемая формулировка вопроса: «Как, в

---

[210] Немзер А. История пишется завтра. С. 203.

[211] Новый мир. 1996. № 1 . URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/1/ivanova.html (дата обращения: 5.08.2009).

[212] Костырко С. О критике вчерашней и «сегодняшней». По следам одной дискуссии: [Электронный ресурс] // Новый мир. 1996. № 7. URL: http://magazines.russ/novyi_ mi/1996/7/ litkri1.html (дата обращения: 21.05.2010).

[213] Заметим здесь, что если в первой половине 1990-х годов процесс отчуждения реализовывался с использованием стратегии разоблачения, то во второй половине десятилетия стратегия обретает качество оппозиционно-аналитической.

[214] Авторы обеих работ осмысливают, преимущественно, явление газетной критики, однако одновременно высказывают положения, значимые и для понимания функционирования критики в целом. Они интересуют нас в первую очередь.

каком качестве, с какими целями должен выступать сегодня критик? – такой вопрос прозвучал бы актуально лет пять назад. Сегодня же <…> вопрос следует сформулировать иначе: какие из представленных в современной критике эстетические принципы и модели профессионального поведения критиков наиболее соответствуют нынешней литературной ситуации?» [215]. Момент долженствования, приоритета цели снимается критиком и замещается актуализацией обстоятельств критической деятельности. С. Костырко позиционно меняет местами критику и литературную действительность. Прежде реализующая роль регулятора, направляющего движение литературы, читательских интересов, критика оказывается в положении зависимом от литературной ситуации. Такой статус определяет естественный для С. Костырко тип отношения «критик – литература»: «исходить не из общественно-политического контекста, а из заданного самим произведением круга тем и уровня их осмысления», «литература изначально больше и выше критики»[216], а также главную функцию критики – помогать «нам максимально приблизиться к тому, что содержит литература, и только»[217] и ее статус – представлять читателя, быть одним из читателей, не выступая от какой-либо партии, эстетической концепции. На наш взгляд, не тождественную, но сходную позицию в вопросе о функции критики занимают О. Славникова, Е. Иваницкая, К. Анкудинов, Н. Иванова. В работах «Сладкая парочка» (1994), «Между…» (1996), исследуя явление газетной критики, Н. Иванова выходит к актуальным для С. Костырко вопросам о расстоянии между критикой и литературой, статусе критики («идеологическая, “руководящая” и “направляющая” роль критики отошла в прошлое»); принимает эти изменения с чувством «солидарности, соучастия <…> литературно-критического счастья»[218].

Противоположную точку зрения высказывает И. Роднянская. В своей «реплике» (авторское определение жанра) на статью С. Костырко она замечает: «Литература с прописной буквы, за которой надо “идти” и которую нельзя “учить”, – такое же фиктивное, контрабандное олицетворение, как Природа в системах позитивистов прошлого века»[219]. Для И. Роднянской принципиально, что критик должен представительствовать от убеждений, ценностей, иметь «смысловую предпосылку, то якобы предвзятое a priori». Обратная ситуация оценивается ею как признак культурного упадка. Схожие утверждения принадлежат С. Чупринину, Л. Лазареву.

Предлагаемые критиками разные типы понимания и интерпретации сводимы к двум подходам к истолкованию текста, генетически восходящим к критике XIX века – традиции «эстетической» и «реальной» критики.

Сопоставление этих двух периодов представляет особый интерес: саморефлексия в это время особенно активна, но по совершенно разным, противоположным причинам. Если в XIX веке критика находится в процессе напряженной самоидентификации, обусловленной ситуацией профессионального становления (рождения), расширения круга читателей, а следовательно, и сферы влияния, то в конце XX века не менее напряженная самоидентификация сопряжена с обратной ситуацией угасания, потерей читателя, былого статуса. Но и в том и другом случае она находится в экзистенциально пограничной ситуации, между «бытием и небытием».

Критика XIX века развивается в отсутствии теории литературы (оформляется историко-культурное литературоведческое направление, повлиявшее на «реальную критику») и теории критики. Этим объясняется ее внимание к вопросам сущности и функций литературы и критики, художественного метода, опора на западную философскую мысль (немецкую иде-

---

[215] Костырко С. О критике вчерашней и «сегодняшней». По следам одной дискуссии: [Электронный ресурс] // Новый мир. 1996. № 7. URL: http://magazines.russ/novyi_ mi/1996/7/ litkri1.html (дата обращения: 21.05.2010).

[216] Там же.

[217] Там же.

[218] Там же.

[219] Роднянская И. Герменевтика, экспертиза, дегустация…: [Электронный ресурс] // Новый мир. 1996. № 7. URL: http// magazines.russ/novyi_mi/1996/7/litkri2.html (дата обращения: 18.05.2010).

алистическую философию, диалектику, материализм). Об углублении теоретического самосознания критики 1870–1880-х годов пишет В. Коновалов. По мнению исследователя, оно выражается в «установлении сходства и различия с критикой предшествующего периода», «обосновании своих методов и теоретических принципов»[220].

Процесс самоидентификации критики в XIX веке отмечен тем же качеством негативности, которое обнаруживается в конце XX века. Каждое новое направление и течение (романтическое, реалистическое, модернистское) утверждаются через оппозицию, обусловленную антиномичностью критического мышления и характера аргументации как типологических черт литературно-критического дискурса XIX века.

Критика 1990-х годов существует в иной эпистемологической ситуации, для которой характерна антропологизация, влияние постмодернистских философских концепций, переосмысление категории метода гуманитарного знания, переориентация герменевтики, идея множественности интерпретаций. Это ситуация, когда теория литературы и критики и сама критика уже имеют свою историю. В таких обстоятельствах критика способна осмыслить все компоненты своей структуры как равноправные, равнозначимые в процессе интерпретации. А факт выделения доминантных компонентов объясняется индивидуальностью критика, не декларируется и меняется в зависимости от цели (аналитической или прагматической), объекта исследования и может быть осмыслен как «ракурс видения текста».

Объем публикуемой метакритики позволяет определить одну из гносеологических установок того или иного «толстого» журнала. В большей степени авторефлексивна критика «Нового мира» и «Знамени», в меньшей – критика «Октября». При этом для метакритики последнего журнала не характерно конструирование обновленной модели деятельности путем отвержения официальной советской.

Метакритика на рубеже XX – XXI веков проходит путь от негативной самоидентификации, отказа от прежней модели критической деятельности (в статьях О. Дарка, Н. Ивановой, С. Чупринина, Л. Лазарева, А. Агеева и др.) к конструированию новых принципов интерпретации текстов, коммуникативных стратегий, обновленной идентичности (в работах И. Роднянской, С. Костырко, О. Славниковой, Е. Иваницкой, А. Немзера, К. Анкудинова и др.). При этом доминирующая «разоблачительная» стратегия надстраивается над прагматико-аналитической, соответствующей главной целеустановке толстожурнальной метакритики первой половины 1990-х годов – обозначить границы своей идентичности в полемике с официозной и газетной критикой и присущими им моделями критической деятельности. Конструктивной тенденции соответствует преобладающая во второй половине 1990-х годов аналитическая стратегия.

Критикой либеральных изданий отвергается образ всезнающего, авторитетного критика; ему на смену приходит критик свободный от идеологического «представительства», критик-медиатор, наблюдатель, комментатор, представитель читателя. Авторитарный тип коммуникации замещается коммуникацией на условиях равноправия с читателем. Актуализация Читателя как компонента критической деятельности происходит по мере осознания кризиса чтения.

[220] Русская литературная критика 70-80-х годов XIX в./ под ред. В. Н. Коновалова. Казань, 1986. С. 20.

Общественное сознание как объект внимания литературной критики: интерпретационные стратегии, ценностные ориентиры

Следующий объект внимания критики, объединивший статьи в отдельный блок, – общественное сознание и его художественное исследование.

Статистический анализ всего комплекса статей данной группы позволил сделать вывод о том, что общественное сознание как объект «интересует» в большей степени критику журнала «Знамя». Большая часть работ, объединенных названным объектом, публикуется в «Новом мире» и «Знамени» с 1991 по 1993 год (так, «Знамя» за 1991 год публикует 9 статей с обозначенным объектом). Затем на протяжении всего десятилетия журналы публикуют по одной-две статьи социологического характера, притом не каждый год. Как показало исследование работ данной группы, спад оказался обратно пропорциональным усилению аналитизма и «приближению к художественному тексту». «Октябрь» публикует подобные статьи лишь в 2000 – 2001-м году. Малое количество работ, ориентированных на осмысление общественных проблем, в этом журнале объясняется меньшей социологичностью его критики, общей ориентированностью на рецепцию литературной ситуации, отдельных литературных явлений.

В процессе поиска типологических моментов, связывающих критические тексты разных авторов на протяжении десятилетия, и репрезентативных оснований типологии мы совместили два ракурса – хронологический (что позволило обнаруживать динамику найденных закономерностей) и «стратегический» (выявляющий динамику интерпретационных стратегий либеральной критики)[221].

Доминирующие интерпретационные стратегии в критике 1990-х – начала 2000-х годов – «реставрационная», «коррекционная», аналитическая. Под «интерпретационной стратегией» понимается не только программа интерпретации конкретного текста/литературного факта, но и изначальная позиция критика как «вопрошающего», «вопрос» которого, направленный на текст/литературный факт как проявление бытия, может быть также понят как программа. Для критики 1990-х, переживающей кризис самоидентификации в ситуации утраты читателя и прошлого высокого авторитетного статуса, (само) рефлексия и сам акт интерпретации приобретают «экзистенциальную» значимость.

Первая стратегия – «реставрационная» – направлена на разрушение, отсечение в сознании читателя тех представлений, которые генетически восходят к советской ментальности, на восстановление нормы. Происходит своего рода «реставрация» тех ценностей/фактов, а главное, мировоззренческих установок, которые трансформировались под идеологическим воздействием советской эпохи. Эта стратегия доминирует только в начале 1990-х годов и становится неактуальной уже в 1993 году. Материалом для «реставрации» становятся идеологическое мышление, привычка к вычитыванию идеологического в текстах (в статье А. Немзер «Сила и бессилие соблазна», 1991), травмированное органическое сознание «патриотов» (А. Агеев «Варварская лира», 1991), восприятие быта как пошлости (Н. Иванова «Неопалимый голубок», 1991), трансформированное понимание эсхатологичности (А. Якимович «Эсхатология смутного времени», 1991), мифологическое сознание современного человека (М. Липовецкий «Совок-блюз», 1991, А. Немзер «Страсть к разрывам», 1992). Во всех названных статьях утверждается альтернативная (истинная) ценностная координата.

---

[221] Акцентируем внимание на значимости обоих ракурсов и заметим, что некоторые выделенные нами особенности осмысления критикой данного объекта проявляются, к примеру, в рамках только стратегий и не показательны в хронологическом плане.

Характерно, что в статьях этой группы и этого периода носителями исследуемых отклонений от нормы оказывается не все общество: в статье А. Агеева это поэты-патриоты, у Н. Ивановой – люди с «чистеньким» идеологизированным сознанием, у А. Якимовича – новая интеллигенция, сформированная советскими условиями, у М. Липовецкого – носители и создатели мифа о шестидесятниках, А. Немзер называет имена конкретных лиц, чья самоидентификация имеет форму негативной, предполагающей разрыв с поколением, веком, направлением. В представлении критики, обозначенной группе и им сочувствующим (что позволяет критику осмысливать ту или иную проблему как остросоциальную) противостоит более широкая масса людей (читателей), в которых живо понятие нормы. От имени последних и представительствует критик.

Статья Н. Ивановой «Неопалимый голубок. Пошлость как эстетический феномен»[222] типична для рассматриваемой стратегии. Задача Н. Ивановой – способствовать возвращению («реставрации») и утверждению ценностной нормы, которая предполагает отношение к быту (синонимом быта в статье выступает «пошлость») как к нормальному проявлению человеческой жизни, снять привнесенные негативные идеологические смыслы. Ценностная оппозиция, которую предполагает «реставрационная» стратегия и сформулированная задача, определяет ход размышлений и реализацию прагматической цели критика. На протяжении статьи оппозиция, которая в самом общем плане представляет собой инвариантное противопоставление «нормы» и «отклонения», реализуется в целой системе вариантов (авторская (истинная) норма и антинорма – советская норма и антинорма; человеческое – расчеловечивающее; носители нормы – пропагандисты безбытности), первый член которых дается в модусе приятия/истины, а второй – резкого неприятия[223]. Подобные оппозиции обнаруживаем во всех статьях, принадлежащих рассматриваемой стратегии.

По принципу оппозиции Н. Иванова выстраивает и художественные тексты писателей (антибытовиков – Хлебникова, Маяковского, конструктивистов, Проскурина; понимающих быт как нормальное проявление человеческой жизни – Булгакова, Шаламова, Солженицына, Трифонова, Петрушевской, Толстой). Безбытному советскому ценностному ориентиру (в котором аскетизм окрашен как ценностно значимый, а быт ассоциируется с мещанской жизнью, пошлостью, буржуазным Западом) Н. Иванова противопоставляет ориентир, освященный классической литературной традицией (согласно которому безбытность грозит расчеловечиванием, а быт спасителен)[224].

Критик исследует эволюцию категории пошлости, быта в культуре XX века, последовательно обращается к революционным годам (времени борьбы с бытом и насильственного формирования концепции нового (пролетарского) быта), периоду утверждения «безбытности» как стиля жизни и литературы, фиксирует факты сопротивления безбытности и восстановления нормы в современной литературе. Н. Иванова выстраивает своеобразный «сюжет» – движение феномена «пошлости» в разных исторических обстоятельствах. Важно, что выстраиваемые оппозиции мыслятся критиком еще и как познавательные установки (рассматривает интерпре-

---

[222] Знамя. 1991. № 8.

[223] Описание процесса пропаганды социалистического безбытного образа жизни сопровождается последовательным включением мотива борьбы, войны, агрессии («борьба с дурным вкусом», «Луначарский воюет», «ниспровергающие будетлянские призывы», «борьба с бытом», «борьба с памятью», «разрушение традиционного уклада жизни», «индивидуальное вытесняется», «борьба с мещанством»), оценкой его как разрушающего личностное начало.

[224] Опора на классику как на авторитет характерна для большинства статей «реставрационной» стратегии. А. Якимович использует фрагменты классических произведений, чтобы сформулировать первоначальное, истинностное понимание эсхатологии (XIX век в контексте его статьи – век действительного философского образования, связей с религиозной культурой, глубокого, а не «оплощенного» сознания) (см.: Якимович А. Эсхатология смутного времени // Знамя. 1991. № 6). А. Немзер в статье «Сила и бессилие соблазна» упоминает классическую литературу как неидеологизированную (в противовес советской, а также в противовес сознанию современника, настроенного на поиск идеологий), интерпретирует произведение Кормера, сопоставляя и противопоставляя его с текстами Достоевского (см.: Немзер А. Сила и бессилие соблазна // Новый мир. 1991. № 9).

тации Л. Гинзбург, И. Дедкова, критику произведений Ю.Трифонова как не освобожденные от заранее отрицательной реакции на слова «мещанство», «пошлость»).

Вторая стратегия – «корректирующая» – направлена на осмысление порожденных современностью отклонений от нормы в сознании современника, актуализацию этой нормы. Между первой и второй стратегией обнаруживаются сближения (интерпретация с точки зрения ценностных ориентиров, оппозиция как структурообразующее начало) и отличие (отклонения от нормы не будут объясняться советским прошлым). Критики обнаруживают следующие «болезни» современного сознания: привыкание к игре как способу ухода от реальности (С. Носов «Литература и игра», 1992), понижение ценности классики (В. Камянов «Игра на понижение», 1993), архивизм (А. Пурин «Архивисты и новаторы», 1994), иждивенчество, прутковщина, несвобода (С. Рассадин «Освобождение от свободы», 1995), схематизм в осмыслении прошлого и настоящего (И. Дедков «Между прошлым и будущим», 1991), мифологичность сознания (А. Агеев «Бесъ борьбы», 1996), страсть к отрицаниям как примета постидеологического сознания (В. Потапов «Схватка с Левиафаном», 1991).

Норма в виде определенного ценностного ориентира эксплицирована в тексте и, как и в рамках первой стратегии, часто ассоциируется с классикой[225]. Носителями названных отклонений являются так же, как и в первом случае, определенные социальные слои: молодое поколение 1980-х (С. Рассадин), «борцы» с идеологическим сознанием (А. Агеев), аналитики, накладывающие схемы на многообразную жизнь (И. Дедков), нынешняя словесность (С. Носов), архивисты, необъективные исследователи (А. Пурин) и т.п. В то же время критики указывают на то, что исследуемые критиком проявления сознания «симптоматичны» («распространенны», «типичны») и для большего круга современников.

Третья стратегия (самая распространенная) – аналитическая – направлена на безоценочное осмысление новой ментальности, ее эволюции. Актуальными моментами, характеризующими сознание современного человека, называются вживание в ситуацию пограничного бытия (А. Немзер «Двойной портрет на фоне заката», 1993), кризис идентичности (Н. Иванова «После», 1996), выпадение исторической памяти, внутренняя безопорность (В. Камянов «В тесноте и обиде, или «Новый человек» на земле и под землей», 1991), фантомность, мифологичность сознания (А. Архангельский «”Гей, славяне!”…», 1995), внутренняя безопорность (И. Роднянская «Сюжеты тревоги. Маканин под знаком “новой жестокости”», 1997), утрата веры в высшие смыслы, цельности и ценностей, постмодернистское мировосприятие, тоска по реальности (К. Степанян «Реализм как заключительная стадия постмодернизма», 1992; «Назову себя цвайшпацирен?», 1993; «Кризис слова на пороге свободы», 1999), неуверенность в будущем, застигнутость, неопределенность, неизвестность, нереализованность (О. Дарк «Принесенные в жертву», 1998), бегство от современности (А. Немзер «В каком году – рассчитывай…», 1998). В названных работах фиксируемые проявления сознания современника рассматриваются вне оппозиции «норма – отклонение». Критика фиксирует проявление сознания современника, оказавшегося в экзистенциальной ситуации кризиса. Неслучайно появление в статьях этой группы характеристик сознания, связанных с традицией литературного и философского экзистенциализма: тошнота, застигнутость, неизвестность, отчаяние, тревога, ужас. Актуальным становится не нравственно-ментальный план, а ментально-психо-

[225] Так, С. Носов «вирусу игрового мировосприятия» противопоставляет классику, творчество Л. Толстого, Достоевского, «<…>искания русской классической литературы в целом были порывом к истинной жизни сквозь “мишуру” цивилизации, сквозь “суету” поддельного существования, в которое представлялось погруженным человечество» (см.: Носов С. Литература и игра // Новый мир. 1992. № 2. С. 232). В статье В. Камянова классика мыслится как особый тип мышления, который «никогда не приближается к нулевой отметке, ибо капитальные «почему?» и «зачем?» маячат у каждого из этих писателей – за ближним порядком мыслей», потому что писатель-классик, «отмеряя минуты, помнит о немеренном времени; частные обстоятельства сопрягает с универсальным «обстоятельством» – жизнью <…>» (см.: Камянов В. Игра на понижение. О репутации «старого искусства» // Новый мир. 1993. № 5. С. 237). Свободу и ответственность классики С. Рассадин противопоставляет жизненным ориентирам молодого поколения 1980-х (см.: Рассадин С. Освобождение от свободы // Знамя. 1995. № 11).

логический. Показательно и то, что эта стратегия, в отличие от описанных выше, выделяет не часть социума – носителей того или иного отклонения от нормы, а все общество.

Только в рамках третьей стратегии имеет место движение не от формулируемого «диагноза» к литературе (как иллюстрации), а от литературного явления к постановке своеобразного «диагноза» обществу, оценке общественного сознания. Эта тактика одинаково характерна для обоих журналов, встречается в работах О. Дарка («Знамя», 1998), А. Немзера («Знамя», 1993), В. Камянова («Новый мир», 1991), И. Роднянской («Новый мир»,1997). Подавляющее же большинство статей, объединенных объектом «общественное сознание», демонстрирует использование первой тактики, это связано с качеством выбираемых стратегий. «Реставраторская» и «корректирующая» предполагают обозначение ментальной проблемы как данности, наличие ценностной шкалы. Аналитическая стратегия ориентирована на поиск, прежде на «симптомы», чем на «диагноз». Соотносятся с этими выводами наблюдения за доминированием в критических статьях аналитической или прагматической составляющей. Показательно, что в рамках первой и второй стратегий доминирует прагмаориентированный метод. Типичной формулировкой (моделируемой нами) прагматической цели является восстановление нормы. В рамках третьей стратегии доминирует аналитическая составляющая. Хронологически до середины 1990-х годов актуальна прагматическая составляющая метода, во второй половине – аналитико-прагматическая и аналитическая. На наш взгляд, это напрямую связано с потерей критикой статуса инстанции, ориентирующей читателя, обладающей авторитетным знанием. Теперь она идентифицирует себя с аналитиком.

В рамках обозначенных стратегий интерпретации складываются обобщенные психологические портреты поколения. В первой половине 1990-х (период активности «реставрационной» и «коррекционной» стратегии) – это человек, сознание которого определяли либо сформированные советской эпохой ориентиры, установки мышления, либо новые мифы, заместившие старые. Во второй половине 1990-х годов – современник, переживающий кризис самоидентификации, который проявляется в разрыве связи с прошлым, неукорененности в настоящем, неверии в будущее, переживании относительности системы ценностей (отсутствие «вертикали» (К. Степанян)). Отсюда и «безопорность» как самая частотная характеристика сознания современного человека.

Нельзя говорить о том, что какой-то из журналов выбирает определенный комплекс черт сознания и исследует только их. В то же время в «Знамени» наблюдается больший интерес к исследованию постмодернистского типа мышления современного человека.

Обращение к персоналиям позволяет сделать вывод о том, что ряд критиков работает в рамках одной стратегии, есть те, кто меняет свою стратегию в направлении третьей, аналитической (обратного движения нет). Так, на первую и близкую ей вторую стратегию ориентирован А. Агеев, на третью К. Степанян. В статьях Н. Ивановой, А. Немзера обнаруживается «стратегическое» переориентирование.

Так, смена стратегий выявляется в критике А. Немзера. Центральной категорией для А. Немзера является категория истории, времени. По отношению к ней мыслится особенность мироощущения современника, выстраивается процесс интерпретации. Однако смысловое наполнение категории времени меняется на протяжении десятилетия и совпадает со сменой стратегии. В рамках «реставрационной» стратегии написаны две работы («Сила и бессилие соблазна» (1991), «Страсть к разрывам» (1992)), опубликованные в «Новом мире». В них история мыслится как процесс, в котором в сложных отношениях находятся век минувший и нынешний, переживание разрыва между ними – особенность сознания современного человека, источник душевного дискомфорта и тех отклонений, которые фиксирует А. Немзер. Речь идет о сформированной прошлой эпохой нужде в идеологии и идеологах, мифах, идеологической

интерпретации мира/текста[226]. Эта черта исследуется и как ментальная, и как интерпретационная (в смысле вычитывания смыслов[227]), свойственная советскому читателю на протяжении всего XX века. По контрасту с идеологическим критик выстраивает собственный анализ произведений Кормера, Бородина, рассматривает ту или иную идею, точку зрения в отношении к ее носителю, критика интересует личная мотивировка идеи, проблема соотношения и взаимовлияния идеи и судьбы. В отличие от В. Потапова, А. Немзер не смотрит на авторов как на создателей идеологии, а на текст как на ее носителя. Подход к интерпретации – личностно ориентированный – декларируется самим критиком в качестве не только выбранного, но и объективного, единственно возможного в ситуации активного созидания новых мифов[228].

В статье «Страсть к разрывам» А. Немзера интересуют не только внутренние противоречия концепций оппонентов, но сами механизмы проявления нового мифа. Критик обращается к логике суждений А. Латыниной, Л. Аннинского, М. Эпштейна, ему интересны общие законы существования новейшей мифологии, методологические принципы ее возникновения и функционирования. От содержательного уровня концепций оппонентов А. Немзер переходит, таким образом, к осмыслению типов мышления, к стратегиям. Наличие мифов и легкость их восприятия современником, по мнению критика, – результат той пустоты, которая явилась следствием разрушения советских идеологических мифов, разрыва между минувшим и настоящим веком.

В аналитически ориентированной работе 1993 года («Двойной портрет на фоне заката»[229]) категория времени, истории мыслится иначе. Теперь А. Немзер отталкивается от текста, в котором отразилось мироощущение, ощущение времени конкретного автора (Т. Кибирова, А. Слаповского). «История» мыслится как синоним реальности современника, противопоставленной пространству мифов, в котором долгое время существовал советский человек[230]. Разрыв с историей теперь сопряжен с такими угадываемыми Немзером ощущениями, как тревога и чувство вины, конца – категориями экзистенциальными. В статье 1998 года («В каком году – рассчитывай…») они станут преобладающими. Если в 1993 история как настоящее бытие мыслилась в качестве временно потерянной нормы, возвращение к которой жизненно важно, то в 1998 ее существование мыслится относительным[231]. Важно, что из потока литературы А. Немзером вычленяются тексты, общий мотив которых – бегство от современности.

---

[226] В статье «Страсть к разрывам» критик пишет: «Противоречат же они [люди, подверженные страсти к разрывам – Ю. Г.] подходу “по одежке”, когда в оппоненте-современнике или изучаемом писателе, мыслителе, политике, идеологе времен минувших видят представителя некой конфессии, нации, узкой традиции, сословия – и только» (см.: Немзер А. Страсть к разрывам. С. 226). В работе «Сила и бессилие соблазна» делает подобное заявление: «соблазны никуда не деваются, и тоска по идеологии, неотрывная от “идеологических подозрений”, – один из них» (см.: Немзер А. Сила и бессилие соблазна. С. 212).

[227] «Рецепт» такого вычитывания реконструирует А. Немзер в статье «Сила и бессилие соблазна»: «Рецепт ясен: вывернул писателя наизнанку, обрубил лишнее, чуть сдвинул тональность – и готов “идеолог”, которого можно разоблачать во имя утверждения собственной “идеологии”. В оны годы так обходился Аннинский с Трифоновым, недавно с Владимовым, теперь – с Леонидом Бородиным («Литературная газета», 7.11.90), о котором у нас речь впереди. Можно понять критика, давно и прочно стоящего под штандартом с надписью “Ищу идеолога!” (вариант для публики: “Скажи наконец, что есть истина”)» (см.: Немзер А. Сила и бессилие соблазна. С. 202).

[228] «Мне бы хотелось, чтобы мои возражения героям статьи воспринимались как возражения личностям (а не представителям той или иной идеологической тенденции)», «Речь стоит вести не об идеологии критика, а об индивидуальных ориентирах» (см.: Немзер А. Страсть к разрывам. С. 236).

[229] Знамя. 1993. № 12.

[230] Так, творчество Кибирова и Слаповского, по мнению А. Немзера, «это попытки вернуться в историю из сумрачного леса, где оказались, увы, не только те, кто подобно поэту и прозаику ныне достигли средины странствия земного» (см.: Немзер А. Двойной портрет на фоне заката. С. 192).

[231] В статье «Торжествует связь времен. Но связь-то предполагает два опорных пункта: прошлое и настоящее. Когда второй пункт отсутствует, надо искать какое-то другое слово», «и все же, вспоминая лучшую прозу последних лет, мы в гораздо большей мере ощущаем ее обусловленность современностью, чем прямую на современность направленность» (см.: Немзер А. В каком году – рассчитывай (заметки к вечному сюжету «Литература и современность»): [Электронный ресурс] // Знамя. 1998. № 5. URL: http://magazines.russ.ru/znamia/1998/ 5/nemzer.html (дата обращения: 15.09.2009)).

В названных работах А. Немзер совершает путь от «чистых» в своей потенциальной контрастности (включенности в оппозицию) категорий к более сложным проявлениям общественного сознания, экзистенциальным, сопряженным с ситуацией бытийной неустойчивости, пограничности. Если в первых двух статьях носителями отклонений оказывались либо конкретные люди, либо определенная часть общества, к которой критик себя и проницательного читателя не относил, то теперь исследуются всеобщие ментальные черты (неслучайно увеличение количества местоимений «наши», «мы»). Экзистенциально ориентированные статьи публикуются А. Немзером в журнале «Знамя», а первые две в «Новом мире». Это неслучайно: «Знамя» – журнал, более ориентированный на осмысление постмодернизма и проявлений постмодернистского мироощущения. А наблюдаемое А. Немзером состояние современника близко именно постмодернистскому мироощущению.

К. Степанян – критик, меняющий не стратегии, а ракурс видения выбранного объекта. Объединяет три статьи К. Степаняна («Реализм как заключительная стадия постмодернизма» (1992), «Назову себя цвайшпацирен?» (1993), «Кризис слова на пороге свободы» (1999)), опубликованные в «Знамени», внимание к постмодернизму, постмодернистскому мировосприятию. Критик последовательно повторяет в статьях признаки постмодернистского восприятия мира, трижды повторяет мысль о том, что «многие из нас именно постмодернисты», доказывает мысль о том, что постмодернистское сознание не способно справиться с ролью открытия реальности, а его преодоление, трансформация его проявлений может быть продуктивна. Такую трансформацию К. Степанян наблюдает в русской прозе, которую объединяет под названием «новый реализм» и которая оказывается способной рождать смыслы. Динамика критики К. Степаняна связана с последовательной актуализацией, экзистенциальных вопросов и вопросов гносеологии/интерпретации. Так, первая статья о постмодернистском мироощущении, его признаках представляет собой развернутую информационную справку, необходимую в ситуации, когда для большинства писателей, критиков, читателей постмодернизм – «непонятный зверь»[232]. Обращаясь к литературной практике (как к иллюстрации), критик фиксирует проявление реалистического как тоски по подлинной реальности. Постмодернизм как объект включается в осмысление проблемы Человек и Реальность и вопросов о способах постижения/возвращения/открытия реальности. К. Степанян приходит к выводу о непродуктивности «чистого» постмодернизма. Далее в статье 1993 года критик акцентирует внимание на той экзистенциальной и гносеологической ситуации, в которой оказался современник (писатель и читатель): переориентация литературы с социальной сферы на более удаленные от поверхности, потеря литературоцентризма и одновременно читательская потребность искать новые смыслы в литературе, которая их продуцирует, растерянность в ситуации необходимости самостоятельного осмысления мира, истории, себя без идеологических помощников со стороны «монстра тоталитарной власти» и др. В русском постмодернизме теперь в качестве главной черты указывается способность продуцировать смыслы. Постмодернистское сознание мыслится теперь в познавательном плане как ориентированное на познание, поиск смыслов как источник самосознания и самопознания. В третьей статье от гносеологического ракурса К. Степанян приходит к экзистенциальному. Об этом свидетельствуют те признаки постмодернистского сознания, которые перечисляет критик. Наряду с теми чертами, которые уже появлялись в предыдущих статьях, обнаруживаются: отчуждение людей, утрата цельности, чувство глобального одиночества, безнадежность, беззащитность, утрата вертикали. Тексты, к которым обращается К. Степанян (В. Маканин, М. Бутов), подтверждают его наблюдения. Постмодернистский кризис, через который проходит сознание людей, по мне-

[232] Степанян К. Реализм как заключительная стадия постмодернизма // Знамя. 1992. № 9. С. 232.

нию критика, оказывается самым болезненным. Если в первых двух статьях выход предполагался, проявлением его был новый реализм, теперь он не конструируется критиком[233].

Смена стратегий в проанализированных выше статьях является следствием смены «вопроса», определяющего направление (само) интерпретации.

В каждой из рассмотренных статей данного блока озвучена или подразумевается та или иная ценностная категория, мыслимая как истинная. Вместе они образуют ценностное поле, в рамках которого функционирует литературная критика и которое является актуальным для социума в данный период. На протяжении 1990-х годов оно меняется, на каждом этапе актуализируя тот или иной аксиологически значимый ориентир. Наиболее явно эта динамика проявляется, если исследовать десятилетие «стратегически». «Реставрационная» стратегия последовательно конструирует ценностную доминанту «от противного»: не идеологические ориентиры, а непреходящие категории доброты, свободы, порядочности; не группа, масса, поколение, а личность; не разрыв с прошлым, а связь, укорененность в минувшем (А. Немзер) и т. п. Это коррелирует с явлением негативной самоидентификации, характерной для критики 1990-х .

Другая закономерность, проявляющаяся в критике, исследующей общественное сознание, – параллельное «ведение» заявленных ценностей в либеральных журналах: приоритет высших, непреходящих, не конкретно-исторических ценностей (А. Немзер («Новый мир») – А. Агеев («Знамя») – О. Павлов («Октябрь»))[234]; ценность личности и личного (А. Немзер («Новый мир») – Н. Иванова («Знамя») – Б. Филевский («Октябрь»))[235]; связь с историей, объективность (А. Немзер («Новый мир») – М. Липовецкий («Знамя») – Е. Иваницкая («Октябрь»)[236]).

Хронологический принцип позволяет обнаружить динамику осмысления вопросов преемственности, исторического самосознания на протяжении десятилетия. Для начала 1990-х характерен пафос объективного осознания истории (В. Камянов, «Новый мир», 1991), утверждения свободного от «костылей» идеологических концепций, мифов; близко к этому утверждение ценности открытого, вне декораций, мишуры, игры видения реальности (С. Носов, «Новый мир», 1992; И. Дедков, «Знамя», 1991; К. Степанян, «Знамя», 1992). Объединяет статьи проблема «чистого» видения истории (настоящего и прошлого). К середине десятилетия помимо названного аспекта, который продолжает быть актуальным, появляется другой – связанный с проблемой кризиса самосознания. Критика переориентирует взгляд на историю с необходимости ее «познания» на «самопознание» (А. Пурин, «Новый мир», 1994; А. Агеев, «Знамя», 1996; А. Немзер, «Знамя», 1993; А. Архангельский, «Новый мир», 1995). Во второй половине 1990-х годов, когда актуальной становится экзистенциальная проблематика, критика констатирует кризис самосознания, экзистенциально драматичную ситуацию, в кото-

---

[233] Это заметно в замечаниях критика о романе «Андеграунд, или герой нашего времени»: «Полное торжество постмодернизма! – и в пределах романа ему ничего не противопоставлено» (см.: Немзер А. Когда? Где? Кто? О романе Владимира Маканина: опыт краткого путеводителя: [Электронный ресурс] // Новый мир. 1998. № 10. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/10/nemzer.html (дата обращения: 8.09.2009)), о прорывах в иную реальность в прозе М. Бутова: «Эти прорывы требуют стольких усилий, столь непредсказуем выход из них, столь величественно и в то же время страшно то, что отрывается в тот миг, что удержаться там трудно, да и страшновато» (см.: Степанян К. Кризис слова на пороге свободы: [Электронный ресурс] // Знамя. 1999. № 8. URL: http://magazines.russ.ru/znamia/1999/8/ stepan.html (дата обращения: 12.08.2009)).

[234] Немзер А. Сила и бессилие соблазна // Новый мир. 1991. № 9; Немзер А. Страсть к разрывам. Заметки о сравнительно новой мифологии // Новый мир. 1992. № 4; Агеев А. Варварская лира. Очерки «патриотической» поэзии // Знамя. 1991. № 2; Агеев А. Бѣсъ борьбы // Знамя. 1996. № 6; Павлов О. Метафизика русской прозы. Записки литературного человека // Октябрь. 1998. № 1.

[235] Немзер А. Страсть к разрывам. Заметки о сравнительно новой мифологии // Новый мир. 1992. № 4; Иванова Н. Неопалимый голубок. «Пошлость» как эстетический феномен // Знамя. 1991. № 8; Филевский Б. Так и спасемся // Октябрь. 1995. № 5.

[236] Немзер А. История пишется завтра // Знамя. 1996. № 12; Липовецкий М. Совок-блюз. Шестидесятники сегодня // Знамя. 1991. № 9; Иваницкая Е. Страстно поднятый перст или угрожающий палец? Еще раз о «нравственности» и «безнравственности» в литературе // Октябрь. 1995. № 11.

рой оказался современник и которая отражается в художественных произведениях. Частотным в статьях конца 1990-х становится слово «опора» (К. Степанян, «Знамя», 1999; И. Роднянская, «Новый мир», 1997; А. Немзер, «Знамя», 1998; Н. Иванова, «Знамя», 1996; В. Новиков, «Новый мир», 1999; О. Павлов, «Октябрь», 1998; Л. Шульман, «Октябрь», 2001). Критика констатирует ее отсутствие (в виде классики, истории, религиозной вертикали и т.п.) и в то же время, продолжая предыдущую ценностную линию, предполагает ее поиск в процессе осознания себя в истории (прошлом и настоящем), реальности. Критика и в ценностном аспекте, таким образом, выходит к проблеме интерпретации и самоинтерпретации, вычленения смыслов.

В аксиологическом плане для критики особую важность приобретают не столько сами ценностные категории, сколько способности, акты (само)понимания. Воплощением идеала, источником ценностей в большинстве статей, как было отмечено, выступает XIX век, в рамках третьей аналитической стратегии такого источника нет. Особенно очевидно это во второй половине 1990-х годов в ситуации «растерянности».

Общественное сознание, психология современника как объект внимания проявляются в статьях «Октября» 2000 – 2002 годов. Каждый раз толчком к рефлексии становится ситуация разрушения традиционной схемы «читатель вслед за писателем», потери былого статуса литературы для читателя, нечтения. Критики используют корректирующие и аналитические интерпретационные стратегии в осмыслении этой ситуации. Для критики «Октября» не свойственен поиск детерминант в области социологии, политики. Актуальной становится сфера социальной психологии. Так, О. Славникова интерпретирует проблему нечтения как социально-психологическую. Помимо очевидных причин нечтения, кроющихся в самой литературе (писатели не читают друг друга, пишут для себя), в положении издательского дела, она выявляет иные причины, касающиеся психологических трансформаций в сознании читателя, обусловленные новыми социокультурными обстоятельствами: «Такое ощущение, будто все мы стали подсознательно бояться любого стержня, скрепляющего нашу жизнь в нечто большее, нежели отдельный день; литература <…> вызывает раздражение своей несоразмерностью, какими-то неясными требованиями к человеку, непонятно на чем основанными и неизвестно откуда идущими <…> потребность отразиться в тексте, посмотреть себе в глаза предусматривает и ту работу познания, делать которую большинство сегодняшних читателей решительно отказывается. Человек не желает соглашаться с тем, что облик его зашифрован, что встреча с собой требует известных усилий и с его стороны. Человек, иными словами, не верит тексту»[237].

Психологические, ментальные особенности читателя-современника прежде всего интересуют и Л. Березовчук, обратившуюся к проблеме нечтения. По мнению критика, эстетические тенденции отражают те сдвиги, которые происходят в сознании читателя, спрос которого определяется не художественными факторами, а психологическими мотивами: потребностью в самоактуализации читающего, потребностью в компенсации алогичности существования, идентифицировании собственной языковой способности[238].

Фиксация изменений в восприятии реальности на примере восприятия литературы является главной задачей Л. Шульман. В центре ее размышлений оказывается современник, человек впечатлений, осознающий необходимость в перенастройке способов соотношения с реальностью. Литературная действительность, подвижная и нестабильная ни в эстетическом, ни в идеологическом плане, по мнению критика, активизирует внутренние возможности и восприимчивости человека и человечества[239]

---

[237] Славникова О. Читать мучительно не хочется: [Электронный ресурс] // Октябрь. 2000. № 8. URL: http://magazines.russ.ru/october/2000/8/slavnik.html (дата обращения: 11.05.2010).

[238] Березовчук Л. Естественный отбор: [Электронный ресурс] // Октябрь. 2000. № 10. URL: http://magazines.russ.ru/october/2000/10/berezov.html (дата обращения: 16.02.2009).

[239] Шульман Л. Сквозняки будущего. Штрихи к жизни и литературе: [Электронный ресурс] // Октябрь. 2001. № 4. URL:

http://magazines.russ.ru/october/2001/4/shul.html.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.